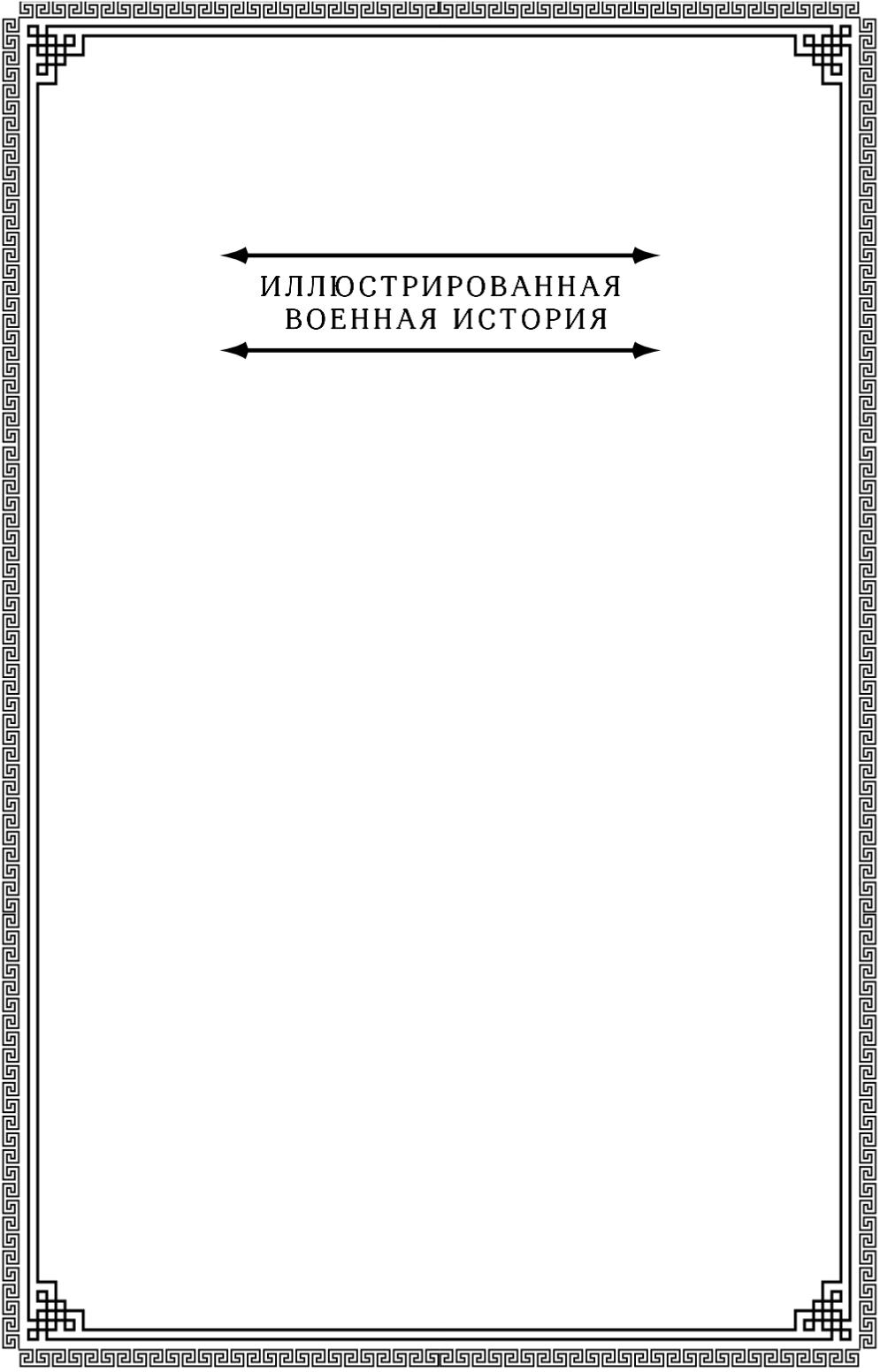


ГАЙ ЮЛИЙ
ЦЕЗАРЬ

ИСТОРИЯ
ГАЛЬСКОЙ
ВОЙНЫ



ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ



ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ



— ❖ — ❖ —
ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
100 — 44 ГГ. ДО Н.Э.
— ❖ — ❖ —

ГАЙ ЮЛИЙ
ЦЕЗАРЬ

—••—
ИСТОРИЯ
ГАЛЬСКОЙ
ВОЙНЫ
—••—

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ
—•—
2017

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32)
Ц31

Цезарь, Гай Юлий

Ц31 **История Галльской войны** / Гай Юлий Цезарь; пер. с латин. А.С. Клеванова — Москва : Издательство АСТ, 2017. 256 с.: ил. — (Иллюстрированная военная история).

ISBN 978-5-17-101778-1

Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н.э.), несомненно, был величайшим полководцем и государственным деятелем. Помимо непрерывного активного участия в политической и военной жизни, он написал несколько трудов, описывавших его автобиографический опыт. Одним из таких стало сочинение о Галльской войне. Это не только подробнейший источник по истории политических отношений античной эпохи, но и произведение, которое можно отнести к документальной хронике, мемуарам и военному трактату. Повествование книги обрамлено описаниями многих знаменательных событий того времени и этнографическими сведениями.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-101778-1

© А.С. Клеванов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017



Книга первая

1. Галлия вся делится на три части: в одной живут Белги, в другой Аквитаны, а в третьей Кельты, как они по-своему себя называют, а по-нашему Галлы. Эти три народа существенно отличаются друг от друга наречием, нравами и законами. Река Гаронна служит границей между Галлами и Аквитанами, а от Белгов Галлы отделены реками Марной и Сеной. Из этих трех народов храбростью отличаются преимущественно Белги; причина в том, что по отдаленности их от Римской Провинции они чужды влияния ее образованности; купцы редко проникают к ним, и потому изнеженность нравов не могла еще найти к ним доступа. Содействует этому и соседство Германцев, живущих по ту сторону Рейна, с которыми они ведут постоянные войны. По той же причине и Гельветы из Галльских племен отличаются храбростью: почти ежедневно имеют они стычки с Германцами, или отражая их от собственных пределов, или внося войну в их пределы. Область собственно так называемых Галлов начинается от реки Роны, окаймлена рекой Гаронной, Океаном и областью Белгов; со стороны Секванов и Гельветов она достигает реки Рейна, имея наибольшее протяжение по направлению к северу. Область Белгов, начинаясь с самого отдаленного конца области Галлов, касается нижней части течения реки Рейна, имея протяжение к северу и востоку. Аквитания от реки Гаронны простирается к Пиренейским горам и к части Океана, омывающей берега Испании; расположена на север и запад.

2. У Гельветов славился знатностью рода и богатством некто Оргеторикс. В консульство М. Мессалы и М. Пизона он, желая

сделаться единовластителем над своими соотечественниками, составил заговор с дворянством и убедил их со всем войском выйти из пределов отечества, представляя им завоевание всей Галлии весьма легким, по их храбрости, предприятием. Убеждения его тем более имели силы, что природа как бы сама заключила Гельветов в тесных рубежах: с одной стороны область Гельветов отделяется от Германцев весьма широкой и глубокой рекой Рейном, а от Секванов — крутыми горами Юры. Далее озеро Леман и река Рона служат границей Гельвеции от нашей Провинции. Таким образом, Гельветы не могли свободно делать нападения на соседей, как бы хотели, что было им при страстной охоте к войне крайне прискорбно. Область свою они считали тесной для многочисленного жившего в ней населения и несоответственной приобретенной ими славе о храбрости; в длину она простиралась на 240 миль, а в ширину — на 180.

3. Понуждаемые такими обстоятельствами и внимая убеждениям Оргеторикса, Гельветы определили устроить все что следует к походу, скупить как можно более телег и выючных животных, произвести посевы как можно в большем размере, чтобы заготовить потребное количество хлеба на дорогу, скрепить узы дружбы и приязни с соседними народами. Они постановили законом в течение двух лет изготовить все что нужно, а на третий год выступить в поход. Приведение в исполнение всего этого поручено Оргеториксу. Он, отправившись послом в соседние государства, на пути убеждает Кастика, сына Катаманталедова, Секвана, присвоить царскую власть над соотечественниками, которой пользовался его отец в продолжение многих лет, быв от Сената и народа Римского признан союзником. Также убедил он Эдуа Думнорикса, Дивитиакова брата, который пользовался большой любовью сограждан и имел на них великое влияние, домогаться верховной власти; ему он отдал свою дочь в замужество. Оргеторикс представил им этот план весьма удобоисполнимым, тем более что он сам готовился присвоить верховную власть над своими соотечественниками. Не было подвержено сомнению, что Гельветы — самый могущественный народ из

История Галльской войны

всех народов Галлии; их войском и средствами Оргеторикс обещал поддержать попытки своих друзей. Вняв его убеждениям, они скрепили свой союз общими клятвами и льстили себя надеждой, что, присвоив себе царскую власть над тремя сильнейшими и могущественнейшими народами Галлии, они легко будут господствовать надо всей Галлией.

4. Гельветам донесено было об этих замыслах Оргеторикса; они по заведенному обычаю заключили его в оковы и приказали ему оправдаться; в случае если бы он не успел доказать свою невиновность, его по закону надлежало сжечь. В день, назначенный для суда, Оргеторикс велел собраться к месту судилища всем своим сродникам, а было их не менее десяти тысяч; сюда же присоединились его клиенты и должники, которых также было немалое количество. С их помощью Оргеториксу удалось избавиться от оков и от необходимости оправдываться. Между тем как граждане в негодовании на такой поступок хотели оружием защищать свои права и с этой целью правительство собирало вооруженных поселян, Оргеторикс скоропостижно умер. У Гельветов прошел слух, что он сам себе причинил смерть.

5. Несмотря на смерть Оргеторикса, Гельветы не оставляют своего замысла и с жаром стараются покинуть свою страну. Когда они сочли себя достаточно подготовленными и снаряженными к походу, то предали огню все свои города в числе двенадцати, до четырехсот сел и вообще все частные строения; равным образом они истребили весь хлеб, какой не могли с собой взять; все это они делали с той целью, чтобы, отняв всякую надежду на возвращение, с большей готовностью выносить труды и опасности; каждому приказано было взять с собой съестных припасов на три месяца. Уступая убеждениям Гельветов, Раураки, Тулинги и Латобриги, их соседи, присоединились к ним и, также предав огню свои жилища, отправились в поход вместе с ними. Бои, которые жили по ту сторону Рейна, перешли в область Норическую и заняли Норею; они заключили союз с Гельветами и присоединились к ним.

6. Гельветам для выхода из их страны предстояло избрать какую-нибудь из двух дорог. Одна шла через землю Секванов, между горой Юрой и рекой Роной; она представляла много затруднений и до того узка, что с трудом могла проехать по ней одна телега; над ней возвышалась крутая и утесистая гора, так что здесь немногочисленный отряд мог остановить сильное войско. Другая дорога, много легче и удобнее, пролежала через нашу Провинцию, так как Рона, отделяющая землю Гельветов от Аллоброгов, недавно покоренных нами, во многих местах может быть переходима вброд. Самый пограничный и ближайший к земле Гельветов город Аллоброгов есть Женева; тут находится мост на Роне, ведущий к Гельветам. Они не сомневались или привлечь на свою сторону Аллоброгов, еще так недавно покоренных Римлянами и потому не совсем к ним расположенных, или силой принудить их пропустить их через свою область. Приготовив все к походу, Гельветы назначили день, в который все должны были собраться к берегам Роны; то было пятое число перед апрельскими Календами, в консульство Л. Пизона и А. Габиния.

7. Цезарь, получив известие, что Гельветы намереваются проложить себе путь через нашу Провинцию, поспешил оставить Рим и как можно поспешнее прибыл в Дальнюю Галлию и в Женеву. В Провинции приказал он произвести самый усиленный набор (во всей Дальней Галлии находился только один легион). Мост на Роне в Женеве Цезарь велел сломать. Гельветы, узнав о его прибытии, отправили к нему послов, именитых людей; во главе посольства стояли Намей и Верудоктий. Они сказали Цезарю: «Намереваются они пройти Римскую Провинцию, не причиняя никакого вреда, а по необходимости, не имея иного пути из своей страны, но не иначе как с его дозволения». Цезарь, припоминая, как Гельветы убили консула Л. Кассия, его войска поразили и обезоружили, не счел благоразумным дозволить им просимое. Зная враждебное расположение Гельветов, трудно было предполагать, чтобы они в случае движения через Римскую Провинцию удержались от грабежа и неприязненных действий. Впрочем, желая выиграть время и дать собраться войску, Цезарь отвечал Гель-



Легионеры
(рисунок по барельефам на колонне Траяна)

Гай Юлий Цезарь

ветам, «что ему нужно время на размышление и что ответ его они получают в апрельские Иды».

8. Между тем Цезарь с помощью легиона, с ним находившегося, и воинов, набранных в Провинции, провел вал протяжением на десять миль от озера Лемана, через которое протекает Рона, до горы Юры, служащей границей Гельветов от Секванов; в высоту этот вал имел шестнадцать футов, и при нем еще был ров. По окончании работ Цезарь расположил войска по укреплениям, готовый в случае покушения Гельветов насильственно проложить себе дорогу отразить их. Когда в назначенный день послы Гельветов прибыли за ответом, Цезарь сказал им следующее: «Не в обычае народа Римского через свои области пропускать вооруженных, и потому он не согласен допустить им путь через Провинцию; если же они вздумают действовать силой, то он будет отражать ее». Гельветы пытались было силой, одни на судах и плотах, собранных ими в большом количестве, другие вброд, где позволяла малая глубина Роны, проложить себе дорогу, то днем, то ночью возобновляя свои попытки; но все они были безуспешны; воины Римские из укреплений осыпали их стрелами и вынудили наконец отказаться от этого предприятия.

9. Оставалась еще дорога через землю Секванов, но по ней без согласия Секванов невозможно было пройти. Так как просьбы Гельветов о дозволении им пройти оставались бесполезными, то они отправили послов к Эдую Думнориксу с просьбой, чтобы при его посредничестве испросить у Секванов требуемое дозволение. Думнорикс пользовался большим расположением и влиянием у Секванов; притом он был в дружественных связях с Гельветами как потому, что за ним была дочь Оргеторикса, так и потому, что, пылая честолюбием и добиваясь верховной власти, он старался задобрить в свою пользу как можно более союзников. Вследствие этого он охотно взялся исполнить желание Гельветов и успел уговорить Секванов пропустить Гельветов по своей земле. Оба народа скрепили свой союз клятвами и взятием заложников с обеих сторон. Секваны ручались, что пропу-

стоят Гельветов по своей земле, а Гельветы — что они во время пути не сделают никакого вреда.

10. Цезарю донесено, что Гельветы намереваются по землям Секванов и Эдуев пройти в область Сантонов, а она была смежной нашему городу в Провинции — Тулузе. Цезарь понимал в случае удачи этого предприятия всю опасность соседства воинственного народа для плодородных и открытых природой наших земель в Провинции. Вследствие этого соображения Цезарь поручает сделанное им укрепление легату Т. Лабиену, сам поспешно едет в Италию, набирает там два легиона, берет с собой три, которые были расположены на зимних квартирах около Аквилей, и с пятью легионами поспешает в Дальнюю Галлию ближайшим путем через Альпы. Здесь Центроны, Граиоцелы и Катуриги, заняв высоты, хотели было остановить движение нашего войска. После многих с ними схваток, в которых Римляне имели верх, Цезарь из Оцела — города, стоящего на краю Ближней Провинции, — на седьмой день прибыл в область Воконтов в Дальней Провинции. Оттуда Цезарь прошел в область Аллоброгов, а от них в землю Сегузианов. Они первые живут по ту сторону Роны вне Провинции.

11. Между тем войско Гельветов уже прошло теснины и землю Секванов, проникло в землю Эдуев и опустошало ее. Эдуи, не будучи в состоянии защитить себя и имущество от них, отправили послов к Цезарю с просьбой о помощи, выставляя ему свои заслуги на вид, что они всегда вели себя в отношении к народу Римскому так дружелюбно, что не следовало бы Римскому войску смотреть равнодушно на то, как поля их опустошаются, дети уводятся в рабство, а города подвергаются опасности. В то же время Амбарры — племя, связанное узами родства с Эдуями, — дают знать Цезарю, что поля их опустошены и что самые города свои они с трудом могут отстоять от нападения Гельветов. Аллоброги, имевшие дома и поселения по ту сторону Роны, спаслись бегством к Цезарю, жалуясь, что у них осталась одна голая земля. Вследствие всего этого Цезарь решил не дожидать-

ся, чтобы Гельветы, разорив до конца наших союзников, прибыли в землю Сантонов.

12. По границе Эдуев и Секванов течет река Араp, впадающая в Рону. Течение ее до того медленно, что трудно узнать, смотря на нее, в какую сторону она имеет движение. Через эту реку переправлялись Гельветы на плотах и паромах. Лазутчики дали знать Цезарю, что три части войска Гельветов переправились через реку Араp, а четвертая осталась еще на этой стороне. Тогда Цезарь с третьей стражи ночи выступил из лагеря с тремя легионами и двинулся к той части войска Гельветов, которая еще не успела перейти реку. Те были застигнуты врасплох и не ожидали нападения, а потому большая часть их пала. Остальные бежали и скрылись в соседних лесах. Разбитые Гельветы принадлежали к Тигуринскому колену; вся же Гельвеция делится на четыре колена. Тигуринцы, оставив однажды свои пределы, на памяти отцов наших, убили консула Л. Кассия и обезоружили Римское войско. Таким образом, случай ли, воля ли богов бессмертных определили, что та же часть Гельветов, которая нанесла народу Римскому великий вред, первая понесла за то возмездие. В этом случае Цезарь был мстителем и за отечество, и за себя: Тигуринцы в том же сражении, где убили консула Кассия, убили и легата Л. Пизона, деда Цезарева тестя Л. Пизона.

13. После этого сражения Цезарь с целью настичь остальные войска Гельветов приказал навести мост на Араpе и перевел свое войско. Гельветы были поражены внезапным прибытием Цезаря, никак не ожидая, чтобы он в один день совершил ту переправу, на которую они потратили более двадцати дней, и отправили посольство к Цезарю. Во главе посольства был Дивикон, тот самый, который предводительствовал у Гельветов во время битвы их с консулом Л. Кассием. Дивикон говорил Цезарю следующее: «Если народ Римский заключит мир с Гельветами, они изъявляют готовность избрать себе жилища там, где им укажет Цезарь. Если же их хотят преследовать войной, то пусть вспомнят и о несчастье, постигшем от них оружие народа Римского, и о прежней

их доблести. Если Цезарь врасплох напал на часть их войска, отделенную от прочего рекой и потому не получившую помощи, и разбил ее, то пусть он этим не гордится и не приписывает своей доблести или недостатку их мужества. Они от предков получили завет — сражаться открытой силой и рассчитывать более на мужество, чем на военные хитрости. А потому берегся бы Цезарь, как бы то место, на котором они расположены, не ознаменовалось в памяти веков новым бедствием народа Римского и гибелью его войска».

14. Цезарь ему отвечал так: «Припоминая событие, на которое намекают Гельветы, он видит в нем ручательство успеха. То событие тем прискорбнее для него, что вины народа Римского в нем нет никакой, разве в том, что он, не сознавая ничего за собой, не принял мер осторожности, не сделав ничего, за что бы можно было опасаться, и не желая показать чувство страха без причины. Но если бы он и желал предать забвению давнишнюю обиду, может ли он забыть их недавние оскорбления, то, как они насильственно хотели проложить себе путь через Римскую Провинцию, то, что они разорили земли Эдуев, Амбарров и Аллоброгов? А если они так кичливо превозносят свои победы и хвалятся безнаказанностью своих злодейств, то все это ведет к одному. Боги бессмертные, намереваясь наказать людей за их преступления, чтобы чувствительнее сделать кару внезапным переходом от благополучия к несчастью, долго медлят возмездием и даже посылают успех нечестивым. Как бы то ни было, если они в доказательство чистосердечности своих намерений дадут заложников и если вознаградят Эдуев и их союзников, а равно и Аллоброгов за нанесенный ими вред, то он согласен заключить с ними мир». Дивикон отвечал: «Гельветы следуют завету предков своих — брать заложников и не давать их; народ Римский на себе испытал это».

15. После таких слов Дивикон удалился. На другой день Гельветы сняли лагерь с прежнего места. Также поступил и Цезарь; он всю свою конницу, числом четыре тысячи человек, собранную в Провинции у Эдуев и их союзников, послал вперед узнать, куда

двинется неприятель. Наши всадники, с жаром преследуя задние ряды неприятеля, в неудобном месте схватились с Гельветами и понесли небольшой урон. Гельветы еще более возгордились этим успехом, отразив пятьюстами всадников многочисленную нашу конницу, и перешли к наступлению, по временам из задних рядов нападая на наших. Цезарь не допускал своих до решительного боя, довольствуясь наблюдением за движениями неприятеля и не давая ему опустошать край. Таким образом, оба войска, Гельветов и наше, двигались одно за другим, так что между задними рядами неприятеля и нашими передовыми было расстояние от пяти до шести миль.

16. Между тем Цезарь почти ежедневно требовал от Эдуев провианта, который они обещали публично выставить. По случаю холодного времени, так как Галлия имеет климат суровый по своему северному положению, не только хлеб на полях еще не созрел, но самые пастбища были еще весьма скудны. Пользоваться хлебом, подвозимым по реке Араp, Цезарь не мог, так как Гельветы, от преследования которых он не хотел отказаться, удалились от берегов Араpа. Эдуи все откладывали со дня на день, говоря, что провиант собирают. Цезарь, видя, как много времени прошло в проволочках и что день раздачи хлеба воинам приближается, созвал главных из них; большая часть их находилась в Римском лагере. Тут были Дивитиак и Лискон — этот последний исправлял верховную у Эдуев должность *вергобрета*, избираемого на один год и пользующегося правом жизни и смерти над согражданами. Цезарь стал им сильно пенять, что они при столь крайних обстоятельствах, в виду неприятеля, когда невозможно ни купить хлеба, ни найти его в полях, оставляют его вопреки обещанию безо всякой помощи, и это с их стороны тем непростительнее, что война начата главным образом по их же просьбе и потому содействие их необходимо.

17. Тогда Лискон, вынужденный речью Цезаря, решился сказать то, что у него давно было на уме; он говорил: «Есть люди, имеющие по своему влиянию на народ более силы, чем самые на-



Римский всадник

чальники. Они-то своими возмутительными и бессовестными речами удерживают народ выставить сообразно обещанию хлеб. Видя, что они сами не в силах присвоить себе господство над Галлией, хотят, чтобы оно скорее принадлежало их же соотечественникам Галлам, чем Римлянам. А не подлежит сомнению, что если только Римляне победят Гельветов, то они отнимут вольность у всех Галлов вообще и в том числе и у Эдуев. Эти-то злонамеренные люди выдают врагам все наши намерения и все, что делается в нашем лагере. Положить этому конец не в его власти. Цезарю самому неизвестно, что только крайняя необходимость заставляла его высказать все это, притом с величайшей для себя опасностью; поэтому он и молчал, куда мог».

18. Цезарь понял, что Лискон в своей речи намекал на Думнорикса, Дивитиакова брата; но, не желая до времени перед многими раскрывать этого дела, он распустил собрание, а Лискона удержал при себе. Тот, смелее и свободнее один на один, подтвердил то, что говорил при всех. Тайно старался разузнать об этом Цезарь и от других, и все подтвердило истину слов Лискона: «Думнорикс, человек предприимчивый и смелый, снискал любовь народа своей щедростью, и честолюбию его не было границ. В течение многих лет за ничтожную плату имел он на откупе дорожные и другие сборы у Эдуев, и никто не смел идти против него на торгах. Из этого источника он составил себе большое состояние и вместе извлекал средства к господству подкупом и щедростью. На свой счет содержал он отряд конницы и имел его всегда при себе. Не довольствуясь влиянием у своих соотечественников, он всячески старался распространить его и на соседние народы; с этой целью он выдал свою мать за одного из первых по роду и могуществу лиц у Битуригов; жена его была из племени Гельветов. Сестру свою и других родственниц он повывадал замуж в соседние города. Самые узы родства заставляют его желать успеха Гельветам. Ненавидит же он от всей души Римлян за то, что с их прибытием его влияние начало слабеть и его брат Дивитиак получил прежнюю степень чести и значения. Думнорикс питал себя надеждой в случае поражения Римлян при содействии Гель-

История Галльской войны

ветов присвоить себе царскую власть. При господстве же Римлян он не только опасается за свои честолюбивые замыслы, но и боится утратить и то влияние, которым теперь пользуется». В этих расспросах Цезарь узнал, «что в недавней стычке нашей конницы с малочисленной неприятельской Думнорикс со своим отрядом первым обратился в бегство (а Думнорикс был главнокомандующим вспомогательного отряда конницы, присланного Эдуями Цезарю) и тем произвел робость и замешательство во всех».

19. Разузнав все это, Цезарь имел в виду многие обстоятельства, не подлежащие сомнению, как то: что Думнорикс доставил Гельветам свободный проход через землю Секванов, что при его посредничестве они дали друг другу заложников, что все это совершено им не только без ведома его, Цезаря, и государства, но и сам народ Эдуев об этом не знал ничего, в чем свидетельствовали его власти. По всему этому Цезарь видел необходимость или самому судить Думнорикса, или предать его суду его соотечественников. При этом его затрудняло одно обстоятельство: брат Думнорикса Дивитиак отличался величайшей преданностью к народу Римскому, большим расположением к Цезарю, умеренностью, справедливостью, постоянством и твердостью в слове. А потому Цезарь боялся оскорбить его казнью брата. Итак, не приступая к решительным действиям, Цезарь призвал к себе Дивитиака. Он стал с ним говорить не через посредство всегдашних переводчиков, но через Г. Валерия Процилла — первое лицо в Провинции Галльской, приближенное к нему, Цезарю, и пользовавшееся его полным доверием. Тут Цезарь объявил Дивитиаку, что в его присутствии на совете Галльских начальников говорилось о его брате и что потом он узнал из частных расспросов разных лиц. В заключение Цезарь убеждает и просит Дивитиака не обижаться, если он, Цезарь, расследовав обстоятельства дела, присудит его брата к заслуженному наказанию или сам, или предоставит его суду его соотечественников.

20. Дивитиак, обливаясь слезами, обняв Цезаря, умоляет его «не быть слишком строгим к его брату; что все обвинения на не-

го, к несчастью, слишком справедливы; что это никого так не оскорбляет до души, как его, Дивитиака; что в то время, когда он, Дивитиак, пользовался честью и уважением не только соотечественников, но и всей Галлии, брат его был еще слишком молод и не пользовался никаким значением; что, будучи всем обязан ему, Дивитиаку, он всеми средствами старался не только уничтожить его влияние, но и погубить его; тем не менее он, Дивитиак, дорожит чувством братской любви и уважением соотечественников. Если Цезарь поступит с Думнориксом строго, то каждый, видя, каким уважением пользуется у него Дивитиак, подумает, что не без его участия так поступили, и таким образом он, Дивитиак, сделается предметом негодования всей Галлии». Долго со слезами умолял об этом Дивитиак Цезаря. Тот, взяв его правую руку, просил его успокоиться и не молить его более, уверяя, что он так его любит, что из расположения к нему готов забыть обиду свою личную и отечества. Послали за Думнориксом, и Цезарь при его брате выставляет ему на вид все его вины, как собственные его, так и обвинения его сограждан; убеждает не подавать в будущем повода к подозрениям, а его прошлое он соглашается предать забвению из расположения к его брату Дивитиаку. Тем не менее к Думнориксу была приставлена стража, так что все его действия и слова должны были быть известны Цезарю.

21. В тот же день передовые разъезды дали знать Цезарю, что неприятель расположился лагерем у подножия горы, милях в восьми от Римского лагеря. Тотчас Цезарь послал осмотреть эту гору и узнать, удобен ли на нее всход. Оказалось, что он не затруднителен. С третьей стражи ночи Цезарь велит своему легату Т. Лабиену, правившему должность претора, с двумя легионами занять вершину горы; в проводники ему дали тех, кто был послан для осмотра горы. В четвертую стражу ночи Цезарь с остальным войском двинулся к неприятелю тем же путем, по которому он шел. Вперед послал он всю конницу; передовые разъезды были вверены начальству П. Консидия, пользовавшегося славой опытности в военном искусстве, которое он изучил сначала в войске Л. Суллы, а потом в войске М. Красса.



Галльский всадник
(рисунок по изображению на древней монете)

22. На рассвете вершина горы была занята Т. Лабиеном, и Цезарь с войском от неприятельского лагеря находился не более как в полутора милях. Как впоследствии узнал он от пленных, Гельветы еще ничего не знали о приближении Лабиена и его самого. Вдруг Консидий поспешно подскакал к Цезарю и сказал ему, что гора, которую приказано было занять Лабиену, в руках Галлов; что он безошибочно узнал их вооружение и значки. Цезарь отвел свои войска на находившийся по соседству холм и стал располагать их в боевом порядке. Лабиен, следуя приказанию Цезаря не вступать в битву с неприятелем, прежде чем войско самого Цезаря появится близ его лагеря, для того чтобы нападение было дружным и одновременным, поджидал движения наших и спокойно стоял, заняв вершину горы. Уже прошла большая часть дня, когда Цезарь узнал от лазутчиков, что гора находится в нашей власти и что Гельветы сняли лагерь. Консидий же, пораженный страхом, донес Цезарю о том, чего он на самом деле не видал. Цезарь пошел за неприятелем в том же расстоянии, как и прежде, и расположился лагерем в трех милях от лагеря Гельветов.

23. На следующий день Цезарь, видя, что остается только два дня до срока, назначенного для раздачи хлеба воинам, и что город Бибракт, один из важнейших и богатейших городов земли Эдуев, находится на расстоянии не более 18 миль, решил запастись провиантом и с этой целью двинулся к Бибракту. Беглецы из отряда Л. Эмилия, десятского Галльской конницы, дали знать неприятелю о новом движении Цезаря. Гельветы полагали, что Римляне удалились от них по чувству робости, тем более что они, накануне заняв гору, не решились вступить в сражение; с другой стороны, они надеялись, может быть, воспрепятствовать Римскому войску снабдиться провиантом. Как бы то ни было, но Гельветы, изменив свои намерения, двинулись вслед за Цезарем, временами нападая на задние ряды его войска.

24. Заметив это, Цезарь занял соседнюю возвышенность своими войсками, а всю конницу выслал вперед остановить натиск неприятеля. Между тем, устраивая боевой порядок в три линии,

История Галльской войны

Цезарь в первой линии, посередине холма, поместил четыре легиона старых, опытных воинов; позади же них, на самой вершине холма, он поставил два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, и все вспомогательные войска. Таким образом, весь холм был наполнен воинами; все тяжести Цезарь велел снести в одно место на вершине холма и вверил их защите третьей линии. Гельветы, шедшие со всем своим обозом, также собирают его в одно место, сами же, дружным нападением отразив нашу конницу, бросаются на нашу передовую линию, построившись в колонну.

25. Цезарь спешил сам и велел всему войску оставить коней, чтобы, уравнив опасность для всех, отнять надежду на бегство, краткой речью ободрил своих и дал знак к битве. Наши воины осыпали сверху неприятеля стрелами и тем внесли замешательство в его ряды; заметив это, они извлекли мечи и бросились на врагов. Галлы терпели большое затруднение в бою, оттого что наши стрелы вонзались в их щиты и, загнувшись там, не могли быть легко вынуты и обременяли тяжестью левую руку до того, что многие Галлы, чтобы ловчее сражаться, вовсе бросали щиты и бились ничем не прикрытые. Получив много ран, утомленные боем, неприятели стали отступать и удалились на гору, которая была в расстоянии одной мили. Между тем как они занимали гору, а наши их преследовали, Бойи и Тулинги, в числе пятнадцати тысяч прикрывавшие отступление неприятеля, заметив, что наши, преследуя, открыли свой фланг, ударили в него и стали обходить наших. Видя это, Гельветы, уже удалившиеся было на гору, снова стали наступать и возобновили битву. Римляне сообразно требованию обстоятельств построились иначе: первая и вторая линии выдерживали нападение врагов, уже было побежденных, а третья противостояла его свежим силам.

26. Долго бой продолжался с переменным счастьем, упорно с обеих сторон. Будучи не в состоянии выдерживать дальше нападение наших, иные Гельветы удалились, как прежде, на гору, а другие обратились к защите своего обоза. Во время всей этой

битвы, продолжавшейся от седьмого часа до вечера, неприятель ни разу не показал нам тыла. До поздней ночи битва происходила у обоза; повозки служили неприятелю вместо окопа; одни сверху осыпали наших стрелами, другие из-за повозок и колес метали дротики и копья и ранили наших. Наконец, после упорной битвы наши овладели неприятельским обозом; тут были захвачены в плен дочь Оргеторикса и один из его сыновей. Около 130 000 человек составляли неприятельскую силу после этого сражения; они шли всю ночь, не останавливаясь ни на минуту, и на четвертый день достигли области Лингонов. Наши не могли их преследовать, в течение трех дней занятые погребением убитых и оказанием помощи раненым воинам. Цезарь послал к Лингонам письмо, запрещая им оказывать помощь Гельветам хлебом или чем бы то ни было, угрожая в случае послушания поступить с ними, как с неприятелями. По прошествии трех дней Цезарь со всем войском двинулся вслед за Гельветами.

27. Гельветы, до крайности лишенные всего, отправили послов к Цезарю с изъявлением покорности. Они застали Цезаря на пути, пали к его ногам и со слезами молили его о мире. Цезарь приказал им дожидаться его прибытия в том месте, где они находились. Воля его была исполнена; тогда Цезарь потребовал заложников, выдачи оружия и рабов, убежавших к ним. Пока его требование приводилось в исполнение, по прошествии суток шесть тысяч человек из того колена Гельветов, которое называется Вербигеном, решились бежать, или опасаясь казни после выдачи оружия, или надеясь, что во множестве покорных не будет замечено их отсутствие. Как бы то ни было, они с наступлением следующей ночи оставили лагерь Гельветов и двинулись к Рейну и Германской границе.

28. Цезарь, узнав об этом, приказал тем племенам, по земле которых должны были проходить беглые Гельветы, чтобы они захватили их и привели, если сами хотят оставаться в покое. С пойманными Гельветами он велел поступить, как с врагами; остальные же, дав заложников и выдав оружие и перебежчиков, ос-

тались невредимы. Цезарь приказал Гельветам, Тулингам и Латобригам возвратиться на прежние жилища. Так как они были лишены средств пропитания, истребив все дома, то Аллоброгам велено было снабдить их требуемым количеством хлеба; Гельветам было предписано восстановить сожженные ими города и села. Цезарь более всего опасался, как бы земля Гельветов не оставалась впусте и не сделалась легкой добычей Германцев, живших за Рейном. Прельщенные плодородием почвы, Германцы могли занять Гельвецию и таким образом сделаться непосредственными соседями Галлии и Аллоброгов. Что касается Бойев, то, уступая просьбе Эдуев, Цезарь позволил этому народу, знаменитому храбростью, поселиться с ними вместе. Эдуи дали Боям земли для поселения и сравняли их в правах со своими согражданами.

29. В лагере Гельветов были найдены и принесены к Цезарю списки на греческом языке, в которых подробно показывалось количество оставивших свои жилища Галлов, как способных носить оружие, так и детей, стариков и женщин. Всего было: Гельветов — 263 000, Тулингов — 36 000, Латобригов — 14 000, Раураков — 23 000, Бойев — 32 000; из них способных носить оружие было 92 000. Всех же вообще было 368 000. По переписи, сделанной по приказанию Цезаря, оказалось, что из этого числа возвратились домой 110 000.

30. По окончании войны с Гельветами к Цезарю прибыли послами ото всех почти племен Галлии первые лица; они принесли ему поздравления и говорили: «Небезызвестно им, что Цезарь мстил Гельветам за давнее оскорбление, нанесенное ими народу Римскому; тем не менее достойная казнь, понесенная этим племенем, полезна была в высшей степени для всей Галлии. Гельветы, находясь наверху силы и могущества, оставили свои древние жилища и устремились на Галлию с целью покорить ее, избрать лучшие и плодороднейшие места ее для поселения, племена же, ее населяющие, сделать своими данниками». В заключение Галльские послы просили Цезаря позволить им назначить день общего для всей Галлии совета: «на нем по взаимном совещании имеют

они просить Цезаря о многих важных делах». Получив это дозволение, Галлы назначили день совещания, обязав друг друга клятвой, что будут держать его в тайне и не открывать иначе, как где это будет дозволено с общего согласия.

31. Когда собрание разошлось, те же главные лица Галльских племен опять собрались к Цезарю и просили дозволения на тайной аудиенции объяснить ему свои нужды. Получив желаемое, со слезами они все упали в ноги Цезарю. «Для них, — говорили они ему, — столько же важно достигнуть цели своих просьб, сколько и то, чтобы то, что они будут говорить, оставалось в тайне; если же это обнаружится, то всем им угрожает неминуемая гибель». От лица всей Галлии Эдуи Дивитиак сказал следующее: «Галлы разделены на две враждебные партии; во главе одной стоят Эдуи, во главе другой — Арверны. Много лет продолжалась между этими двумя народами борьба о первенстве; наконец Арверны и Секваны вздумали пригласить к себе на помощь Германцев. Сначала только 15 000 человек перешли по эту сторону Рейна; этим грубым и невежественным людям полюбили почву Галлии, богатства и образованность ее жителей; одни за другими подходили в Галлию Германцы, и ныне в Галлии их находится уже 120 000. Эдуи со своими союзниками не раз пытались прогнать оружием пришельцев, но потерпели жестокое поражение, утратив сенат, всю конницу и цвет дворянства. Таким образом, Эдуи, народ, прежде и по своей доблести, и по союзу и приязни народа Римского занимавший первое место среди Галльских племен, вынужден был именитейших граждан отдать в заложники Секванам и при этом присягнуть в том, что никогда не будет ни требовать назад своих заложников, ни умолять народ Римский о помощи, ни какими-либо средствами домогаться свергнуть наложенное на него иго рабства. Один он, Дивитиак, из всего народа Эдуев не согласился ни дать в том клятву, ни детей своих в заложники. Вследствие этого вынужденный бежать, он прибыл в Рим и умолял Сенат о помощи, не будучи один из всех связан ни клятвами, ни заложниками. Не менее, как и Эдуев, горькая участь постигла и их победителей Секванов. Ариовист, царь Германский,

История Галльской войны

поселился в их области, плодороднейшей во всей Галлии, и занял для своих воинов третью часть ее; ныне же он требует у Секванов еще третьей части их полей, так как несколько месяцев тому назад прибыли к нему еще 25 000 Гарудов, для поселения которых и нужно очистить землю. В течение немногих лет все Галлы будут лишены своих земель и все Германцы перейдут по эту сторону Рейна, так как почву Германии нельзя сравнить с Галльской и образ жизни Галлов несравненно лучше Германского. Ариовист же, с тех пор как разбил Галльские войска у Магетобрии, стал повелителем надменным и жестоким; в заложники требует он детей благороднейших семейств и в случае малейшегослушания его воли истязает их разного рода мучениями. Вообще как истинный варвар Ариовист действует под влиянием гнева и гордости; власть его стала для Галлов невыносимой. Если народ Римский и Цезарь не вступятся за них, то им не останется ничего более, как последовать примеру Гельветов, то есть оставить свои жилища и искать другие места для поселения, подальше от Германцев, и что бы ни случилось, возложить всю надежду на судьбу. Если только Ариовист узнает о предмете их просьб, то все заложники, у него находящиеся, погибнут мучительной смертью. Цезарь во главе многочисленного войска своим личным влиянием, еще свежим впечатлением недавней победы и величием народа Римского может остановить движение Германского народа на эту сторону Рейна и защитить всю Галлию от притеснений Ариовиста».

32. Когда Дивитиак окончил говорить, то все Галлы, сколько их было в собрании, с великим плачем стали просить Цезаря подать им руку помощи. Цезарь заметил, что одни Секваны не следовали примеру других, но, в горе потупив головы, смотрели в землю. Удивленный этим, Цезарь спросил их о причине, но они ничего не отвечали и пребывали в грустном молчании. Несколько раз спрашивал Секванов Цезарь и не мог добиться от них никакого ответа. Наконец Эдуй Дивитиак сказал Цезарю: «Жребий Секванов потому ужаснее и тягостнее всех прочих, что только они не смеют даже и тайно ни жаловаться, ни молить о помощи; жестокости отсутствующего Ариовиста они опасаются столько

же, как если бы он здесь был. Прочим есть возможность спастись бегством; Секваны же, приняв Ариовиста в свои пределы и отдав в его власть все свои города, не могут избежать страшных от него мучений».

33. Выслушав все это, Цезарь старался ободрить Галлов и обещал им озаботиться их просьбой; причем высказал надежду, что Ариовист из уважения и благодарности к нему, Цезарю, положит конец притеснениям. Затем Цезарь распустил собрание, впрочем, по многим причинам он счел за нужное обратить внимание на высказанные в нем весьма важные соображения. Прежде всего, Эдуи — народ, не раз удостоенный от Сената и народа Римского названия сродников и братьев, был унижен и поработщен Германцами и вынужден дать заложников им и Секванам. А при такой степени могущества народа Римского допустить это — было бы унижить и себя, и его. Притом привычка Германцев — переходить по эту сторону Рейна и в большом числе селиться в Галлии — грозила в будущем серьезной опасностью для народа Римского. Нельзя было не предвидеть, что эти дикие и необузданные варвары, заняв всю Галлию, по примеру Кимвров и Тевтонов не оставят в покое и нашу Провинцию и оттуда ударят на Италию; опасность была тем ближе, что только Рона отделяет нашу Провинцию от земли Секванов. Против этого, следовательно, надо было принять меры заблаговременно. К тому же Ариовист до того сделался надменным и самонадеянным, что пора было положить конец его своеволию.

34. Вследствие таких соображений Цезарь отправил послов к Ариовисту, требуя от него, чтобы он назначил ему время и место для совещания, так как ему, Цезарю, необходимо переговорить с ним о важных делах, касающихся народа Римского и его, Ариовиста. Послам Цезаря Ариовист дал следующий ответ: «Если бы ему было до Цезаря какое дело, то он сам бы его отыскал; если же Цезарю он теперь нужен, то Цезарь может сам к нему пожаловать. Притом он не решится без войска явиться в ту часть Галлии, которой владеет Цезарь; собрать же войско в одно место нужно много труда и издержек. Впрочем, ему удивительно, какое может

быть дело Цезарю или народу Римскому до той части Галлии, которой он владеет по праву оружия?»

35. Цезарь, получив такой ответ Ариовиста, отправил к нему снова послов с такими речами: «Так как он, Ариовист, забыв благодеяние народа Римского, в консульство его, Цезаря, нарекшего его через Сенат царем и другом, не согласился явиться на свидание и даже отрекся переговорить об общих делах, то не угодно ли ему будет согласиться на следующее: отныне впредь не переводить в Галлию по сю сторону Рейна своих соотечественников; возвратить взятых у Эдуев заложников, позволить Секванам со своей стороны сделать то же; ничем не наносить обиды Эдуям и их союзникам. Если он, Ариовист, согласен на эти условия, то прочная приязнь будет у него и с ним, Цезарем, и с народом Римским. Если же откажется, то он, Цезарь, на основании сенатского декрета, изданного в консульство М. Мессалы и М. Пизона, которым велено начальникам Галльской провинции блюсти интересы государства и заботиться о защите Эдуев и других союзников народа Римского, возьмется за оружие в защиту притесненных Ариовистом Эдуев».

36. Ответ Ариовиста на это был следующий: «Право войны велит победителям налагать на побежденных такие условия, какие заблагорассудят. Конечно, и народ Римский в этих случаях руководствуется своим произволом и не нуждается в чьем-либо посредничестве. Если он, Ариовист, не указывает народу Римскому, как ему поступать в своем праве, то и народу Римскому не следует препятствовать ему в свободном отпращивании его права. Эдуи состязались с ним оружием, побеждены открытой силой и стали его данниками. Цезарь делает ему, Ариовисту, великую обиду уже тем, что с его прибытием они стали неисправно платить дань. Эдуям заложники возвращены не будут, но и войной они будут пощажены дотоле, пока будут соблюдать данные обещания и исправно платить дань. Если же они этого не исполнят, то не защитит их от его мщения имя союза и дружбы с народом Римским. Что же касается угрозы Цезаря мстить за обиду Эдуев, то доселе никто безнаказанно не обнажал меч на Ариовиста. Если

хочет, пусть идет на бой и убедится в мужестве Германцев, доселе непобедимых, опытных в бою, в течение четырнадцати лет не знавших покоя и отдохновения».

37. Почти в то же время, когда Цезарю принесли ответ Ариовиста, пришли к нему послы от Эдуев и Тревиоров. Эдуи жаловались, что Гаруды, недавно пришедшие в Галлию, опустошают их земли, хотя они и дали Ариовисту заложников, но даже и таким образом не защитились от его притеснений. Тревиры дали знать Цезарю, что сто родов Свевских пришли на берега Рейна, стараясь перейти на эту сторону; ими начальствуют Цимберий и два брата Назуя. Эти известия сильно встревожили Цезаря: он увидел необходимость действовать поспешно; в случае соединения прежних сил Ариовиста с вновь прибывшими Свевами трудно было бы противопоставить им сопротивление. Вследствие этого Цезарь, запасшись как можно поспешнее провиантом, двинулся к Ариовисту.

38. Уже три дня был Цезарь в походе, когда ему дали знать, что Ариовист со всем войском двинулся занять Везонций¹, главный город Секванов, и что уже три дня, как он перешел границу. Для Цезаря было весьма важно не допустить Ариовиста овладеть этим городом. Прежде всего он был в изобилии снабжен всеми запасами, необходимыми для ведения войны. Притом в военном отношении он представлял весьма важный пункт, будучи сильно укреплен природой: почти кругом омывает его река Дубис как бы искусственным рвом. В промежутке, оставленном рекой, возвышается крутая гора футов 600 высотой, склоны которой с обеих сторон доходят до самых берегов реки. Вершина горы обнесена стенами и составляет крепость; она соединяется с городом. Цезарь поспешно, не останавливаясь ни днем ни ночью, идет к городу, занимает его и ставит там гарнизон.

39. Цезарь провел несколько дней в Везонции для заготовки провианта и принятия мер к его свободному подвозу. Между

¹ Ныне Безансон



Римский велит

тем на расспросы наших воинов купцы и Галлы говорили им с ужасом об огромном росте Германцев, невероятном их мужестве и опытности в военном деле, утверждая, что, встречаясь с ними, они не в состоянии даже вынести выражения их страшного лица и огненного взора. Такие слухи распространили по нашему лагерю робость и смущение умов. Первыми поддались чувству страха военные трибуны, префекты и другие, более из дружбы к Цезарю следовавшие за ним из Рима и не имевшие великой опытности в военном деле. Они искали разных предлогов просить у Цезаря позволения ехать домой. Иные еще оставались, не желая обнаружить страха, но он невольно выказывался в чертах их лиц; видно было, что с трудом выдерживались они от слез; удалясь в палатки, они или сами наедине оплакивали свой жребий, или горевали вместе об общей угрожавшей им опасности. Везде по всему лагерю публично писались завещания. Такая робость не могла не подействовать и на более опытных в военном деле солдат, сотников и начальников конницы. Не желая показать себя столь же трусливыми, как первые, они говорили, что не враг внушает им опасение, а неудобство пути, узкого и идущего лесами, которые еще отделяют их от Ариовиста, и невозможность свободно подвозить съестные припасы. Некоторые даже предупреждали Цезаря, что когда он поднимет сигнал снимать лагерь и выносить военные значки, то воины откажутся повиноваться и от робости не поднимут военных значков.

40. Примечая это, Цезарь приказал созвать к себе сотников всех рядов и с жаром пенял их: «На что им допытываться, куда их ведут и с какой целью? Ариовист во время его консульства добивался с величайшей охотой чести носить наименование друга народа Римского. Можно ли думать, чтобы он так необдуманно изменил своему долгу? По крайней мере он, Цезарь, не теряет надежды, что Ариовист, обдумав его требования и взвесив справедливость предложенных им условий, не отвергнет дружеское расположение и его, и народа Римского. Если же он в безумии и неистовстве и начнет войну, то чего им опасаться? За-

чем им сомневаться в собственном мужестве и благоразумии их полководца? Отцы наши уже имели дело с этим врагом, и поражение Кимвров и Тевтонов Г. Марием доставило равную славу и полководцу, и его войску. И сами они недавно в Италии испытывали военные труды в усмирении бунта рабов, которые находили еще много опоры в нашей же дисциплине и обычаях, у нас перенятых. Из этого они сами могут видеть, сколько храбрость сама по себе представляет ручательства безопасности; ведь тех же, кого они без причины боялись безоружных, впоследствии они усмирили, несмотря на их вооружение и победы. Притом это те же Германцы, с которыми неоднократно Гельветы имели схватки не только в своей, но и в их земле и оставались по большей части победителями, тогда как сами Гельветы не могли выдержать нападения нашего войска. Но их пугает поражение Галлов; о причинах пусть они их спросят; так и узнают, что Ариовист в течение нескольких месяцев находил защиту в болотах и не давал возможности Галлам напасть на себя. Когда же они, утомленные ожиданием и не имея терпения дожидаться боя, стали расходиться, тут он напал на них и разбил их более хитростью и искусством, чем доблестью. Но тот же благоприятный случай, который помог ему против невежественного и неопытного народа, вряд ли поможет ему против нашего войска, да и сам Ариовист вряд ли на него рассчитывает. Обнаруживать же опасение относительно затруднений пути или подвоза съестных припасов значит дерзко сомневаться в способности их полководца или присваивать себе его обязанности. Пусть они заботу обо всем этом предоставят ему одному. Секваны, Левки, Лингоны будут снабжать нас хлебом; притом же он на полях уже поспевает. А относительно удобств дороги они сами могут вскоре узнать. Ослушания же воинов и отказа их поднять военные значки он не боится. Знает он, что войско теряет уважение к начальнику или в том случае, когда ему изменит счастье, или тогда, когда он будет уличен в злоупотреблениях и лихоимстве. Порукой же его невиновности служит вся его прошлая жизнь, а залогом счастья — благоприятный конец войны Гельветской. Итак, он поспешит выступлением, которым было медлил, и в

следующую же ночь, в четвертую ее стражу, даст знак снимать лагерь, желая поскорее узнать, что имеет больше власти над его воинами: чувство ли чести и долга или трусость. Если же никто за ним не последует, то он пойдет и с одним десятым легионом, в котором он не сомневается; он будет для него преторианской когортой». К этому легиону Цезарь особенно благоволил и вполне полагался на его испытанное мужество.

41. Речь эта совершенно изменила расположение умов; у всех появились величайшее рвение и усердие к войне. Первым десятым легион благодарил через военных трибунов Цезаря за выгодное о нем мнение и изъявил полную готовность идти с ним в поход. Прочие легионы также через военных трибунов и сотников первых рядов просили Цезаря принять их объяснение, «что никогда не имели они ни сомнений, ни робости и всегда были того убеждения, что о военных делах должен заботиться только полководец, а не они». Удовлетворясь этим объяснением, Цезарь расспросил о дороге Дивитиака, к которому из всех Галлов имел наибольшее доверие. Он предпочел сделать обход на 50 миль для того, чтобы вести войско по открытой местности, и в четвертую стражу, как обещал, выступил в поход. На седьмой день безостановочного похода передовые разъезды дали знать, что войска Ариовиста находятся от наших в 24 милях.

42. Узнав о приближении Цезаря, Ариовист отправил к нему послов, напоминая ему, что поскольку он, Цезарь, изъявил желание переговорить с ним, то теперь по случаю их близости это очень возможно, и изъявляя готовность явиться на свидание. Цезарь с удовольствием встретил предложение Ариовиста; он надеялся, что Ариовист возвратился к здоровым видам умеренности, потому что предложил сам то же, в чем отказал, когда ему самому предлагали. Цезарь льстил себя надеждой, что Ариовист из благодарности за столько знаков расположения со стороны его, Цезаря, и народа Римского не будет упорствовать и согласится на его требования. Свидание назначили на пятый день. Между тем неоднократно отправляли с обеих сторон по-

слов, и Ариовист изъявил желание, чтобы Цезарь не брал с собой ни одного пешего воина, опасаясь с его стороны покушения захватить его, Ариовиста; и тот и другой должны были иметь с собой только конную свиту — иначе Ариовист не соглашался. Цезарь не хотел по столь ничтожной причине расстроить сделку, но и опасался вверить свою жизнь коннице, состоявшей из Галлов. А потому он счел за лучшее, взяв коней у Галльских всадников, отдать их воинам десятого легиона, к которому он имел наибольшее доверие; таким образом, на случай нужды он приготовил себе самую верную защиту. По этому случаю остроумно заметил один из воинов десятого легиона: «Цезарь сделал больше, чем обещал: он дал слово считать десятый легион за свою преторианскую когорту; ныне же он его пожаловал во всадники».

43. Посреди обширной равнины возвышался довольно высокий холм; он находился почти в равном расстоянии от обоих лагерей и потому был избран для свидания. Цезарь, не доходя до холма двухсот шагов, поставил свой конный легион; в таком же расстоянии от холма стояла и конница Ариовиста. Германский вождь требовал, чтобы вести переговоры, не сходя с коней, и чтобы взять с собой по десять верховых на совещание. Когда оба вождя встретились, Цезарь стал говорить первый. Он напомнил Ариовисту свои одолжения и милости Сената, «как он получил от Сената наименование царя и друга и был осыпан щедрыми подарками. Такой милости прежде удостаивались немногие, да и то в награду за великие услуги. Он же, Ариовист, получил все это по великодушию Сената и расположению его, Цезаря, не имея на это собственно никакого права». Далее Цезарь изложил, «как издавна и какие основательные причины имеют Эдуи рассчитывать на союз Римлян, какие милостивые декреты неоднократно издавал Римский Сенат в отношении к ним, как Эдуи пользовались старейшинством в Галлии, еще прежде чем искали союза народа Римского. А он поставляет себе законом не только ничего не отнимать у своих друзей и союзников, но всячески содействовать увеличению их чести, славы и могущества.

А потому может ли он теперь равнодушно снести, что у Эдуев отнято даже и то, с чем они приступили к союзу Римлян?» В заключение Цезарь повторил те же условия, которые он предлагал через послов, «чтобы Ариовист не тревожил впредь войной Эдуев и их союзников, чтобы возвратил им заложников и, если невозможно уже часть находящихся у него Германцев отправить за Рейн, то чтобы он обязался впредь не принимать их на эту сторону».

44. Ариовист вскользь коснулся требований Цезаря, выставляя многословно на вид свои заслуги: «Он перешел Рейн не сам по себе, но по желанию и усиленной просьбе Галлов; оставив дом и родных, вправе он был льститься великими надеждами, ожидать большого вознаграждения. Если он имеет места для поселения в Галлии, то они уступлены ее жителями; равно и заложники даны ими же добровольно. Дань наложена на них по военному праву, как всегда победители поступают с побежденными. Не он начал войну с Галлами, но Галлы с ним; все племена Галлии ополчились было на него и стали против него лагерем; но он всех их в одном сражении разбил и обратил в бегство. Если они снова желают возобновить с ним бой, то он согласен принять его. Если же они желают пользоваться миром, то несправедливо с их стороны отказываться платить дань, которую они до сей поры не находили для себя тягостной. Союз народа Римского должен служить ему к чести и защите, а не приносить вред; с этой-то надеждой он и искал его. Если же народ Римский будет прощать за него дань и лишать его плодов его побед, то с не меньшим усердием готов он отречься от его приязни, с каким добивался ее прежде. Если он Германцев переводит в Галлию, то для своей защиты, а не для ее завоевания; доказательством служит то, что он пришел в Галлию по зову ее жителей и не начинал войны, а только отразил ее. А явился он в Галлию прежде, чем народ Римский; донныне войско Римское не переходило границ Провинции. Что же Цезарю нужно? Зачем он пришел в его владения? Эта Галлия по такому же праву провинция его, Ариовиста, по какому она — Провин-

ция Римлян. Если ему, Ариовисту, Римляне не позволят сделать нападение на свои владения, то может ли он равнодушно видеть вмешательство Римлян в его право? Хотя Цезарь и говорит, что Эдуи получили от Сената наименование братьев, но неизвестно ему, Ариовисту, что в недавнюю войну Римлян с Аллоброгами Эдуи не оказали помощи Римлянам, а в борьбе Эдуев с ним, Ариовистом, и с Секванами Римляне также не принимали участия. Вынужден он по всему этому подозревать, что Цезарь под личиной дружбы держит войско на его гибель. А потому он ему объявляет, что если он не выведет войска из этих мест, то он будет с ним обращаться уже не как с другом, а как с врагом. Убийством Цезаря он, Ариовист, задобрит в свою пользу многих знатнейших Римлян, занимающих первые места в государстве; они сами присылали к нему об этом, и, таким образом, он имеет возможность гибелью Цезаря снискать благосклонность и дружбу его соотечественников. Если же Цезарь отступит и предоставит ему спокойное обладание всей Галлией, то получит от него, Ариовиста, великое за то вознаграждение. Где бы и с кем бы Цезарь ни начал войну, Ариовист берется вести ее за него без всяких для него трудов и опасностей».

45. Цезарь со своей стороны говорил много, стараясь доказать, почему ему невозможно отказаться от своих намерений. Между прочим он сказал, «что не в обычае его и народа Римского жертвовать своими приятелями и союзниками и что он, Цезарь, не может понять, почему бы этой Галлии принадлежать Ариовисту, а не Римлянам. К. Фабий Максим победил Рутенов и Арвернов, но народ Римский простил их, не присоединил их земли к Провинции и даже не взял с них дани. Примеры самых отдаленных времен могут служить доказательством, как справедливо и великодушно действовали всегда Римляне в отношении к Галлии. Сенат предписал, чтобы Галлия, хотя по праву войны и покорная Римлянам, пользовалась ненарушимо вольностью и управлялась собственными законами».

46. Переговоры еще шли, когда Цезарю дали знать, что всадники Ариовиста приближаются к холму и мечут в наших стрелы и камни. Тогда Цезарь положил конец совещанию и отъехал к своим, строго приказав не метать ничего в неприятеля. Бой отборного легиона с неприятельской конницей не мог быть сомнителен, но Цезарь не допустил до него, опасаясь, как бы победу не приписали коварству, что будто бы он заманил неприятеля под видом переговоров. Когда наши воины узнали, с какой надменностью действовал Ариовист на совещании, как он отрицал право Римлян на всю Галлию, как всадники его совершили нападение на наших и тем положили конец переговорам, то они обнаружили сильнее, чем прежде, рвение и охоту к бою.

47. Через два дня после этого Ариовист прислал к Цезарю послов сказать, что ему нужно переговорить с ним о делах, о которых толковали на совещании, но не закончили. А потому пусть он вновь назначит день совещания или, если не желает, пришлет к нему послом кого-нибудь из своих легатов. Цезарь не заблагорассудил согласиться на новый съезд тем более, что и на первом Германцы не могли удержаться от неприязненных поступков. Отправить послом кого-то из своих Цезарь также не решился, не желая подвергать опасности и вверять произволу диких и необузданных людей. Лучше всего Цезарь решил послать к Ариовисту Г. Валерия Процилла, сына Г. Валерия Кабура; этот молодой человек отличался прекрасными достоинствами и ласковым обращением — отец его получил право гражданства от Г. Валерия Флакка, пользовался доверием Цезаря и хорошо знал Галльский язык, на котором Ариовист вследствие давнего пребывания в Галлии мог говорить бегло. Притом же Германцы не имели причины и повода к неудовольствию на этого молодого человека. С Проциллом был послан М. Меттий, не раз пользовавшийся гостеприимством Ариовиста. Им поручено было узнать, в чем состоят предложения Ариовиста, и передать их Цезарю. Увидав у себя в лагере послов Римских, Ариовист в присутствии всего войска

воскликнул: «Что вы пришли здесь делать? Заниматься шпионством?» Тщетно те пытались отвечать, но им не дали говорить и заковали в цепи.

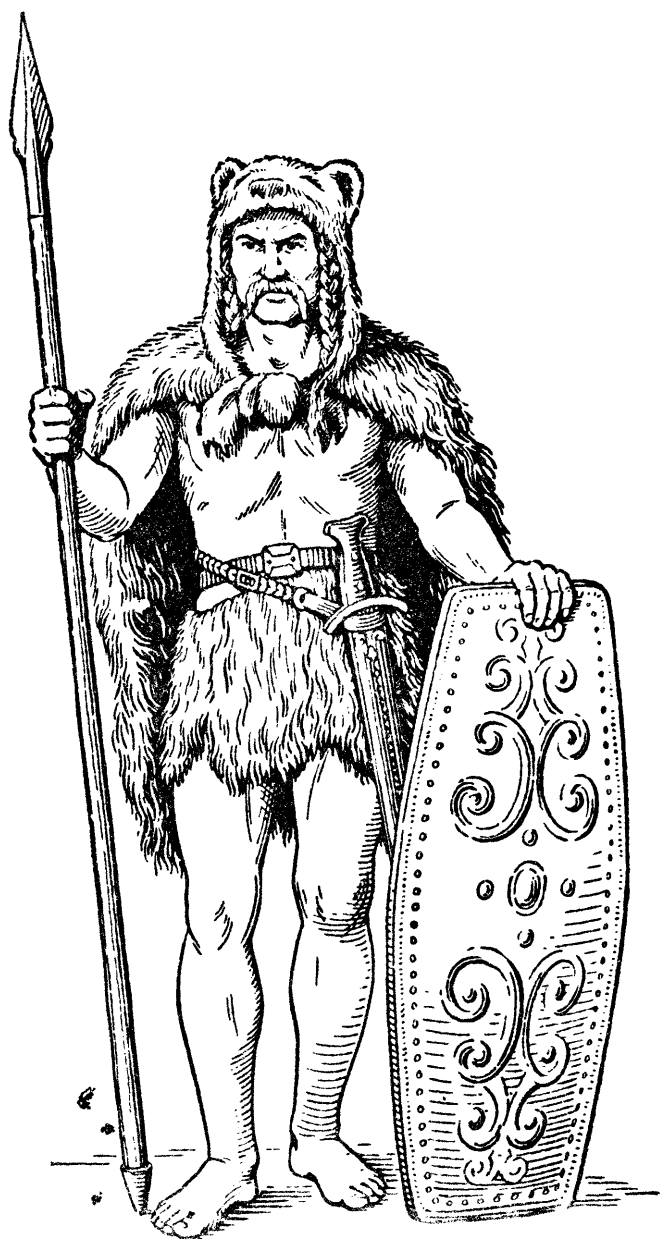
48. В тот же день Ариовист снял лагерь и перешел к подножию горы милях в шести от Цезарева лагеря. На другой день Ариовист прошел со своим войском мимо лагеря Цезаря и остановился за ним в двух милях. Это движение Ариовист совершил с той целью, чтобы отрезать Цезарю подвоз съестных припасов из земель Секванов и Эдуев. Начиная с этого дня в течение пяти дней Цезарь ежедневно выводил свои войска из лагеря в боевом порядке, показывая Ариовисту готовность принять бой. Между тем Ариовист в течение всего этого времени держал свои войска в лагере, только ежедневно высылая для нападения конницу. Сражаться на конях Германцы приобрели величайшую опытность. У них было до 6000 всадников, и столько же сопровождало их пехотинцев, отличающихся мужеством и быстротой бега; всадники выбирали их из всего войска для своей защиты и безопасности. В сражении они бились подле всадников; на них же обычно опирались всадники в случае отступления. Они же выручали их в минуту опасности. Если всадник падал раненый с коня, они его защищали. В случае быстрого движения конницы при нападении или отступлении эти пехотинцы равнялись по скорости бега с конями, до того ловкость развивалась у них от упражнения!

49. Цезарь, видя, что Ариовист не выходит из лагеря, и желая опять открыть свободный подвоз съестных припасов, прошел то место, на котором стояли Германцы, и в шестистах шагах от них выбрал место, удобное для лагеря; он шел с войском, расположенным в три линии. Первая и вторая линии стояли под оружием, между тем как третья трудилась над укреплением лагеря. Место это, как мы выше сказали, было от неприятеля в расстоянии не более 600 шагов. Ариовист выслал 16 тысяч человек отборного войска и всю конницу с целью уstrate наши войска и помешать работе над укреплениями. Но Цезарь

выполнил свой план: первая и вторая линии отразили неприятеля, а третья безостановочно производила работы. Когда лагерь был окончен, Цезарь оставил в нем два легиона и часть союзных войск, а сам с четырьмя легионами возвратился в прежний лагерь.

50. На следующий день Цезарь, не изменяя своему обыкновению, вывел войска из обоих лагерей и, отойдя немного от главного лагеря, стал в боевом порядке, предлагая бой Ариовисту. Германцы и на этот раз не вышли из лагеря; прождав их до полудня, Цезарь опять увел войско в лагери. Только тогда Ариовист выслал часть своих войск для нападения на наш ближайший лагерь; тут с обеих сторон завязался упорный бой, продолжавшийся до вечера. Солнце уже садилось, когда Ариовист после кровопролитного, но ничего не решившего боя отвел свои войска в лагерь. Цезарь спрашивал у пленных Германцев, почему Ариовист не решается вступить в битву, и узнал следующее: у этого народа матери семейств гаданиями и метанием жребия узнают, следует ли сражаться или нет. В настоящем же случае они предсказали, что до новолуния военное счастье не может быть благоприятно для Германцев.

51. На следующий день Цезарь оставил в лагерях необходимое для их обороны число воинов, а все вспомогательное войско расположил перед меньшим лагерем, для того чтобы скрыть малочисленность воинов в легионах, уступавших в численности неприятельскому войску; сам же, устроив войско в три линии, двинулся с ним к неприятельскому лагерю. Тогда Германцы, вынужденные необходимостью, выводят свои войска из лагеря; каждое племя стало отдельно; в равном друг от друга расстоянии поместились Гаруды, Маркоманны, Трибокки, Вангионы, Неметы, Седузии, Свевы. Строй их с целью сделать невозможным бегство был обнесен их повозками; на них были помещены их женщины; простирая руки, они умоляли шедших на битву воинов не отдавать их в рабство Римлянам.



Древнегерманский воин

52. Цезарь каждому легиону дал в начальники префекта и легата, для того чтобы они были свидетелями и порукой взаимной храбрости; сам же с правым крылом ударил на ту часть неприятельского строя, которая была слабее других. По данному сигналу наши так быстро ударили на неприятеля и тот со своей стороны так поспешно бросился навстречу, что бой сделался рукопашным, прежде чем могли быть брошены дротики. Отбросив их, наши схватились за мечи; Германцы, по обыкновению построившись в колонну, приняли на щиты удары мечей. Но многие из наших воинов бросались на их строй, вырывая у них щиты и нанося раны поверх них. В то время как неприятель на левом крыле пришел в расстройство и обратился в бегство, его правый фланг сильно теснил наши войска своей многочисленностью. Заметив это, молодой П. Красс, командовавший конницей (а ему, не участвовавшему в бое, виднее был ход дела), ввел в бой третью запасную линию и тем вовремя поддержал наших в минуту опасности.

53. Наши ободрились, а неприятель повсюду обратился в бегство и не останавливался до самого Рейна, находившегося от места битвы на расстоянии 50 миль. Немногие спаслись на той стороне вплавь или на лодках. Сам Ариовист переправился на тот берег в найденном им челноке. Большая же часть неприятелей погибла от мечей посланной в погоню нашей конницы. У Ариовиста было две жены: одна из Свевского рода, которую он взял с собой оттуда; другая — сестра царя Нориков Воциона, на которой он женился, уже находясь в Галлии; обе они погибли во время бегства. Из двух дочерей Ариовиста одна была убита, а другая попала в плен. Сам Цезарь, преследуя с конницей неприятелей, наткнулся на Г. Валерия Процилла; которого в тройных оковах влекли за собой Германцы. Этому обстоятельству Цезарь обрадовался не меньше, чем победе; он был в восхищении, что увидел невредимым одного из благороднейших мужей Галлии, своего приятеля и друга, попавшего было в руки врагов. Судьба сделала торжество Цезаря более полным, избавив Процилла от гибели. Он рассказывал Цезарю, что три раза в его же, Про-

История Галльской войны

цилла, присутствии о нем бросали жребий — немедленно ли его сжечь на костре или оставить до другого времени, и три раза жребий велел ему жить. Точно так же нашли и привели к Цезарю и М. Меттия.

54. Когда на той стороне Рейна узнали о результате боя, то Свевы, пришедшие было к реке, стали удаляться восвояси. Прибрежные жители, пользуясь их смущением, преследовали их и многих побили. Цезарь, окончив в течение одного лета две весьма важные кампании, отвел несколько раньше, чем следовало по времени года, свои войска на зимние квартиры в землю Секванов; сдав начальство над войсками, расположенными по зимним квартирам, Т. Лабиену, Цезарь отправился в Ближнюю Галлию, на открывавшиеся там сеймы.



Книга вторая

1. Между тем как Цезарь, о чем уже сказано выше, проводил зиму в Ближней Галлии, дошли до него частные слухи, подтвержденные и письмами Лабиена, что все Белги — а они, как мы видели, занимали третью часть всей Галлии — составляют союз против народа Римского и скрепляют его взаимной дачей заложников. Причиной этого были следующие обстоятельства: во-первых, Белги опасаются, как бы по усмирении всей Галлии Римское войско не обратилось на них. Во-вторых, много содействовали этому убеждения некоторых Галлов. Одни из них, не желая водворения в Галлии Германцев, неохотно и враждебно смотрели на то, что Римское войско зимует и как бы осваивается в Галлии. Другие по легкомыслию и ветрености ждали перемен; особенно те, кто, пользуясь своим влиянием и возможностью держать наемное войско, присваивал над своими соотечественниками царскую власть; при господстве же Римлян они не могли так свободно приводить в исполнение свои честолюбивые замыслы.

2. Вследствие таких слухов и писем Цезарь набирает два новых легиона в Ближней Галлии. С наступлением лета он отправляет их в Дальнюю Галлию под начальством легата К. Педия. Сам он отправился к войску, когда в поле стало довольно кормов; Сенонам и другим Галльским племенам, жившим по соседству с Белгами, Цезарь приказал разведывать и давать ему знать обо всем, что у них происходит. Все известия говорили об одном, что Белги собирают войско и сводят его в одно место. Тогда Це-

История Галльской войны

зарь решил действовать и на двенадцатый день выступил в поход. Озаботясь о том, чтобы в подвозе провианта не было недостатка, Цезарь снял лагерь и после пятнадцати дней похода прибыл к границам Белгов.

3. Движение Цезаря было таким быстрым и приход его таким неожиданным, что Ремы, первое племя Белгов со стороны Галлии, отправили к нему послов, знатнейших лиц — Ицция и Антеброга. Именем своих соотечественников они сказали Цезарю, «что отдают себя и все свое на волю и произвол Римского народа; что они не принимали участия в общем союзе Белгов против Римлян; что они согласны дать заложников, исполнить все, что будет приказано от Цезаря, пустить его войско в свои города, снабдить провиантом и всем, в чем оно будет иметь нужду». При этом послы Ремов сообщили известие, «что все Белги взяли за оружие, что Германцы, живущие по сю сторону Рейна, присоединились к ним и что всеобщее воодушевление таково, что племя Суессонов, родственное и единоутробное Ремам, пользующиеся с ними одними и теми же правами и законами, признающие одну и ту же власть и одних начальников, несмотря на все их убеждения, пристало к общему союзу Белгов».

4. Цезарь расспрашивал послов о том, какие именно племена взяли за оружие и как велики их силы на войне, и узнал следующее: «Большая часть Белгов Германского происхождения; предки их, давно перешедшие Рейн, поселились здесь вследствие плодородия почвы, вытеснив отсюда коренных жителей — Галлов. Только Белги из всех племен Галлии, когда на памяти наших предков Кимвры и Тевтоны поработили всю Галлию, отразили их с успехом от своих пределов. Вследствие этого обстоятельства они относительно военного дела пользуются большей славой, и не менее и сами думают о себе в этом отношении. О числе наших врагов послы Ремов брались сообщить нам верные и подробные сведения; вследствие их родственных отношений с Белгами они знали, сколько каждое племя обещало на общем сейме выставить воинов. Первое ме-

сто среди Белгов по могуществу, влиянию и многолюдству занимают Белловаки; они могут выставить до 100 тысяч человек; из этого числа они обещали 60 тысяч отборного войска с условием, чтобы им принадлежало главное распоряжение войной. За Белловаками следуют Суессоны, соседи их, Ремов; обширная их область отличается плодородием. У них еще недавно, на нашей памяти, был царем Дивитиак, могущественнейший в Галлии; он простер свою власть не только на большую ее часть, но и на Британию. Теперь у них царем Гальба. По испытанному его благоразумию и храбрости ему вверили с общего совета начальство на войне. У Суессонов 12 городов; они обязались выставить на войну 50 000 человек. Столько же обещали Нервии, самое отдаленное и дикое из племен Белгов. Атребаты дадут 15 000; Амбианы — 10 000; Морины — 25 000; Менации — 9000; Калсты — 10 000, Верокассы и Веромандуи — столько же; Адукатики — 19 000. Кондрузы, Эбуроны, Церазы, Пеманы, известные под общим именем Германцев, по их мнению, могут выставить до шестидесяти тысяч человек».

5. Цезарь ласково обошелся с послами Ремов, приветливо говорил с ними; только потребовал, чтобы к нему явился весь их сенат и чтобы дети первых семейств были отданы ему в заложники. Все это было аккуратно исполнено в назначенный срок. Между тем Цезарь тщательно внушает Дивитиаку, какая общая опасность угрожает и Римлянам, и всей Галлии, если силы врагов соберутся вместе, и указывает ему на необходимость их разъединения. Этого же можно достигнуть, если войска Эдуев нападут на землю Белловаков и станут ее опустошать. Поручив ему это, Цезарь его отпустил. Между тем все войска Белгов, собравшись в одно место, двинулись навстречу Римлянам. Узнав об этом от своих разъездов и из показаний Ремов, Цезарь перешел реку Аксону, составляющую северную границу Ремов, и стал за ней лагерем. Тут он имел в виду защитить берегом один фланг своей армии и также обезопасить ее тыл; таким образом, подвоз к нему съестных припасов от Ремов и из прочей Галлии мог осуществляться беспрепятственно. Через Аксону был мост; для его

оберегания Цезарь поставил отряд, а на другой стороне реки — легата К. Титурия Сабина с шестью когортами; лагерь обнесли валом высотой 12 футов и рвом глубиной 22 фута.

6. В восьми милях от лагеря Цезарева находился город Ремов Бибракт; на него обратились первые усилия Белгов, и в этот день город устоял с трудом. У Галлов и Белгов осада городов производится одним и тем же образом. Окружив город войском со всех сторон, они бросают во множестве на стены камни и стрелы и тем стараются прогнать с них защитников; потом, прикрыв себя «черепахой» из щитов, они подходят к воротам и подрывают стену. Успех такой осады тем вернее, что почти никогда осажденные не могут выдержать град стрел и камней и бывают вынуждены оставить стену. На этот раз ночь положила конец осаде. Рем Ицций, тот самый, который был послом у Цезаря, начальствовавший в то время в городе и пользовавшийся уважением и любовью его граждан, отправил послов к Цезарю, давая ему знать, что город, если ему не будет прислано на выручку войско, не может долее держаться.

7. В полночь Цезарь посылает на помощь городу Нумидских и Критских стрелков и Балеарских пращников; проводниками вспомогательному отряду служили посланники Ицция. С их прибытием осажденные Ремы ободрились и оборонялись с новым мужеством; осаждающие же потеряли надежду взять город. Вследствие этого они не долго оставались под городом, а, опустошив его окрестности и предав огню все села и деревни, обратили все свои силы к лагерю Цезаря. На расстоянии от него менее двух миль они остановились лагерем, который, как можно было судить по разведенным огням, протянулся более чем на 8 миль.

8. Сначала Цезарь, опасаясь и превосходства неприятельских сил, и молвы о его храбрости, медлил начать решительное сражение. В легких стычках конницы он испытывал и силы неприятеля, и степень мужества своих воинов. Убедившись, что наши ни в чем не уступят врагу, он избрал перед лагерем для устройства

боевого строя удобное от природы и благоприятное место. Холм, на коем был расположен наш лагерь, мало-помалу возвышался над равниной; в ширину он имел именно столько пространства, сколько требовалось для расположения на нем войска в боевом порядке; по обе же стороны он имел скаты, а к равнине опускался постепенно, едва приметной наклонностью. Цезарь обе стороны холма прорезал широкими поперечными рвами, в длину шагов на шестьсот; по концам рвов он сделал укрепления и поставил в них метательные орудия. Все это было сделано с целью, чтобы превосходящий числом неприятель не воспользовался своей многочисленностью и не обошел фланги армии Цезаря во время битвы. Устроив все это, Цезарь оставил в лагере два легиона, недавно им набранные, для того чтобы они могли оказать помощь там, где потребуются; шесть же легионов, составлявших остальное его войско, расположил в боевом порядке перед лагерем. Неприятель также вывел свои войска из лагеря и выстроили их в боевом порядке.

9. В промежутке, разделявшем оба лагеря, находилось небольшое болото. Неприятель ждал, чтобы наши первыми его перешли; наши же хотели напасть именно тогда, когда неприятель станет его переходить. В ожидании же происходили схватки конницы. Так как ни та, ни другая сторона не решалась совершить нападение, то Цезарь, воспользовавшись перевесом наших в происходившем сражении обеих конниц, увел войско в лагерь. Неприятель же немедленно обратился к реке Аксоне, которая, как мы сказали выше, протекала у нас в тылу. Он надеялся, воспользовавшись найденными бродами, перейти реку, овладеть укреплением, которым начальствовал легат К. Титурий, и разрушить мост. В случае же неудачи нападения неприятель хотел опустошить поля Ремов, откуда мы извлекали средства к ведению войны, и прекратить подвоз съестных припасов нашему войску.

10. Титурий дал знать об этом Цезарю, и тот немедленно отправил к нему всю конницу, легковооруженных Нумидов, прашников и стрелков; перейдя мост, они встретили непри-



Метание пилума

ятеля. Дело в этом месте произошло жаркое. В то время, когда неприятель, войдя в реку, решился ее перейти, наши перебили у него много людей. Тщетно неприятель по грудам тел своих же пытался перейти реку: град стрел вынудил его остановиться. Тогда неприятель, видя невозможность овладеть городом и стать на путях сообщения Римлян или напасть на наше войско при благоприятных для себя условиях местности и испытывая при этом недостаток в съестных припасах, собрал общий совет и постановил на нем разойтись всем по своим домам. Если же Римляне нападут на какое-либо племя Белгов, то все должны спешить ему на помощь; они полагали с большей пользой вести войну в своих пределах, получая провиант и все нужное дома. Много содействовало этому решению среди прочих причин известие, что Дивитиак с войском Эдуев приближается к области Белловаков. Ничто не могло долее удержать Белловаков и заставить их остаться еще; они пошли защищать свои дома.

11. Решившись на это, они во вторую стражу ночи выходят из лагеря с шумом, безо всякого порядка, не признавая никакого начальства, ни распоряжения; каждый спешил сам по себе домой и шел, куда ему вздумалось. Таким образом, удаление Белгов более походило на бегство. Цезарю его лазутчики тотчас дали знать о происходившем; но ему такое действие со стороны Белгов казалось необъяснимым; он подозревал тут военную хитрость, а потому и пешему и конному войску не велел выходить из лагеря. На рассвете, получив более точные и подробные известия от передовых разъездов, Цезарь послал в погоню за неприятелем всю конницу, вверив ее начальству легатов К. Педия и Л. Аурункулея Котты, а легату Т. Лабиену велел идти за конницей с тремя легионами. Они нагнали задние ряды неприятеля, теснили их и били на пространстве многих миль; последний строй неприятеля наконец остановился и сильно и с успехом отражал натиск наших; но те из Белгов, которые были впереди, полагая себя вне опасности и не признавая ничьего над собой приказанья, забываясь только о себе, услышав военные клики, разорвали свои ряды и

искали спасения в бегстве. Таким образом, наши убивали врагов безо всякого сопротивления в течение всего дня. С наступлением сумерек по данному приказанию они оставили преследование и возвратились в лагерь.

12. На другой день Цезарь, не давая неприятелям опомниться от поражения и страха, повел войска в область Суессонов, граничившую с землей Ремов. Сделав длинный переход, он подошел к городу Новиодуну¹. Он пытался было овладеть этим городом внезапным нападением, узнав, что в нем малый гарнизон; но ширина рва и высота стены, несмотря на малочисленность осажденных, защитили на этот раз город. Тогда Цезарь укрепил лагерь, стал устраивать осадные машины и вообще готовиться к ведению правильной осады. Между тем в следующую ночь Суессоны, бежавшие вместе с другими от Римлян, вошли в город. Были приставлены к городу стенобитные орудия, сделаны насыпи и на них поставлены башни. Все эти осадные работы, которых Галлы прежде никогда не видали и даже не слыхали о них, и быстрота действий Римлян поразили ужасом Суессонов; они прислали к Цезарю послов с изъявлением покорности. При посредничестве Ремов, ходатайствовавших за них, им была дарована безопасность.

13. Цезарь взял в заложники детей именитейших граждан и даже двух сыновей царя Гальбы; обезоружив всех жителей города, он принял от Суессонов изъявление их покорности и повел войско против Белловаков. Они и сами собрались, и свое имущество отнесли в город Братуспантий. Цезарь еще находился от этого города на расстоянии в 5 миль, когда все старейшины Белловаков вышли к нему из города навстречу, протягивая к нему руки и объявляя, что они отдаются в полную его волю и не желают вести войну с народом Римским. Когда же Цезарь подошел к городу и у его стен расположился лагерь, то дети и женщины со стен протягивали к Римлянам руки, умоляя их о мире.

¹ Ныне Суассон, или Нойон.

14. В защиту Белловаков Дивитиак (а он после удаления Белгов распустил войско Эдуев и возвратился к Цезарю) говорил следующее: «Белловаки постоянно были в союзе и в дружбе с Эдуями. Они были обмануты своими начальниками, которые уверили их, что Эдуи обращены Цезарем в рабство и терпят величайшее угнетение и притеснения всякого рода, и, следуя их внушениям, оставили союз с Эдуями и начали войну с Римлянами. Виновники ее, видя, причиной каких бедствий они были, бежали в Британию. Не только сами Белловаки, но за них Эдуи умоляют Цезаря быть в этом случае великодушным и милостивым. Послушав их мольбы, Цезарь упрочит приязнь Белловаков для Эдуев, а на их помощь и содействие они привыкли рассчитывать во всех войнах, которые им приходится вести».

15. Цезарь, желая почтить Дивитиака и Эдуев, уступил их просьбе и объявил Белловакам, что он принимает их покорность и ручается за их безопасность. Принимая в соображение, что это племя Белгов — самое значительное и многочисленное, Цезарь потребовал от него 600 заложников. Получив их, а также и отобрав оружие у жителей города, Цезарь оттуда двинулся в землю Амбианов; те без замедления изъявили совершенную покорность. За ними находились земли Нервиев; расспрашивая о свойствах этого народа и о его нравах, Цезарь узнал следующее: «Они не позволяют к себе входа купцам, строжайше запрещая ввоз вина и прочих служащих к роскоши предметов; этим они желают предупредить расслабление нравственности и военной доблести. Это народ дикий, но храбрый. С негодованием и презрением отзываются они о прочих Белгах, виня их, что они, изменив примеру мужества, завещанному предками, покорились Римлянам, и утверждают, что никогда не отправят послов и не согласятся на мир на каких бы то ни было условиях».

16. Три дня уже шел Цезарь по земле Нервиев, когда узнал от пленных, что остается не более 10 миль от его лагеря до реки Сабиса; за ней же собрались, дожидаясь Римлян, все Нервии вместе со своими соседями Атребатами и Веромандуями, которых

История Галльской войны

они убедили испытать вместе военное счастье. Они ждали еще прибытия войск Адуатиков, уже бывших на походе. Женщин и вообще всех бесполезных на войне они удалили в места, непроходимые для войска из-за топей и болот.

17. Узнав обо всем этом, Цезарь послал вперед разъезды и с ними сотников выбрать удобное место для лагеря. Между тем при войске Цезаря находилось много Белгов, изъявивших покорность, и вообще Галлов, следовавших за ним. Из них-то некоторые, как потом открылось из показаний пленных, разузнав порядок движения нашего войска, ночью отправляются к Нервиям и дают им знать, что между легионами бывает обычно значительный обоз. А потому они советовали совершить нападение на первый легион, когда он под тяжестью будет входить в лагерь, а другие легионы будут отделены от него значительным расстоянием. Поразив первый легион и разграбив обозы, без труда справятся они с остальным войском, пораженным страхом. Совет этот был тем более кстати, что Нервии издревле не имеют конницы и доныне не стараются ее заводить, обращая все свое внимание на пешее войско. Обычно они, желая воспрепятствовать движению по своей земле конницы соседственных народов, делающей набеги для грабежа, рубят деревья широкими рядами, сучья которых, перепутавшись вместе и оплетенные разными ползучими растениями и кустарником, представляют настоящее подобие стены; не только перелезть через нее, но даже и увидеть ничего невозможно. Принимая в соображение, что эти засеки будут останавливать движение нашего войска, Нервии решили воспользоваться поданным советом.

18. Местность, выбранная для устройства нашего лагеря, была такова: холм исподволь спускался к реке Сабису, о которой мы упоминали выше. Шагах в двухстах напротив этого холма возвышался над рекой такой же холм равномерной покатости; нижняя его часть была открытой, а верхняя покрыта лесом, и потому внутренность холма была непроницаема для глаз. В этом-то лесу неприятель скрылся в засаде; по открытому же месту виднелись

там и сям по берегам реки небольшие отряды конницы. Глубина реки в этом месте была футов около четырех.

19. Цезарь велел вперед идти коннице, а за ней шел сам со всеми войсками, впрочем, совершенно в ином от прежнего порядке, о котором Белги дали было знать Нервиям. Принимая в соображение близость неприятеля, Цезарь по своему обыкновению вел шесть легионов налегке; тяжести же всего войска находились позади них; два легиона, недавно набранные, прикрывали тыл всей армии и обозы. Наша конница вместе со стрелками и пращниками перешла реку и ударила на неприятельскую конницу; та отступила к лесу и из леса возобновляла нападение; наши же преследовали отступающих неприятелей только на открытом месте и не отваживались следовать за ними в лес. Между тем шесть легионов, шедшие впереди, размерив место, приступили к работам относительно укрепления лагеря. Лишь только неприятель, бывший в лесу в засаде, увидел первые тяжести нашего войска — а это у них было условленным знаком к нападению, — как в том же боевом порядке, каким он был в лесу, ободрив друг друга, всеми силами с удивительной быстротой бросился на нашу конницу. Без труда смяв ее и прогнав, неприятель с невероятной поспешностью бросился к реке, так что почти одновременно он был и в лесу, и у реки и уже нападал на наших. С той же поспешностью неприятель взобрался на холм к месту нашего лагеря и к нашим войскам, занимавшимся возведением укреплений.

20. Цезарю предстояло в одно и то же время много распоряжений: нужно было поднять знамя, служившее сигналом браться воинам за оружие, дать другой знак трубой, чтобы отозвать воинов от работы, и созвать тех, которые, ища материалы для насыпи, отошли далеко. Сделать все это препятствовали краткость времени и быстрота нападения неприятеля. В этом затруднении большой помощью служили опытность воинов и знание дела; из прежних сражений они уже знали сами, как им надлежало поступить, так же хорошо, как если бы это было им приказано.

Притом при каждом легионе находился легат, которому Цезарь не велел отлучаться от легиона и от производимых работ, пока укрепления лагеря не будут окончены совершенно. Близость неприятеля и быстрота его движений были таковы, что легаты, не дожидаясь уже распоряжений самого Цезаря, принимали меры к защите, каких требовали обстоятельства.

21. Цезарь, отдав самые необходимые приказания, поспешил ободрить воинов; поехав наудачу, он прежде всех других встретил десятый легион. Краткой речью он убеждал воинов, чтобы они не изменили прежней доблести и не допускали бы чувства робости, выдерживая стойко натиск врага. Так как неприятель был на расстоянии не далее полета стрелы, то Цезарь дал знак к сражению. Отправившись далее с той же целью речью ободрить воинов, Цезарь попал уже в самый пыл битвы. Время было так коротко и неприятель так нетерпеливо завязал бой, что наши не только не успели приготовить значки, но даже надеть шлемы и снять со щитов покрытия. Воины наши, оставив работы, строились под первым же знаменем, которое видели, для того чтобы не потерять случая драться, пока станут отыскивать свои ряды.

22. Таким образом, войско Римское построилось по указанию обстоятельств, сообразно условиям покатой и гористой местности более, чем сообразно требованиям военного искусства. Каждый легион сражался сам по себе, будучи отделен от других непроходимыми засеками, о которых мы говорили выше, через которые даже ничего не было видно. Таким образом, не было резервов, не было возможности следить за ходом боя, не было общего им распоряжения. При таких неблагоприятных условиях счастье военное в разных местах битвы было различным.

23. Воины девятого и десятого легионов, составлявшие левое крыло нашей армии, бросили свои дротики в неприятеля, и Атребаты, находившиеся против них, утомленные поспешностью сво-

его движения и усыпанные ранами от дротиков, были без труда смяты и сброшены в реку. Решившись при отступлении перейти ее, они потеряли весьма много своих от мечей Римлян. Преследуя неприятеля, они не усомнились по его пятам перейти реку и, несмотря на неблагоприятную для себя местность, поразили снова неприятеля, пытавшегося было остановиться и возобновить сражение. В другом месте одиннадцатый и восьмой легионы, поразив Веромандуев, бывших против них, и преследуя их, с холма спустились до самой реки. Таким образом, наш лагерь стал совершенно открытым спереди и с левой стороны; на правом крыле оставались только двенадцатый легион и в некотором от него отдалении седьмой. Заметив это, Нервии под предводительством своего главного начальника Бодуогната всеми силами обратились к этому месту. Часть их начала с открытой стороны обходить с фланга наши легионы, а часть устремилась на вершину холма к месту нашего лагеря.

24. В это время наша конница и легковооруженная пехота, ее сопровождавшая, при первом нападении неприятеля, как мы выше упомянули, отступили и удалились в лагерь. Теперь, видя неприятеля перед собой, они после непродолжительного сопротивления обратились в бегство в другую сторону. Служители, находившиеся при нашем войске, видя от задних ворот нашего лагеря и с вершины холма, что наше войско поразило неприятеля и преследовало его за рекой, отправились за добычей, как вдруг, посмотрев назад, увидели неприятеля уже в нашем лагере и в ужасе обратились в бегство. Также и те, кто был при обозе, в испуге и замешательстве кричали и разбежались, кто куда попало. Увидев все это, конница Тревири, считавшаяся храбрейшей из Галльских войск и пришедшая на помощь Цезарю, отправилась домой, полагая, что наши дела в самом отчаянном положении: лагерь наш был наполнен неприятелями; легионы стеснены и почти окружены ими; конница наша, пращники, Нумиды, воинские прислужники — в беспорядочном бегстве. Тревиры, возвратясь домой, известили своих соотечественников, что Римляне разбиты и обращены в бегство, что лагерь их и обозы в руках неприятеля.

25. Цезарь, ободрив краткой речью воинов десятого легиона, отправился на правое крыло своей армии. Он увидел, что наши крайне стеснены; принесенные в одно место значки двенадцатого легиона умножали и без того великую тесноту, так что наши воины не могли свободно действовать оружием. В четвертой когорте все сотники и знаменосец были убиты и самый значок потерялся. И в прочих когортах почти все сотники были убиты или ранены; в том числе передовой сотник П. Секстий Бакул, известный своей храбростью, получил несколько тяжких ран и не мог уже держаться на ногах. Вообще воины стали терять присутствие духа, и некоторые из недавно набранных уклонялись из рядов, стараясь избегнуть неприятельских стрел. Неприятель безостановочно теснил наших и спереди, и с тылу и заходил с обоих флангов. Положение нашего войска было тем отчаяннее, что не было резерва, который можно было бы ввести в дело. Тогда Цезарь, взяв у одного воина щит, потому что сам был без щита, стал в первом ряду, поименно призывал сотников и увещевал воинов. Он приказал значки вынести вперед и расширить ряды, чтобы воинам удобнее было действовать мечами. Прибытие Цезаря ободрило воинов и вселило в них бодрость и надежду; каждый, несмотря на крайность своего положения, хотел отличиться в глазах военачальника и потому сражался с удвоенным мужеством. Это на время остановило натиск неприятеля.

26. Цезарь, приметив, что седьмой легион стоял близко и также стеснен неприятелем, приказал военным трибунам, чтобы они старались соединить оба легиона и для этого обратили бы значки на неприятеля. Таким образом, оба легиона подали друг другу руку помощи и не опасались, что неприятель зайдет им в тыл, а потому стали сражаться с большим мужеством и смелостью. Между тем воины двух легионов, шедших сзади для прикрытия обоза, услышав о сражении, поспешно шли и уже показались на вершине холма в тылу неприятеля. Т. Лабиев, овладев неприятельским лагерем, с возвышенного места увидел, что происходило в нашем лагере, и послал на помощь десятый легион. Он, узнав по дороге от бегущих всадников и служителей, где происходит бой и в

какой опасности находятся наши легионы, лагерь и сам Цезарь, поспешил как можно быстрее к месту боя.

27. Прибытие нашего свежего войска совершенно изменило положение дела. Наши до того ободрились, что и те раненые, которые лежали, силились приподняться с помощью щитов и нанести вред неприятелю. Даже прислужники лагерные, приметив смущение неприятеля, безоружные нападали на вооруженных. Конница, желая смыть позор своего бегства, во всех местах сражения действовала впереди пехоты. Неприятель, уже отчаявшись в спасении, не только не терял мужества, но действовал с удивительной храбростью. Первые ряды его падали, но те, кто был за ними, становились бесстрашно на тела убитых и сражались с ними. Когда и эти падали и тела лежали кучами, остальные с груди их, как с возвышения, бросали в наших стрелы и, ловя наши дротики, отсылали их обратно в наши ряды. Неудивительно было после этого, что столь храбрые люди решились перейти широкую реку, взобраться на крутой берег, преодолеть столько затруднений местности; величие их духа сделало для них легким то, что в сущности представляло великие препятствия.

28. В этой битве племя Нервиев было истреблено почти совершенно. Старики их, которые, как мы сказали, вместе с женами и детьми были отправлены в болотистые и непроходимые места, услышав о результате сражения и зная, что спасение побежденных зависит от произвола победителей, с общего совета со своими соотечественниками, оставшимися после боя, отправили послов к Цезарю и отдались совершенно на его волю. Чтобы показать, какое бедствие постигло их племя, они сказали Цезарю, что из 600 сенаторов уцелели только трое, а из шестидесяти тысяч воинов — едва шестьсот, способных поднять оружие. Цезарь показал милосердие и снисходительность к просьбе побежденных, столь жестоко наказанных; он обошелся с ними чрезвычайно ласково, велел спокойно жить в их землях и городах; а соседям их строго приказал не причинять им никакой обиды, ни притеснения.



Гай Юлий Цезарь

29. Атуатуки, которые, как мы выше сказали, со всеми своими силами шли на помощь Нервиям, узнав об их поражении, возвратились с похода домой. Тут они, оставив все свои города и укрепленные села, снесли все свое имущество в один город, укрепленный природой: он со всех сторон был окружен крутыми скалами и оврагами, и только с одной стороны было отлогое место шириной не более 200 футов, служившее для сообщения города с окрестностями. В этом месте Атуатуки возвели высокую двойную стену и приготовили на ней огромные камни и заостренные колья. Этот народ происходил от Кимвров и Тевтонов; они по дороге в нашу Провинцию и Испанию оставили по сю сторону Рейна те тяжести, которые не могли взять с собой, а для оберегания их — шесть тысяч человек из среды своей армии. Они после гибели своих соотечественников долго были в беспрестанных войнах с соседями, то сами нападая на них, то отражая нападение; наконец был заключен с общего согласия мир, на котором и были отведены им их теперешние жилища.

30. Когда наши войска подошли к городу, то неприятель совершал частые вылазки и нападал на наших в мелких стычках. Когда же наше войско окружило их валом высотой 12 футов на протяжении 15 миль, то они вынуждены были держаться в городе. Когда они увидели, что наши сооружают насыпь, двигают стенобитные орудия, воздвигают башни, то сначала они насмехались со стен и спрашивали наших, зачем они в таком отдалении затевают такие машины, чьими руками и какой силой они при своем малом росте (а он постоянно был предметом насмешек и презрения со стороны Галлов, отличающихся большим ростом) надеются такую огромную башню придвинуть к стенам.

31. Когда же они увидели, что башня и наши орудия подвигаются к стене, то от самонадеянности перешли к робости и отправили к Цезарю послов. Они сказали ему следующее: «Не сомневаются они, что Римляне ведут войны с помощью высших сил, если они в состоянии с такой быстротой двигать столь огромными и тяжелыми орудиями и таким образом сражаться вблизи. И пото-

му они отдают на волю Цезаря себя и имущество. Одного только они у него просят: если он по своему милосердию и добродушию, слава о которых дошла и до них, соглашается даровать им существование, то пусть он не отбирает у них оружие. Они окружены соседями, враждебно к ним расположенными и завистливыми. Выдав оружие, они будут отданы им на произвол. Если только им можно выбрать из двух зол меньшее, то они предпочитают претерпеть от Римлян какое угодно наказание, чем в мучениях погибнуть от тех, над кем они привыкли повелевать».

32. Цезарь на это отвечал: «Следуя своему нраву, а не по их заслугам, он обещает безопасность их народу, если они покорятся ему прежде, чем его машины начнут бить стену. Первым же условием с их стороны должна быть выдача оружия. Что же касается их соседей, то он поступит в отношении к ним так же, как и к Нервиям, то есть прикажет, чтобы они ничем не тревожили покорных Римлянам племен». Послы возвратились домой и сообщили там волю Цезаря. Атуатуки изъявили согласие ее исполнить. Такое количество оружия было сброшено со стены в ров, находившийся перед городом, что его кучи равнялись по высоте с зубцами стены и насыпью осаждающих. Впрочем, как потом открылось, третья часть оружия была скрыта Атуатуками и оставлена ими в городе. Ворота его отворились, и этот день прошел с обеих сторон мирно.

33. К вечеру Цезарь велел запереть ворота, а своим воинам выйти из города, опасаясь, как бы они ночью не нанесли какой обиды его жителям. Они по заранее составленному, как потом узнали, плану, рассчитывая на то, что Римляне вовсе не поставят караулов или не примут мер осторожности, взяли оружие, ими припрятанное, а иные вооружились щитами, сделанными на скорую руку из коры или сплетенными из тростника и покрытыми шкурами. В третью стражу ночи осажденные со всеми войсками вышли из города и по направлению, где им казался легче доступ к нашим укреплениям, ударили на наших. По предварительно данному Цезарем приказанию о нападении дали знать разведен-

Гай Юлий Цезарь

ными огнями, и по данному сигналу наши воины из укреплений поспешили навстречу неприятелю. Тот сражался с отчаянным мужеством, как и следовало храбрым людям, вся надежда на спасение которых оставалась в доблести; местность была против них, с нашего вала и башен они были осыпaeмы стрелами; четыре тысячи человек у них были убиты, остальные прогнаны в город. На другой день ворота, уже никем не защищаемые, были отбиты и город занят нашими войсками. Цезарь приказал всех жителей и их имущество продать с аукциона. От покупателей узнали, что всего проданных было 53 тысячи человек.

34. В то же время П. Красс, который с одним легионом был послан к Венетам, Унеллам, Озизмиям, Куриосолитам, Сезувиям, Авлеркам, Редонам, Галльским племенам, живущим по берегам Океана, донес Цезарю, что всех их привел в покорность и повиновение народу Римскому.

35. Благодаря всем этим событиям и усмирению всей Галлии такая слава распространилась везде о Римлянах вследствие этой войны, что народы, живущие по ту сторону Рейна, прислали послов к Цезарю, обещая дать заложников и выполнить все его приказания. Цезарь, поспешая в Италию и Иллирию, велел этим послам явиться к нему в начале следующего лета. А сам, расставив легионы по зимним квартирам в землях Карнутов, Андов, Туронов, ближайших к месту прошедшей кампании, отправился в Италию. Там после получения письма Цезаря было обнародовано общественное благодарственное молебствие в течение 15 дней, чего дотоле не делалось ни для одного военачальника.



Книга третья

1. Цезарь, собираясь ехать в Италию, велел Сервию Гальбе с двенадцатым легионом и частью конницы идти к Нантуатам, Вераграм и Седунам, живущим между землей Аллоброгов, озером Леманом, рекой Роной и вершинами Альп. Гальба был послан с той целью, чтобы сделать свободной дорогу через Альпы, дотоле сопряженную для купцов с большой опасностью и тяжкими пошлинами. Цезарь дозволил Гальбе, если то будет необходимо по его мнению, поставить свой легион в тех местах на зимние квартиры. Гальба в нескольких сражениях разбил неприятеля, взял у него много укрепленных городов; со всех сторон явились к нему послы с изъявлением покорности и дали ему заложников. Восстановив мир, Гальба заблагорассудил поставить две когорты в земле Нантуатов, а сам с прочими когортами своего легиона остался зимовать в селении Верагров Октодуре; оно находится в небольшой долине, окруженной крутыми горами. Рекой оно разделено на две части: одну Гальба уступил Галлам, а другую, выслав оттуда Галлов, отвел своим когортам для зимних квартир; он укрепил их валом и рвом.

2. Уже прошла часть зимы, и Гальба приказал доставить к себе в это место провиант, как вдруг лазутчики дали ему знать, что все Галлы ночью ушли из своей части селения, а окружающие его горы наполнены огромным множеством Седунов и Верагров. У Галлов много было побуждений для возобновления неприязненных действий и подавления нашего легиона. Во-первых, они с презрением смотрели на его малочисленность: от не-

го, бывшего и без того не в полном составе, были отделены две когорты и, кроме того, множество людей из него было разослано для снабжения его провиантом. Во-вторых, они рассчитывали на несомненный успех вследствие благоприятной для себя местности: нападая с гор и бросая стрелы, они надеялись смять Римлян первым натиском. Притом с прискорбием смотрели они, что дети их находятся в виде заложников во власти Римлян, и были убеждены, что Римляне пришли к ним не для оберегания торгового пути, пролежавшего по их земле, а для окончательного ее покорения и присоединения к близлежащей Провинции.

3. Получив это известие, Гальба тотчас собрал совет и спрашивал его мнения в положении тем более затруднительном, что вследствие покорности Галлов, взятия у них заложников и потому отсутствия мысли о возможности с их стороны нападения не вполне были окончены укрепления зимних квартир и для снабжения провиантом не было принято достаточно безопасных мер. На этом совете иные, принимая в соображение неожиданность и важность опасности (в глазах Римлян все вершины гор вокруг были покрыты вооруженными Галлами), отсутствие всякой помощи и невозможность подвоза провианта вследствие преграждения неприятелем всех путей, предложили отчаянное средство к спасению: оставив все тяжести, попытаться оружием проложить себе путь через толпы Галлов по той же дороге, по которой они сюда пришли. Впрочем, большинством голосов на совете положили прибегнуть к вышеизложенному мнению в случае крайности, а дотоле попытать военного счастья и оборонять лагерь.

4. Едва прошло столько времени, чтобы успеть принять вследствие этого решения необходимейшие меры к обороне, а уже неприятель по данному знаку устремился к нам со всех сторон, осыпая вал камнями и кольями. Наши сначала встретили неприятеля твердо и мужественно; ни одна из бросаемых ими с вала стрел не пропадала даром. Где угрожала опасность, туда наши подавали помощь. В одном неприятель имел преимущество: в

продолжение сражения утомленные ряды его воинов сменялись свежими; малочисленность же наших не только не позволяла им думать об отдыхе, но и раненые не могли оставлять своих мест и искать спокойствия.

5. Шесть часов длился упорный бой. У наших не только от усталости не хватало сил, но и обнаружился недостаток в стрелах. Неприятель все сильнее теснил наших и, не встречая уже упорного сопротивления, начал засыпать ров и пролагать себе дорогу через наш вал. Опасность была страшная и неминуемая. Тогда П. Секстий Бакул, сотник первого строя (мы упоминали о нем, что в битве с Нервиями он получил множество ран), и военный трибун Г. Волузен, человек столько же рассудительный, сколько и храбрый, поспешили к Гальбе, и сказали ему, что единственное средство к спасению — выйти из лагеря и совершить нападение. С этой целью созвали сотников и через них приказали воинам приостановить военные действия, довольствуясь отражением неприятельских стрел, и отдохнуть немного от трудов; потом, собравшись с силами, по данному знаку они должны были устремиться из лагеря, помня, что вся надежда на спасение заключается в их храбрости.

6. Приказание это было исполнено; нападение Римлянами было предпринято внезапно, одновременно из всех ворот лагеря. Неприятель был поражен его неожиданностью, не понимал, что это значит, и совершенно растерялся. Таким образом, наши поменялись с ним ролями и тех, кто уже в мыслях овладел нашим лагерем, поражали, окружив со всех сторон. Из тридцати тысяч Галлов, пришедших для нападения на наш лагерь, пало более третьей части; прочие обратились в бегство и, преследуемые нашими, даже на высотах гор не нашли безопасности. Поразив неприятеля и собрав его оружие, наши возвратились в укрепления лагеря. Счастливо избежав опасности, Гальба не желал еще раз испытывать судьбу, видя, что он встретил совсем другое, а не то, для чего он был послан, особенно испытывая недостаток в подвозе хлеба и съестных припасов; вследствие этого

Гай Юлий Цезарь

он на другой день предал огню занятое им селение и отправился обратно в Провинцию. Неприятель нигде не старался преградить или замедлить ему путь, и Гальба без потери привел свой легион сначала в землю Нантуатов, а оттуда в землю Аллобругов и там зимовал.

7. После этого Цезарь по всем причинам считал, что Галлия спокойна: Белги были побеждены, Германцы изгнаны, Седуны побеждены в Альпах. Таким образом, в начале зимы Цезарь отправился в Иллирию, желая познакомиться с этой страной и ее жителями. Вдруг неожиданная война вспыхнула в Галлии по следующей причине: молодой П. Красс с седьмым легионом зимовал в земле Андов близ берегов Океана. Ощущая недостаток в хлебе, он разослал многих военных трибунов и префектов по соседним народам, чтобы собрать и доставить продовольствие; в том числе Террасидий был послан к Унеллам, М. Требий Галл — к Куриосолитам, К. Веланий с Т. Сицием — к Венетам.

8. Это племя Венетов занимает первое место среди всех прибрежных племен Галлии: во-первых, потому, что оно имеет многочисленный флот, служащий ему для сообщения с Британией. Во-вторых, оно обладает знанием науки морского дела и, имея в своей власти немногие гавани, какие только есть на этом открытом и бурном море, берет дань со всех мореходов, его посещающих. Венеты первыми задержали Сицию и Велания, надеясь выручить за них заложников, данных Крассу. Следуя примеру Венетов, их соседи — в характере Галлов ветреность и непостоянство — задержали с той же целью Требия и Террасидия. Они тотчас разослали повсюду послов и положили через своих первых сановников — ничего не предпринимать без общего согласия и разделить всем одну и ту же участь. Они убеждали и другие племена не изменять вольности, завещанной им предками, и свергнуть иго рабства Римлян. Быстро все приморские племена объединились для одной цели и отправили общее посольство к Крассу с требованием «выдать их заложников, если желает обратно получить своих послов».

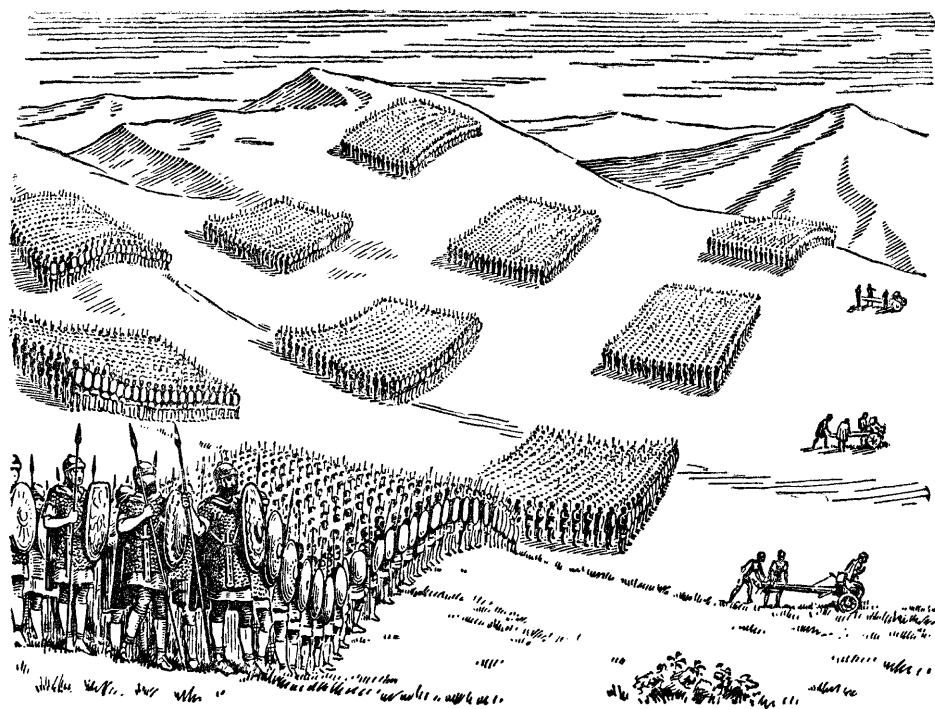
9. Цезарь, узнав обо всем этом из донесения Красса и находясь в то время в большом от Галлии отдалении, распорядился пока готовить длинные суда на реке Лигере¹, впадающей в Океан, набирать в Провинции гребцов, матросов и кормчих. Между тем как все это с поспешностью приготавливали, Цезарь, как только позволило время года, отправился к войску. Венеты и другие народы, бывшие с ними в союзе, узнав о прибытии Цезаря и сознавая всю незаконность своего поступка (они задержали и заключили в оковы послов, личность которых неприкосновенна и священна у всех народов), всеми силами стали готовиться к войне соответственно с угрожавшей им опасностью; особое внимание они обратили на умножение морских сил. Главная их надежда в предстоявшую кампанию заключалась в благоприятных для них условиях местности. Все дороги были перерезаны болотами, а мореплавание для Римлян было весьма затруднительным по незнанию местности и малочисленности гаваней. Притом они надеялись, что Римское войско не сможет долго оставаться в их стране из-за недостатка съестных припасов. Но если бы они и ошиблись в этом ожидании, то более всего они рассчитывали на превосходство своих морских сил. Римляне не имели возможности устроить в этом месте флот и вовсе не знали местности страны, где должны были вести войну, не знали положения гаваней, островов и мелей. Притом плавание в обширном и со всех сторон открытом Океане не имело ничего общего с плаванием по замкнутому отовсюду Средиземному морю. Таким образом, определив благоприятные для себя обстоятельства, Венеты укрепляют города, свозят в них хлеб с полей, сосредоточивают как можно больше кораблей в Венетии, на которую первую, как они полагали, Цезарь обратит свое оружие. Их союзниками в этой войне были Озизмии, Лексовии, Наннеты, Амбиллиаты, Морины, Диаблинты, Менапии; вспомогательные войска пришли к ним и из Британии, лежащей напротив их области через пролив.

¹ Ныне Луара.

10. Таковы были затруднения, предстоявшие Цезарю при ведении этой войны; тем не менее он обращал на нее все свое внимание по многим причинам: «задержание посланных Красса нанесло оскорбление народу Римскому; бунт произошел после изъявления покорности и выдачи заложников; множество племен приняло участие в союзе». Цезарь опасался, что в случае медлительности или нерешительности и прочие народы Галлии также поднимут восстания. Тем более что Галлы от природы имеют большую склонность к переменам и с жадностью хватаются за первый повод к войне. Притом дорожить вольностью и независимостью и стремиться к свержению рабства свойственно каждому человеку. А потому Цезарь сосредоточил все свое внимание на том, чтобы предупредить союз многих племен, и для этого разделил свое войско по их землям для удержания их в повиновении.

11. С этой целью Цезарь посылает в землю Тревиоров, живущих близ берегов Рейна, легата Т. Лабиена и приказывает ему по дороге зайти к Ремам и прочим Белгам и удержать их в повиновении. Он дает ему наказ в случае, если Германцы вздумают переходить Рейн на помощь Белгам, воспрепятствовать им в этом. П. Крассу с двенадцатью когортами, выбранными из легионов, и с большей частью конницы Цезарь велел идти в Аквитанию, чтобы воспрепятствовать ее жителям оказать помощь Венетам и усилить их союз присоединением стольких племен. К. Титурий Сабин с тремя легионами должен был идти в землю Унеллов, Куриосолитов и Лексовиев, чтобы отвлечь силы этих народов. Флот из наших и Галльских судов, набранных у Пиктонов, Сантонов и других покорных нам племен, Цезарь вверил еще юному Д. Бруту и приказал ему с ним как можно поспешнее идти в землю Венетов; сам он туда же двинулся с пешими войсками.

12. Почти все города Венетов были расположены так, что, находясь на оконечностях мысов и перешейков, вдававшихся в море, они были недоступны для пеших войск, потому что морской прилив, случающийся постоянно два раза в сутки, совершенно прекращал сообщение с сушей; корабли также могли



Построение легиона по когортам

подходить к их стенам только во время прилива — при отливе они остались бы на мели. Таким образом, осада городов была крайне затруднительна. Если в результате величайших трудов и усилий нам удавалось среди самих волн моря соорудить насыпь и по ней достичь стен города, то осажденные, доведенные до крайности, во время прилива садились на суда, собранные во множестве, и со всем имуществом перебирались в близлежащий город. Тут встречались опять же благоприятные для них обстоятельства. Таким образом прошла уже большая часть лета без вреда для них; наш же флот не мог действовать по причине сильных ветров и величайших затруднений для плавания в обширном и открытом море, волнуемом постоянными приливами и отливами и представляющем весьма мало безопасных гаваней.

13. Суда Венетов имели следующие устройство и вооружение: днища у них были более плоские, чем у наших, для удобнейшего движения по мелям и низким во время отлива водам. Кормы у них весьма возвышенные, а носы приспособлены выдерживать силу волн во время бурь. Все части этих судов были сделаны из дуба и потому не боялись никакого удара. Скамьи для гребцов на них были из бревен в целый фут толщиной, прибитых гвоздями толщиной в большой палец. Якоря у них были прикреплены не на веревках, а на железных цепях. Кожа, тонко выделанная, служила вместо парусов, может быть, по неимению льна и незнанию его употребления или, что вероятнее, потому, что такие паруса способнее льняных могли служить к управлению столь тяжелыми судами и выдерживать порывы бурь, свирепствующих на Океане. В стычках наших судов с судами Венетов первые превосходили быстротой и легкостью движения; последние же, более приспособленные к местным условиям, к силе бурь, во всех отношениях были удобнее и лучше наших. Крепкие бока Венетских судов без ущерба выдерживали удары носов наших судов, а их высота делала наши стрелы безвредными; она также облегчала им движение между подводными камнями. Во время ветров Венетские суда выдерживали их легко, без вреда становились на мели и места,

оставленные морем при отливе, и не опасались подводных скал и утесов. Для наших же судов бури Океана были опасны во всех отношениях.

14. Цезарь овладел многими неприятельскими городами, но видел, что все его труды почти напрасны и неприятель без вреда убегает от него с одного места на другое, а потому решил дожидаться флота. Когда он прибыл и неприятель его заметил, то около 220 их судов, вполне готовых и снабженных оружием всякого рода, вышли из пристани и стали напротив наших. Ни главнокомандующему флота Бруту, ни военным трибунам и сотникам, начальникам отдельных судов, не было известно, как поступить и какой избрать порядок битвы. Их суда — они это знали — не могли ударом носов повредить неприятельские; даже если бы на них поставить башни, то и тогда по высоте они были бы ниже палуб неприятельских судов, а потому стрелы Римлян могли мало навредить Венетам, тогда как их стрелы, падая с высоты, били тем пагубнее. Весьма же большую пользу принесли нашим преострые косы, воткнутые на длинных шестах, похожие на таковые же косы, употребляемые при осадах городов; ими цепляли за веревки неприятельских судов, привязывавшие снасти к мачтам, притягивали их к себе и потом со всей силой гребли веслами, отчего эти веревки натягивались и лопались. Тогда снасти сами по себе падали, и суда неприятельские, потеряв паруса и все вооружение, становились сразу совершенно бесполезными. Таким образом, дело в этом случае уже зависело от личного мужества, а им наши воины превосходили неприятелей; тем более что битва происходила на глазах Цезаря и всего нашего войска и ни один сколько-нибудь замечательный подвиг не мог остаться незамеченным, ибо наше войско занимало все холмы и высоты, прилежащие к морю, с которых видно было все, что на нем происходило.

15. Когда вышеописанным образом неприятельские суда потеряли паруса и такелаж, то каждое из них должно было иметь дело с двумя или тремя нашими судами; тут наши воины всячески старались перебраться на неприятельские суда. Враги наши,

заметив, что это нашим удавалось и уже многие их суда оказались в наших руках, не нашли возможности сопротивляться и искали спасения в бегстве. Впрочем, в то самое время, когда они повернули свои суда по ветру, наступила вдруг такая тишь, что они не могли двинуться с места. Это обстоятельство пришлось нашим как нельзя более кстати, дав возможность настичь и захватить большую часть неприятельских судов. Весьма немногим из них под покровом ночи удалось пристать к земле после сражения, продолжавшегося с четвертого часа до захода солнца.

16. Этой битвой была решена судьба Венетов и всех приморских племен Галлии. Цвет их юношества и даже все старики, отличавшиеся благоразумием или опытностью, участвовали в бою, и все корабли, сколько их имелось, были собраны к этому сражению в одном месте. Утратив все это, неприятель не знал, где искать спасения и каким образом защищать города. Вследствие этого он изъявил покорность Цезарю, который решил поступить с побежденными как можно строже, чтобы приучить Галлов на будущее время более чтить святость посольского звания; а потому он, предав смертной казни весь их сенат, остальных продал в рабство с молотка.

17. Пока это происходило у Венетов, К. Титурий Сабин с войсками, вверенными ему Цезарем, прибыл в землю Унеллов. Ими предводительствовал Виридовикс; в его руках была верховная власть над всеми племенами, возмущившимися против власти Римлян; из них набрал он сильное войско. В скором времени Авлерки, Эбуровики и Лексовии перебили своих старейшин, не советовавших начинать войну, заперли ворота своих городов и присоединились к Виридовиксу. К нему же стекались со всей Галлии преступники всякого рода, искатели приключений и вообще все, для кого война и возможность грабежа были привлекательнее ежедневного труда и занятия земледелием. Сабин, избрав во всех отношениях выгодное место для лагеря, оставался в нем. Виридовикс остановился в двух милях от него и каждый день выводил войско из лагеря, предлагая нашим сражение. Таким образом, не

только неприятель вскоре стал презирать Сабина, но даже от своих он терпел порицание; робость Римлян казалась до того велика, что неприятель бесстрашно подходил почти к окопам нашего лагеря. Причина бездействия Сабина заключалась в том, что он не решался, будучи только легатом, в отсутствие главнокомандующего сразиться с неприятелем, столь превосходившим числом, иначе как при самых благоприятных для себя обстоятельствах.

18. Дав укрепиться у неприятеля мнению о своей робости, Сабин выбирает из числа Галлов вспомогательного отряда одного хитрого и способного на все человека. Обещанием больших наград он его убеждает перейти к неприятелю и дает ему наставление, как действовать. Тот явился к неприятелю и выдал себя за перебежчика; он сказал, «что будто в лагере Римлян господствуют страх и смятение, что войско Цезаря находится в самом критическом положении от Венетов; дело доходит до того, что, кажется, в следующую же ночь Сабин со всем войском скрытно выступит из лагеря и пойдет на помощь Цезарю». Неприятельские воины, услышав все это, воскликнули, что не надо терять столь удобного случая к победе, а следует тотчас же ударить на лагерь Римлян. Эта мера для Галлов казалась самой лучшей и необходимой по многим причинам: Сабин все время обнаруживал нерешительность, слова перебежчика подтверждали догадки Галлов, притом в их лагере обнаружился недостаток в съестных припасах вследствие того, что они мало заботились о снабжении себя ими, Цезарь же был занят войной с Венетами. К тому же человеку свойственно легко верить тому, чего он сам желает. Под влиянием всех этих обстоятельств Галлы выпустили Вирдовикса и прочих старейшин из собрания не прежде, как вынудив у них согласие взяться за оружие и идти на приступ Римского лагеря. Получив дозволение к битве, Галлы радовались ей, как верной победе; взяв с собой кучи хвороста, чтобы заваливать рвы нашего лагеря, они двинулись к нему.

19. Лагерь наш стоял на возвышении холма, склон которого мало-помалу растянулся на милю. Неприятель с целью дать Ри-

млянам как можно менее времени опомниться и подготовиться, бежал бегом к нашим окопам и достиг их в изнеможении и усталости. Сабин, ободрив своих кратким увещанием, к великому их удовольствию дал знак к битве. Пока неприятель возился с принесенными им тяжестями, по приказанию Сабина Римляне внезапно совершили вылазку сразу из двух ворот. Благодаря благоприятным для нас условиям местности, неопытности неприятеля и его усталости, а также храбрости наших воинов и их опытности, приобретенной в прежних битвах, наш успех был до того полным, что неприятель не выдержал первого натиска наших и тотчас обратились в бегство. Наши воины со свежими силами без труда перебили множество Галлов, утомленных и расстроенных, а конница, устремясь в погоню за бегущими, оставила из них живыми весьма немногих. Таким образом, в одно и то же время пришла к Сабину весть о морской битве Цезаря, а к Цезарю — известие о победе Сабина; все же взбунтовавшиеся племена изъявили покорность Сабину. Вообще Галлы горячо и охотно берутся за войну, но не имеют достаточно терпения и твердости переносить ее трудности и неудачи.

20. Между тем П. Красс прибыл с войском в Аквитанию. Область эта по обширности своей и числу жителей составляет третью часть всей Галлии. Красс, зная, что ему предстоит вести войну в тех же местах, где несколько лет тому назад легат Л. Валерий Преконин с войском потерпел поражение и был убит, а проконсул Л. Маллий должен был, бросив обоз, искать спасения в бегстве, понимал необходимость обратить все внимание и старание на ведение этой войны. Обеспечив подвоз съестных припасов, Красс собрал конницу и вспомогательные войска, а многих людей, известных своей храбростью, он вызвал поименно из Тулузы, Каркасонна и Нарбонны, пограничных с нашей Галльской провинцией городов, и повел войско в область Социатов. Узнав о его прибытии, Социаты, собрав большое пешее и конное войско (конница составляет главную их силу), встретили наше войско на пути и сначала завязали сражение конницей. Когда она была смята нашей и началось ее преследование

История Галльской войны

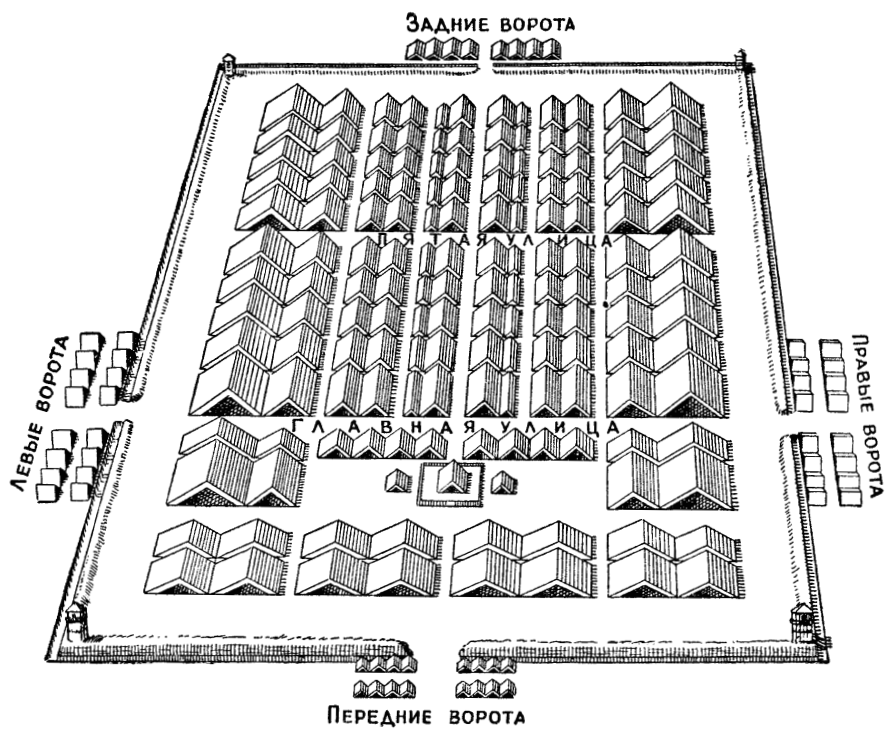
со стороны наших, вдруг явились на поле битвы пешие неприятельские войска, находившиеся в засаде в лощине; они напали на наших, расстроивших свои ряды во время преследования, и возобновили сражение.

21. Бой был долговременный и упорный: Социаты, обнадеженные прежними победами, сражались храбро, зная, что спасение всей Аквитании зависит от их мужества. Наши же старались показать, на что они способны и с юным еще вождем, в отсутствие главного начальника и без содействия прочих легионов. Наконец израненные неприятели вынуждены были обратиться в бегство. Перебив большую их часть, Красс с похода приступил к городу Социатов. Их упорное сопротивление заставило его прибегнуть к правильной осаде, устроить насыпи и башни. Осажденные делали вылазки и вели подкопы против осадных работ Римлян. Социаты обладают большим искусством делать подкопы, имея во многих местах своей области медные рудники. Видя, что все их усилия бесполезны перед упорством и старанием осаждающих, они отправили послов к Крассу с изъявлением покорности. Они получили его согласие пощадить их, но с условием выдать оружие, что они и исполнили.

22. В то время как внимание Римлян было обращено на эту капитуляцию, главный начальник Социатов Адкантуанн с шестьюстами отборными воинами, называемыми у Галлов *солдуриями*, попытался из другой части города сделать вылазку. Эти солдурии имеют такой обычай: каждый выбирает себе друга и делит с ним все наслаждения жизни; если же кому-либо из них случится погибнуть, то его друг должен или тут же разделить его участь, или потом лишиться себя жизни; и не было еще на памяти людей примера, чтобы кто-либо из них в случае смерти друга отказался умереть с ним. Когда Адкантуанн попытался сделать вылазку и с той стороны города услышан был военный крик, то наши воины устремились туда с оружием; схватка была упорная, наконец Адкантуанн со своими воинами был отброшен в город. Красс согласился и его пощадить на тех же условиях, как и других.

23. После выдачи оружия и заложников Красс отправился в земли Вокациев и Тарузатов. Эти невежественные племена с ужасом услышали, что столь важный город, укрепленный природой и искусством, в такое короткое время стал добычей Римлян; а потому повсюду рассылали послов, скрепляли свой союз клятвами, обменивались заложниками и со всех сторон собирали войска. Они отправили послов к племенам Ближней Испании, пограничным с Аквитанией, прося их прислать вспомогательное войско и вождей. Их прибытие ободрило Аквитанцев, и они, полагаясь на многочисленность своего войска, с надеждой на успех ждали военных действий. Вождами избрали тех, кто постоянно находился при К. Сертории и потому пользовался славой великой опытности и знания военного дела. Они по заведенному в нашем войске обыкновению обращали внимание на выбор места для лагеря, укрепляли его окопами и старались отрезать нашему войску подвоз съестных припасов. Красс очень хорошо понимал невозможность раздроблять свое войско на отряды, видел, напротив, что многочисленность неприятеля позволяет ему и рассылать по дорогам отряды, и иметь достаточно сил для оберегания лагеря, а потому подвоз провианта к Римскому войску не был безопасен и надежен; численность же неприятелей умножалось с каждым днем. Принимая все это во внимание, Красс решил безотлагательно дать сражение; на военном совете его мнение было одобрено и битва назначена на следующий же день.

24. На рассвете Красс вывел все свои войска, расположив их в две линии, причем вспомогательный отряд находился в середине, и ждал, на что решится неприятель. Последний, хотя в открытой битве твердо надеялся на успех вследствие своей многочисленности и доказанной храбрости и малочисленности нашего войска, однако счел за лучшее без боя и потерь получить победу, отрезав Римлянам подвоз съестных припасов. Когда же Римляне, терпя недостаток в съестных припасах и упав духом, вынуждены будут отступать, тут неприятель и хотел напасть на них, во время похода обремененных поклажей. Этот план был одобрен всеми Галльскими вождями, а потому



План римского лагеря

они и не вывели своих войск из лагеря. Видя, что неприятель не принимает боя и тем как бы обнаруживает робость, тогда как его нерешительность придала особенное рвение нашему войску, и слыша повсюду крики его вести к неприятелю, Красс решил больше не медлить. К великому удовольствию наших воинов, он повел их, ободрив краткой речью, к неприятельскому лагерю.

25. Там иные из наших стали засыпать рвы, другие осыпали защищавших вал неприятелей градом стрел, стараясь сбить их оттуда; союзный отряд, по мнению Красса, не весьма надежный для битвы, подавал нашим стрелы, камни, сооружал из хвороста мост к валу и тем издали показывал вид, что также принимает участие в сражении. Неприятель со своей стороны сопротивлялся упорно и без робости; его стрелы, пускаемые с высокого места, причиняли нашим большой вред. Между тем некоторые наши конные воины, возвратясь с осмотра неприятельского лагеря, донесли Крассу, что он сзади не так сильно укреплен и что оттуда без труда можно в него проникнуть.

26. Красс приказал префектам нашей конницы, чтобы они ободрили своих воинов обещанием значительных наград, и дал им наставление, как действовать. Они по данному приказанию взяли с собой четыре когорты, оставленные для защиты нашего лагеря и потому не участвовавшие в деле, еще свежие, повели их в обход для того, чтобы неприятель не заметил их движения, а это было тем легче, что все его внимание было обращено на бой, происходивший перед лагерем. Таким образом, наши пришли к указанной части неприятельских укреплений, овладели ими и оказались в лагере неприятеля прежде, чем он заметил их и понял, в чем дело. Услыхав крики своих в тылу неприятеля, наши с удвоенными силами, в надежде на несомненную победу и забыв о своей усталости, ударили на неприятеля с новым жаром. Тот, видя со всех сторон опасность, отчаялся в успехе и, бросаясь через окопы, искал спасения в бегстве. Наша конница преследовала его до поздней ночи благодаря

совершенно открытой местности, и из пятидесяти тысяч неприятельских воинов, по достоверному известию, набранных в Аквитании и Кантабрии, уцелело не более четвертой части. С наступлением ночи наша конница возвратилась в лагерь.

27. Услыхав о последствиях этого боя, большая часть Аквитании изъявила покорность Крассу и сама прислала в ручательство заложников. То были следующие племена: Тарбеллы, Бигеррионы, Прецианы, Вокаты, Тарузаты, Элузаты, Гариты, Авски, Гарумы, Сибузаты и Кокозаты. Лишь немногие отдаленные племена, полагаясь на позднее время года (зима уже приближалась), сочли ненужным покориться Римлянам.

28. Почти в то же время Цезарь, несмотря на позднее время года, повел свое войско в земли Моринов и Менапиев; эти племена, несмотря на усмирение всей Галлии, не изъявляли покорности, не присылали послов о мире и оставались вооруженными. Цезарь надеялся вскоре окончить с ними войну; но они придумали для ведения ее совсем другой способ, чем остальные Галлы. Они слышали, что многие Галльские народы, гораздо сильнее их, были побеждены Римлянами в открытом бою, а потому главную свою надежду они полагали на свои почти непроходимые леса и болота, снесли туда свое имущество и удалились в них сами. Когда Цезарь пришел к месту, где начинаются леса, и стал лагерем, неприятеля нигде не было видно, и наши принялись за устройство укреплений. Вдруг со всех сторон из леса неприятель ударил на рассеянных по разным местам наших воинов. Они тотчас взялись за оружие и прогнали неприятеля обратно в лес, даже с большой потерей, но, углубясь за ним в лес и не зная местности, наши и сами понесли некоторые потери.

29. Вследствие этого Цезарь приказал истреблять эти леса, а чтобы во время их рубки неприятель не вздумал напасть на наших безоружных и занятых работой воинов, он приказал срубленный лес валить на обе стороны к неприятелю в виде стены.

Гай Юлий Цезарь

За короткое время с невероятной быстротой было очищено от леса значительное пространство; но когда наши настигали уже неприятельские обоз и стада, он удалялся с ними в еще более густые леса. Между тем наступила такая плохая погода, что необходимо было оставить работу, а постоянные дожди не представляли воинам возможности жить дальше в палатках. А потому Цезарь, опустошив неприятельские поля и предав огню их селения, повел войско назад и поставил его на зимние квартиры в землях Авлерков, Лексовиев и других Галльских племен, недавно усмирённых.



Книга четвертая

1. В следующую зиму, приходившуюся в год консульства Гн. Помпея и М. Красса, Германские народы Узипеты и Тенхтеры огромной массой перешли через Рейн неподалеку от его впадения в море. К этому побудило их то, что их соседи Свевы в течение многих лет постоянно тревожили их войной и не давали им заниматься земледелием. Среди Германских народов Свевы занимают первое место и по многочисленности, и по храбрости. Рассказывают, что они делятся на сто участков, каждый из которых ежегодно высылает на войну по тысяче вооруженных воинов. Прочие остаются дома для прокормления и их, и себя; на следующий год эти идут на войну, а первые остаются дома; таким образом, они занимаются вместе и войной, и земледелием. Впрочем, у них нет деления полей в частную собственность, при этом они не могут больше одного года оставаться на одном месте для их возделывания. Притом хлеб не составляет главной их пищи: они главным образом кормятся молоком и мясом животных, преимущественно убитых ими на охоте. Это занятие, а также род пищи, ежедневное движение, полная свобода жизни — с детства не знают они никакой обязанности и принуждения, следуя во всем побуждению одной своей воли, — все это содействует развитию их сил, а потому они бывают необыкновенно рослыми и здоровыми. Они до того приучают себя к холоду, что в самую сильную стужу прикрываются только шкурами, которые из-за малых их размеров оставляют большую часть тела открытой, и купаются в реках.

2. Они дозволяют купцам посещать их земли, поскольку продают им все то, что сами приобретают войной; покупают же они

весьма немногое. Германцы не приобретают даже привозных лошадей, до которых такие охотники Галлы, не жалеющие на них никаких денег; они довольствуются своими малорослыми и некрасивыми лошадьми и постоянными упражнениями приучают их переносить величайшие труды. Во время сражений конницы они нередко соскакивают с лошадей и сражаются пешие; лошадь же так приучена, что стоит на том месте, где ее оставили, как вкопанная. В случае надобности Германцы опять спешат к коням; у них считается позором и признаком трусости пользоваться седлом. Они, как бы ни было их мало, не боятся напасть на любое число всадников на оседланных конях. Ввозить к себе вино они не позволяют вовсе на том основании, что, по их убеждению, оно расслабляет человека и делает его неспособным к перенесению трудов.

3. Они гордятся и хвалятся тем, что на далекое пространство окружены опустошенными и безлюдными полями; по их мнению, это доказательство того, что ни один соседний народ не может вынести силы их оружия. Рассказывают, что с одной стороны от границы Свевов на 600 миль тянется безлюдное пространство земли. С другой стороны граничат со Свевами Убии; народ этот был могущественным и в положении столь цветущем, сколько то можно сказать о Германцах, из коих он даже был образованнее прочих вследствие соседства Рейна, частых посещений купцов и близости Галлии; все это содействовало смягчению их нравов. Сवेфы вели с Убиями частые войны, но не могли вытеснить этот многочисленный и могущественный народ из их жилищ; они заставили его платить дань, вообще ослабили его и привели в положение, гораздо худшее по сравнению с прежним.

4. Точно так же Узипеты и Тенхтеры, о коих мы упомянули выше, в течение многих лет выдерживали постоянные нападения Свевов. Наконец, изгнанные из своих жилищ, они в течение трех лет скитались по многим местам Германии и пришли к Рейну. В этих землях жили Менапии; их поля, деревни и хутора находились по обеим сторонам Рейна. Устрашенные приближени-

ем многочисленного войска Германцев, Менапии оставили свои жилища по ту сторону Рейна и перешли по сю сторону; покрыв ее своими отрядами, они старались препятствовать Германцам перейти через реку. Те тщетно испытали все средства: прибегнуть к открытой силе им было невозможно без судов, а пройти тайно препятствовали караулы, расставленные Менапиями. Германцы сделали вид, будто пошли обратно в свою землю, но после трехдневного движения внутрь Германии повернули назад и быстрым набегом конницы в одну ночь преодолели весь путь, без труда перебили Менапиев, которые вследствие донесения лазутчиков, что Германцы удалились от берегов реки, ничего не опасались и возвратились в свои жилища по ту сторону Рейна. Германцы овладели судами Менапиев и на них переправились через реку, прежде чем Менапии, спокойно остававшиеся в своих жилищах на той стороне реки, узнали об их приходе. Германцы заняли все их села и провели у них остальную часть зимы, питаясь их запасами.

5. Цезарь, узнав об этом, опасался непостоянства Галлов, столь легкомысленно изменяющих свои решения и склонных ко всяким переменам, и решил ни в чем на них не полагаться. Галлы имеют обыкновение останавливать волей-неволей всех прохожих и спрашивать их, не видали ли они или не слышали ли чего-нибудь нового. Купцов, когда они приезжают в город, тотчас окружают жители и расспрашивают, из каких они мест и что там делается. На основании этих слухов и полученных таким образом сведений Галлы нередко строят самые важные планы. Легко можно себе представить, как скоро приходится им раскаиваться в столь опрометчиво принятых решениях на основании неопределенных слухов; а нередко те, кого они спрашивают, выдумывают такие известия, которые будут им приятны.

6. Зная эту склонность Галлов к новизне и опасаясь увеличить затруднения войны, Цезарь раньше, чем обычно, отправился к войску. По прибытии он узнал, до какой степени основательны были его подозрения: некоторые Галльские племена отправили

послов к Германцам, приглашая их оставить берега Рейна и изъявляя готовность предоставить им все, что потребуется. Обнадеженные этим Германцы распространили область своих набегов и пришли в земли Эбуронов и Кондрузов, находящихся под покровительством Тревиров. Цезарь пригласил к себе главных Галльских вождей и, не показывая им виду, что знает об их действиях, обласкал их, обнадежил и приказал им собрать конницу, а сам стал готовиться к войне с Германцами.

7. Снабдив войско провиантом и набрав конницу, Цезарь двинулся в те места, где, по слухам, должны были находиться Германцы. Когда уже его от них отделяло расстояние нескольких дней пути, к нему явились послы Германцев с такими речами: «Германцы не имеют намерения первыми начать войну с народом Римским, но не откажутся прибегнуть к оружию, если их затронут. От предков Германцам завещано обыкновение — не отказываться от предложенной им войны и не прибегать к мольбам. Впрочем, они должны сказать, что сюда пришли не по доброй воле, но изгнанниками из отечества. Если Римляне хотят их дружбы, то союз их будет для них весьма полезен; а для этого пусть они или отведут им земли для поселения, или позволят оставаться на уже занятых ими силой оружия. Вынуждены они были уступить одним только Свевам, с которыми бороться и боги бессмертные не в силах; из прочих же народов на земле нет ни одного, который был бы в состоянии сопротивляться силе оружия их, Германцев».

8. На это Цезарь дал ответ, какой ему заблагорассудилось; суть же его была такова: «Приязнь для него с Германцами невозможна, доколе они будут оставаться в Галльских пределах. Да и несправедливо тем, кто не сумел защитить своих земель, отнимать чужие. Притом в Галлии нет земель, которые можно было бы отвести для пришельцев столь многочисленных без обиды для ее коренных жителей. Впрочем, если они хотят, то могут идти селиться в земле Убиев, послы которых теперь у него, жалуются на притеснения Свевов и просят помощи. Он, Цезарь, надеется получить на это согласие Убиев».

9. Послы Германцев обещали слова Цезаря передать своим соотечественникам и после их обсуждения через три дня вернуться с ответом; а покамест просили Цезаря не идти далее. Цезарь на это предложение отвечал отказом. Ему было известно, что Германцы отправили большую часть своей конницы для фуражировки и грабежа на ту сторону Мозы к Амбиваритам. Он догадывался, что Германцы ожидают возвращения конницы и поэтому просят отсрочки.

10. Моза течет с горы Вогезе, находящейся в земле Лингонов; принимая в себя рукав Рейна, называемый Вагалис, Моза образует с ним остров Батавов; милях в восьмидесяти от него она впадает в Океан. Рейн же берет начало в земле Лепонтиев, живущих в Альпах; в быстром своем течении на большом протяжении орошает он земли Нантуатов, Гельвециев, Секванов, Медиоматриков, Трибоков и Тревиоров. Приближаясь к Океану, Рейн разделяется на несколько рукавов, образующих множество островов значительных размеров; на многих из них обитают народы дикие и грубые, которые, как говорят, питаются рыбой и птичьими яйцами. Рейн впадает в Океан многими устьями.

11. Когда Цезарь с войском был уже не далее двенадцати миль от неприятеля, его послы снова прибыли к нему, как было условлено. Встретив Цезаря на походе, они настойчиво упрашивали его не идти далее. Не преуспев в этом, они просили «дать приказание коннице, шедшей впереди, не начинать сражения, а им позволить отправить к Убиям послов. Если сенат и старейшины этого народа согласятся заключить с ними договор, скрепленный клятвами, то они согласны будут на условие, предложенное Цезарем; но для этого просят они у Цезаря три дня сроку». Цезарь подозревал, что все эти просьбы клонятся к одному и тому же: в течение трех дней дожидаться возвращения их конницы, находившейся в отлучке. Впрочем, Цезарь отвечал, что в этот день он двинется вперед не далее, как на четыре мили, для снабжения войска водой, а чтобы на следующий за тем день они собрались к нему, как можно в большем числе, и изложили бы свои требова-

ния. Префектам же, шедшим впереди со всей конницей, Цезарь послал приказание первыми не начинать военных действий; если же неприятель сам нападет на них, то чтобы они его отражали, пока он сам не подойдет к ним со всем войском.

12. Неприятели, едва увидели нашу конницу (она состояла из 5000 человек, тогда как у неприятеля было не более 800 всадников вследствие того, что всадники, посланные для фуражировки по ту сторону Мозы, еще не возвратились), как ударили на нее. Наши между тем не опасались ничего подобного, зная о недавнем возвращении Германских послов от Цезаря и о том, что этот день по их же просьбе назначен для перемирия, и потому пришли в смятение. Когда они стали сопротивляться, Германцы по обыкновению спешили и, поражая коней, многих из наших сбросили с них, прочих же обратили в бегство. Поражение нашей конницы было до того полным, что она смогла опомниться от страха и остановиться не прежде, как в виду нашего войска. В этом сражении пало 74 наших всадника, в том числе отличавшийся храбростью Пизон Аквитанец; он был знаменитого роду; его дед был царем над своими соотечественниками и от Сената Римского удостоен наименования друга. Увидев своего брата, окруженного врагами, он поспешил к нему на помощь и высвободил его из их рук; но сам был сброшен с раненого коня и сражался храбро, пока был в силах. Окруженный со всех сторон врагами, он пал, получив множество ран. Видя это издали, его брат, находившийся уже вне всякой опасности, пустил своего коня в середину врагов и также был убит.

13. Получив известие об этом сражении, Цезарь решил не принимать послов и не выслушивать никаких условий со стороны тех, кто, вероломно и коварно испрашивая мир, думает только о войне. Дождаться же, чтобы неприятель получил новые подкрепления и притянул к себе свою конницу, было бы в высшей степени неблагоприятно. Притом он знал о непостоянстве Галлов, у которых от одного этого успеха неприятелей появилось о них уже высокое мнение, и решил не давать им времени к измене. Цезарь



Панцирь с декоративным рельефом

остановился на этом решении, сообщил о нем легатам и квестору и назначил битву на следующий же день. Между тем случилось неожиданно благоприятное обстоятельство: на другой день рано утром явились многочисленной толпой к Цезарю все старейшины и вожди Германцев опять со словами коварства и лицемерия. С одной стороны, они пытались оправдаться в начатом накануне сражении вопреки их же просьбам и предложениям, с другой стороны, хотели испробовать, не удастся ли им обманом снова получить перемирие. Цезарь очень был рад, что Германцы сами отдались ему в руки; он велел их задержать, а сам все войска вывел из лагеря; конница же, которая еще, как он полагал, не совсем оправилась от недавнего поражения, велел следовать за главной армией.

14. Расположив свое войско в три линии, Цезарь быстро прошел восемь миль, остававшиеся до неприятельского лагеря, и явился в виду его прежде, чем неприятель узнал о происшедшем. Германцы были поражены ужасом и вследствие поспешности прихода нашего войска и отсутствия своих начальников не имели даже времени обдумать свое положение и взяться за оружие. Они в смятении не знали, что им делать: идти ли навстречу врагу, защищать ли лагерь или искать спасения в бегстве. Смятение неприятелей было заметно по беготне в лагере и беспорядочным крикам; воины наши, негодуя за их вероломное нападение накануне, тотчас ворвались в неприятельский лагерь. Тут те из неприятелей, кто успел взяться за оружие, оказали некоторое сопротивление, сражаясь из-за телег и обозных вещей. Но большая их часть и находившиеся в лагере женщины и дети (Германцы со всеми своими семействами оставили свои земли и перешли Рейн) пустились бежать куда попало; в погоню за ними Цезарь послал конницу.

15. Германцы, услышав крики в тылу и видя поражение своих, побросали оружие и военные значки и сами устремились из лагеря. Достигнув места, где сливаются Рейн и Моза, Германцы, видя, что самое бегство не спасает их и что многие пали от нашей кон-

История Галльской войны

ницы, бросились в волны реки; страх, их усталость и быстрота течения содействовали их гибели. В наших рядах не было ни одного убитого и весьма мало раненых; так счастливо закончилась эта кампания, на которую неприятель вывел было до 180 000 человек; затем наши возвратились в лагерь. Тогда Цезарь возвратил свободу задержанным Германцам; но они, опасаясь мщения Галлов за опустошение их полей, попросили у Цезаря позволения остаться у него, на что он и согласился.

16. Окончив таким образом войну с Германцами, Цезарь решился по многим причинам перейти Рейн. Главная из них заключалась в следующем: так как Германцы имели сильное поползновение переходить через Рейн на Галльскую сторону, то Цезарю хотелось внушить им опасение за их собственные земли; а оно появится, когда они увидят, что войско народа Римского имеет достаточно смелости и возможности перейти через Рейн. Немало содействовало принятому Цезарем решению и то, что та часть конницы Узипетов и Тенхтеров, которая, как мы упомянули выше, была послана по ту сторону Мозы для грабежа и фуражировки и не участвовала в сражении, услышав о поражении своих соотечественников, удалилась по ту сторону Рейна в области Сигамбров и присоединилась к этому народу. Цезарь через послов потребовал от Сигамбров, чтобы они выдали тех, кто начал войну в Галлии, и получил на это ответ: «Рейном оканчивается власть народа Римского. Если он не позволяет Германцам без его позволения переходить в Галлию, то почему же он простирает свои требования за Рейн, где его власти нет места?» Притом Убии, которые одни из всех народов, живущих по ту сторону Рейна, прислали к Цезарю послов, заключили с ним союз и дали заложников, усердно просили Цезаря «подать им руку помощи, так как они крайне утеснены Свевами. Если это невозможно по обстоятельствам государства Римского, то пусть Цезарь только покажется с войском на этой стороне Рейна; и этого уже будет достаточно на будущее время для их поддержки и защиты: так сильно уважение к войску Цезаря вследствие поражения Ариовиста и этой последней кампании, что слава об этом проникла до

самых отдаленных Германских племен, и они, Убии, впредь будут иметь для своей безопасности достаточное ручательство в союзе и дружбе народа Римского. Нужное же количество судов для переезда Римского войска они, Убии, берутся доставить сами».

17. Итак, по вышеизложенных причинам Цезарь решил переправиться через Рейн. На судах совершить этот переход было, по его мнению, не совсем безопасно и не соответствовало славе народа Римского и его собственной. Таким образом, несмотря на затруднения в устройстве моста, представляемые шириной, быстротой и глубиной реки, Цезарь решил или их преодолеть и устроить мост, или в случае невозможности лучше вовсе отказаться от переправы через Рейн. Для устройства моста поступили следующим образом: были взяты два бревна толщиной фута полтора, книзу немного заостренные, и соединены друг с другом на расстоянии двух футов. С помощью машин они были опущены в реку и вбиты, но не перпендикулярно и с уклоном в сторону течения. На расстоянии сорока футов ниже по течению реки напротив этих были опущены другие точно такие же, но поставленные против течения. На эти сваи были положены поперечные бревна в два фута толщиной, служившие для них связью; они были прикреплены к сваям двойными гвоздями. Прочность этого моста была такова и так хорошо он был приспособлен к течению реки, что быстрота ее течения только содействовала его крепости, поддерживая сваи и заставляя их держаться вместе. По сваям были положены поперечные бревна, а по ним настлан накатник из мелкого леса. Для большей прочности моста и противодействия напору волн снизу к сваям были сделаны еще подпорки; выше моста (против течения) также были устроены отводы на небольшом друг от друга расстоянии, чтобы в случае, если неприятели станут пускать на мост бревна или суда, ослабить их удар о мост и таким образом сделать их безвредными.

18. Через десять дней после того, как все материалы для изготовления моста были привезены, он уже был вполне готов, и Цезарь перевел по нему войско. Оставив для безопасности моста

История Галльской войны

по обеим сторонам реки сильные отряды, Цезарь двинулся с войском в землю Сигамбров. Тут многие племена прислали к нему послов, прося мира и союза, и получили ласковый ответ и приказание доставить заложников. Лишь только Римляне стали наводить мост, Сигамбры по совету Тенхтеров и Узипетов, нашедших у них убежище, со всем имуществом удалились в пустыни и леса.

19. Цезарь провел несколько дней в земле Сигамбров, предал огню их селения, истребил находившийся в поле хлеб и потом пошел в землю Убиев. Он обещал им свою помощь в случае, если Свевы будут теснить их, и узнал от них следующее: Свевы, лишь только узнали от своих лазутчиков о том, что через Рейн наводится мост, как по своему обыкновению созвали собрание и вследствие принятого им решения повсюду разослали повестки Свевам оставлять города; жен, детей и все имущество скрыть в лесах, а всем, способным носить оружие, собраться с ним в одном месте; для этой цели избрали пункт, находящийся почти в середине Свевской области. Здесь Свевы хотели дожидаться прибытия Цезаря и дать решительный бой. Узнав об этом, Цезарь понял, что исполнил все то, для чего перешел с войском через Рейн: распространил страх среди Германцев, отомстил Сигамбрам, освободил Убиев от беспрестанных притеснений. Вообще в течение восемнадцатидневного пребывания с войском за Рейном Цезарь сделал все, что мог, по своему мнению, для славы и для пользы отечества, а потому возвратился в Галлию и развел мост.

20. Несмотря на то что теплое время года подходило уже к концу и что ввиду северного положения Галлии зима в ней наступает рано, Цезарь решил посетить с войском Британию. Ему было неизвестно, что в продолжение Галльских войн все враги народа Римского получали оттуда помощь. Цезарь хотел, если и мало будет времени для ведения войны, ознакомиться с местностью острова, с живущими на нем народами, открыть гавани, удобные для высадки места и вообще приобрести сведения, которые со временем могли быть ему крайне полезны; получить их от Галлов он не мог, поскольку те и сами не имели их. Никто, кроме купцов,

не решается посещать этот остров, да и те знакомы исключительно только с берегом и с местами, противолежащими Галлии. Хотя Цезарь отовсюду созвал купцов, но не мог узнать от них ничего о том, как велик остров, какие на нем обитают народы, как они сильны на войне, какими управляются законами, а равно и о том, какие гавани являются удобными для многочисленного флота.

21. Для получения этих сведений перед отправлением всей экспедиции Цезарь заборорассудил послать Г. Волузена на долгом судне. Он приказал ему собрать самые нужные сведения и возвратиться к нему как можно скорее, сам же со всеми войсками отправился в землю Моринов, откуда была ближайшая переправа в Британию. Сюда Цезарь приказал собраться судам изо всех соседних стран и флоту, устроенному в прошлое лето по случаю войны с Венетами. Между тем про его намерения узнали купцы и рассказали об этом Британцам; многие их племена прислали послов к Цезарю, изъявляя готовность покориться народу Римскому и дать заложников. Цезарь, выслушав речи послов, ласково обещал им покровительство народа Римского, убеждал их оставаться в этом расположении и отправил их обратно домой; с ними вместе он послал Коммия, которого после покорения Атребатов сделал у них царем. Цезарь знал его как благоразумного, храброго, не способного к измене человека, пользовавшегося большим влиянием и известностью в этих краях. Он приказал ему побывать у всех племен Британии и склонить их к признанию власти народа Римского, а равно дать им знать о скором прибытии его, Цезаря, в Британию. Волузен осмотрел местность острова, насколько то было возможно, не решаясь выходить на берег и отдаться в руки его диким жителям; на пятый день он возвратился к Цезарю и донес ему обо всем, что ему удалось увидеть.

22. В то время как Цезарь был занят в этих местах изготовлением судов, к нему явились послы от большой части Моринов; они раскаивались в своем поведении в прежнее время и приписывали своему незнанию о наших силах то, что они дерзнули вести войну с народом Римским; они изъявили готовность испол-

нить все приказания Цезаря. Это обстоятельство было для него весьма приятно и очень кстати: он не хотел оставлять у себя в тылу врага, вести же с ним войну было невозможно по позднему времени года и значило бы отказаться от гораздо важнеего похода в Британию. Цезарь велел послам Моринов привести к себе большое количество заложников; получив их, он даровал им мир. Около восьмидесяти транспортных судов было собрано и изготовлено; их было достаточно для перевоза двух легионов; бывшие у него долгие суда Цезарь отдал квестору, легатам и префектам. Еще было у него 18 транспортных судов, но их задерживал ветер миях в восьми и не допускал к той пристани, откуда отправлялся Цезарь; их он назначил для конницы. С остальным войском он велел легатам К. Титурию Сабину и А. Аврункулею Котте идти в землю Менапиев и тех Моринов, которые еще не присылали к нему послов о мире. П. Сульпицию Руфу приказал Цезарь оберегать пристань, оставив ему достаточные для этого силы.

23. Устроив все таким образом и дождавшись попутного ветра, Цезарь в третью стражу ночи снялся с якоря, а коннице приказал идти к той пристани, где находились 18 транспортных судов, сесть на них и следовать за ним. Так как они немного замешкались, то Цезарь с первыми судами достиг Британии в четвертом часу дня. По всем прибрежным высотам увидел он вооруженное неприятельское войско. Местность здесь была такова, что крутые утесы спускались до самого моря и стрела, брошенная сверху, упала бы у самого подножия утеса. Цезарь счел невозможным пристать и высадиться в этом месте из-за его крутизны и до девяти часов стоял на якоре, ожидая прихода прочих судов. Между тем, созвав легатов и военных трибунов, он сообщает им известия, полученные от Волузена, и свои собственные намерения и внушает им, что правило военного искусства, а особенно на море, столь изменчивом и непостоянном, требует действовать дружно, быстро и решительно. Отпустив их, Цезарь, пользуясь благоприятным ветром и приливом, дал знак сниматься с якоря и пристал с кораблями к ровному и открытому месту на расстоянии около семи миль от прежнего места.

24. Туземцы, разузнав о намерениях Римлян, послали вперед конницу и колесницы, а потом двинули и все свои войска к тому месту, намереваясь воспрепятствовать Римлянам высадиться. Вообще наше положение было затруднительно; по своим размерам наши суда не могли остановиться на мелком месте, а нашим воинам надлежало при незнании местности в тяжелом вооружении, с занятыми руками вместе и прыгать с кораблей, и стоять в волнах, и бороться с неприятелем, в то время как он стоял на сухом месте, на отмелях или в самих мелких местах, был легко вооружен и свободен в своих движениях; знание местности давало ему возможность верно стрелять и на лошадях, приученных к тому, бросаться в воду. Наши воины, непривычные к сражению такого рода, чувствовали робость и сражались с меньшим жаром и усердием, чем обыкновенно в битвах на сухом пути.

25. Замечая это, Цезарь приказал долгим судам, вид которых незнаком был диким обитателям Британии (а на ходу они были много легче), отделиться от транспортных судов и, действуя веслами, стать с открытого фланга неприятелей и, бросая пращи, стрелы и камни, отразить их; это много помогло нашим. Пораженные невиданной ими наружностью судов, Британцы с удивлением смотрели на действие весел и незнакомых им метательных орудий, приостановили нападение и начали даже отступать. Когда наши воины были в нерешительности, опасаясь глубины моря, знаменосец десятого легиона, с орлом в руке, призвав богов благословить его начинание на пользу его легиона, обратясь к своим, сказал: «Товарищи, устремитесь вперед, если не хотите оставить вашего орла в руках врагов; по крайней мере я исполню долг мой отечеству и моему начальнику». Сказав это громким голосом, он спрыгнул с корабля и с орлом бросился в середину неприятелей. Тогда наши, призывая друг друга спасти легион от посрамления, все бросились с кораблей. Находившиеся на других судах, видя это, также последовали их примеру и приблизились к неприятелю.

26. Бой был упорный с обеих сторон; однако наши, будучи не в состоянии построиться в ряды и действовать дружно, при-

ходили в замешательство; не видя своих значков, строились, сходя с корабля, под первым встретившимся. Неприятель с берега, если замечал наших, отделившихся от прочих, пользуясь знанием бродов и мелей, смело бросался туда на конях и нападал многочисленной толпой на наших воинов, рассыпанных врозь и обремененных тяжестями. Другие толпы неприятелей осыпали наших стрелами с открытой стороны. Цезарь, заметив это, приказал воинам сесть в челноки, находившиеся при долгих судах, и в легкие лодки, употреблявшиеся для разъездов; они должны были спешить на помощь во все пункты, где наших особенно теснил неприятель. Когда же наши достигли берега и, собравшись все вместе, ударили на неприятеля, он обратился в бегство. Преследовать его не было возможности; суда, на которых находилась конница, не могли пристать к берегу и должны были держаться в открытом море. Только этого одного обстоятельства недоставало для полного всегдашнего торжества Цезаря.

27. Неприятель, опомнясь от поражения, немедленно отправил к Цезарю послов о мире, изъявляя готовность выдать ему заложников и исполнить все его приказания. Вместе с этими послами возвратился Атребат Коммий, который, как мы сказали выше, был послан Цезарем в Британию. Когда он сошел с корабля и, исполняя обязанность посла, хотел передать слова Цезаря, его схватили и заключили в оковы. По окончании битвы Британцы возвратили ему свободу и, прося мира, сваливали вину на чернь; они умоляли простить им их необдуманный поступок. Цезарь пенял им за то, что, прислав сами к нему на твердую землю послов с предложением мира, они объявили ему войну без всякого с его стороны повода; впрочем, он решил простить им их неблагоприятный поступок и требовал заложников. Часть их Британцы немедленно привели, а другую, которую надлежало собрать из мест более отдаленных, обещали представить в самое непродолжительное время. Между тем они возвратились к полевым работам; старейшины их явились со всех сторон, прося дружбы Цезаря для своих соотечественников.

28. Таким образом, мир казался упроченным. Между тем на четвертый день после нашего прибытия в Британию 18 транспортных судов с нашей кавалерией отплыли из гавани при тихом ветре. Они уже были на виду берегов Британии и нашего лагеря, как вдруг поднялась ужасная буря; ни один из кораблей не смог подойти к берегу, а иные были отнесены в то же место, откуда вышли; другие с величайшей для них опасностью были выброшены на берег Британии, пониже и далее к западу. И те суда, которые попытались было остановиться на якоре и их стало заливать водой, вынуждены были, несмотря на ночь, сняться с якоря и пуститься в открытое море, которое опять прибило их к твердой земле.

29. В ту же ночь случилось быть полнолунию, когда морской прилив в Океане бывает сильнейшим; нашим же это обстоятельство было неизвестно. Таким образом, в одно время долгие суда, на которых Цезарь перевез войско и которые по его приказу были вытащены на берег, были залиты приливом, а транспортные суда, находившиеся у берега на якорях, бились от напора волн и ветра. Ни тем ни другим невозможно было подать помощи, вследствие чего многие суда разбились совершенно, другие, потеряв веревки, якоря и прочие снасти, сделались негодными к употреблению; это не могло не произвести смущения в нашем войске. Других кораблей не было, на которых можно было бы плыть назад; исправить и починить находившиеся под руками суда было невозможно по отсутствию материалов. А тем не менее все знали, что необходимо было возвратиться на зимовку в Галлию; в Британии не было заготовлено хлеба для войска на зимнее время.

30. Видя это затруднительное положение нашего войска, старейшины Британские, собравшиеся было для выполнения приказаний Цезаря вследствие его победы, рассудили между собой снова взяться за оружие. Они видели, что Римляне лишены конницы, кораблей и имеют недостаток в съестных припасах; малое пространство лагеря обнаруживало малочисленность наших; лагерь был тем менее, что Цезарь при войсках не имел обоза. Таким



Легионер в обыкновенном панцире
(рисунок по барельефу на триумфальной арке Севера)

образом, Британцы возмутились снова с целью отрезать подвозы нашему войску, вынудив его голодать, и, протянув дело до зимы, победить Римлян или не дать им возможности вернуться в Галлию и тем сразу и навсегда положить конец покушениям Римлян к завоеванию Британии.

31. Вследствие этого замысла Британцы мало-помалу стали оставлять лагерь Цезаря и тайно уводить жителей с полей. Цезарь хотя и не знал о замысле Британцев, но подозревал о его возможности и вследствие несчастья, постигшего его суда, и по медлительности, с какой они выставляли заложников. А потому он принимал меры против всех возможных случайностей: ежедневно с полей свозили хлеб в лагерь; дерево и железо разбитых совершенно судов было употреблено на починку менее пострадавших; прочие необходимые материалы для этого были привезены из Галлии. Таким образом, благодаря усиленным трудам наших воинов все суда, за исключением двенадцати совершенно разбитых, были приведены в такое состояние, что снова стали пригодными для перевоза войск.

32. Пока это происходило, однажды по обыкновению один легион — на этот раз случился седьмой — отправился для фуражировки. Неприязненных действий, казалось, нельзя было ожидать; еще не только много жителей оставалось в полях, но они даже не переставали посещать наш лагерь. Воины, находившиеся на страже перед воротами лагеря, вдруг донесли Цезарю, что в той стороне, куда пошел наш легион, видно весьма большое облако пыли. Цезарь тотчас догадался, что там происходит, а именно о том, что Британцы приступили к неприязненным действиям. Он тотчас берет с собой когорты, стоявшие на страже, двум другим велит занять их место, а прочим, вооружась немедленно, последовать за ним. На довольно большом расстоянии от лагеря Цезарь увидал свой легион; сбитый в кучу, он с трудом выдерживал нападение неприятелей, окруживших его со всех сторон и осыпавших его стрелами. Так как в окрестностях хлеб уже везде был скошен и оставался только в одном мес-

те, то неприятель, догадываясь, что наши придут за ним, ночью устроил засаду в соседнем лесу. Когда наши сняли с себя оружие и, рассеявшись, стали убирать хлеб, неприятель внезапно напал на них из засады; некоторые из наших пали, другие в замешательстве составили ряды как попало; неприятель окружил их со всех сторон колесницами.

33. С колесниц сражаются обычно так: сначала неприятельские воины скачут на них кругом, пуская стрелы и внося смятение в ряды наших пехотинцев страшным видом коней и стуком колес, а когда заедут в середину конницы, то вдруг соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Между тем возницы с колесницами мало-помалу удаляются от места сражения и становятся так, чтобы всегда быть готовым убежищем для своих в случае, если неприятель станет их очень теснить. Таким образом, сражение с колесниц соединяет выгоды пехоты и конницы, превосходя стойкостью первую и быстротой движения вторую. Ежедневным упражнением приучили они своих коней останавливаться на самом крутом обрыве, поворачивать, опять мчаться и, вдруг остановясь, принимать их на всем скаку в повозки.

34. Помощь, поданная Цезарем, пришлась как нельзя более кстати нашим воинам, уже пришедшим в робость от сражения невиданного ими рода. Прибытие Цезаря приостановило нападение неприятеля и ободрило наших. Достигнув своей цели, Цезарь не заблагорассудил напасть на неприятеля, а, постояв некоторое время на месте сражения, отвел легионы в лагерь. Пока все это происходило, остальные жители удалились с полей, пользуясь тем, что нашим было не до них. Затем в течение многих дней была непогода, не позволявшая и нашим оставить лагерь, и неприятелям напасть на нас. Британцы же во все стороны разослали гонцов, выставляя на вид малочисленность нашего войска, ожидающую всех добычу и вольность навсегда в случае взятия ими Римского лагеря. Собрав таким образом многочисленную пехоту и конницу, они двинулись к нашему лагерю.

35. Цезарь, хотя и знал, что неприятель в случае поражения найдет спасение благодаря скорости бегства, однако, имея не более тридцати всадников, бывших под начальством Атребата Коммия, тем не менее вывел войска из лагеря и поставил в боевой порядок. В произошедшей битве неприятель не выдержал натиска наших и обратился в бегство. Наши преследовали его, насколько позволяли их силы и быстрота ног, и многих из них убили. Опустошив и предав огню все на большом пространстве, наши удалились в лагерь.

36. В тот же день прибыли к Цезарю послы с просьбой о мире. Цезарь приказал им выставить заложников в двойном против прежнего количестве и доставить их в Галлию, куда он сам спешил: близость равноденствия и непрочность судов делали необходимым отплытие, не дожидаясь зимних бурь. А потому Цезарь, пользуясь попутным ветром, вскоре после полуночи велел сняться с якоря и благополучно со всеми кораблями пристал к твердой земле Галлии. Только два транспортных судна не смогли пристать к одному с прочими месту, а были отнесены ветром немного пониже.

37. На них было триста человек наших воинов; когда они сошли на берег и пошли к нашему лагерю, Морины, совершенно было покорившиеся Цезарю при отъезде его в Британию, польстились на легкую, по их мнению, добычу и окружили наших — сначала не в очень большом количестве, — требуя, чтобы они, если хотят остаться в живых, сложили оружие. Наши собрались в кружок и сопротивлялись упорно. Тогда на крик Моринов сбегалось их еще около шести тысяч человек. Узнав об этом, Цезарь послал на помощь своим всю свою конницу, сколько ее было в лагере. Между тем наши выдерживали нападение неприятеля; упорная с обеих сторон битва продолжалась в продолжение более четырех часов; у наших немногие получили раны, а неприятелей было убито очень много. Но как только показалась наша конница, неприятель бросил оружие и обратился в бегство, при этом еще много людей было у него убито.

История Галльской войны

38. На следующий день Цезарь отправил легата Т. Лабиена с легионами, вернувшимися из Британии, против взбунтовавшихся Моринов. Так как болота пересохли вследствие засухи и не представляли для них безопасного убежища, как то было в прежние года, то все они стали легкой добычей Лабиена. Между тем легаты К. Титурий и Л. Котта, которые ходили с легионами в земли Менапиев, возвратились к Цезарю; они опустошили все их поля, истребили хлеб, сожгли селения; сами же Менапии удалились в чащу лесов. Цезарь расставил все легионы по зимним квартирам в Бельгии. Туда только два Британских племени прислали заложников; прочие же не заблагорассудили этого сделать. Вследствие таких счастливых событий Сенат, получив о них известие в доносениях Цезаря, определил в течение двадцати дней благодарственные молебствия богам.



Книга пятая

1. В консульство Луция Домиция и Аппия Клавдия Цезарь, отъезжая с зимних квартир в Италию — что он делал каждый год, — приказал легатам, которым вверил войско, чтобы они в течение зимы построили как можно больше новых судов и починили бы старые. Относительно устройства судов он придумал следующее распоряжение: чтобы их можно было удобнее нагрузить и легче вытащить на берег, он велел делать их несколько ниже тех, которые до этого плавали обычно в нашем (Средиземном) море. Цезарь обратил в этом случае внимание на то, что вследствие частых приливов и отливов волны бывают не так велики в Океане, как в нашем море. Притом Цезарь приказал суда, в отличие от употребляемых в других морях, делать шире, для того чтобы они были вместительнее для грузов и лошадей. Вообще же все суда делались так, чтобы они были вместе и парусными и гребными; для этой цели низкая палуба была очень полезна. Все, что требовалось для вооружения судов, Цезарь приказал доставить из Испании. А сам, закрыв сеймы в Ближней Галлии, отправился в Иллирию, так как ему донесли, что Пирусты опустошают набегами прилежащую к ним часть Провинции. По прибытии в Иллирию Цезарь приказал городам выставить воинов и назначил им место для сбора. Узнав об этом, Пирусты прислали к Цезарю послов сказать ему, «что если что случилось с их стороны враждебное, то большинство народа не принимало в этом никакого участия, и что они готовы дать удовлетворение за причиненный вред, какое от них потребуют». Выслушав речи послов, Цезарь велел им к назначенному сроку доставить заложников; в случаеслушания он грозил им войной. Заложники были доставлены в положен-

ный срок, и Цезарь назначил с обеих сторон посредников — определить размеры причиненного Пирустами вреда и следующего с них вознаграждения.

2. Окончив это дело и закрыв собрание, Цезарь возвратился в Ближнюю Галлию и оттуда отправился к войску. По прибытии туда Цезарь объехал зимние квартиры и нашел, что его воины при неусыпном старании, несмотря на недостаток в материале, успели построить шестьсот судов по указанному образцу и двадцать восемь долгих судов, приведя их в такое положение, что через несколько дней они могли быть совершенно готовы в поход. Осыпав похвалами воинов, а равно и людей, имевших надзор за работами, Цезарь открывает им свои намерения: все суда должны были собраться в порт Иций, удобство которого для правы в Британию, находящуюся от него в 30 милях, давно было замечено Цезарем. Для этой цели он оставил столько воинов, сколько, по его мнению, было достаточно, а сам с четырьмя легионами налегке и с 800 всадниками идет в земли Тревиоров: они не присылали депутатов на сейм, не признавали власти Римлян и, по слухам, звали к себе Германцев на помощь.

3. Тревиры изо всех Галльских народов имеют сильнейшую конницу и весьма многочисленное пешее войско; земли их прилегают к реке Рейну. Два человека, Индутиомар и Цингеторикс, оспаривали друг у друга верховную власть над этим племенем. Последний, лишь только узнал о прибытии Цезаря и легионов, явился к нему, ручался за преданность свою и своих приближенных и за всегдашнюю покорность народу Римскому; он сообщил Цезарю подробности о том, что происходит у Тревиоров. Между тем Индутиомар собирал пешее и конное войско; тем же, кто не в состоянии был носить оружие, приказал удалиться в Арденский лес (он огромной полосой тянется через область Тревиоров, начинаясь у реки Рейна и доходя до области Ремов) и вообще всеми силами готовился к войне. Но когда он увидел, что многие старейшины народа, отчасти из расположения к Цингеториксу, отчасти испуганные приближением нашего войска, явились к Цезарю и

просили его за себя в частности, будучи не в состоянии принести пользу всему своему народу, то Индутиомар стал опасаться, как бы все его не оставили, и отправил послов к Цезарю сказать ему: «Он потому не решается покинуть своих и до сих пор потому не являлся к Цезарю, чтобы лучше удержать в повиновении своих сограждан; иначе чернь, совершенно оставленная аристократией, может принять самые необдуманные решения; теперь же народ Тревиоров у него в руках, и если Цезарь позволит, он сам явится к нему в лагерь и вручит ему судьбу свою и всего народа Тревиоров».

4. Цезарь очень хорошо знал, что вынудило Индутиомара прибегнуть к таким речам и отказаться от принятого им было решения, но, не желая потратить лето на войну с Тревирами, между тем как у него все уже было подготовлено к походу в Британию, приказал Индутиомару явиться к себе с двумястами заложников. Они пришли, и в их числе были — вследствие особого приказания Цезаря — сын Индутиомара и все его родственники, вызванные поименно. Цезарь успокоил Индутиомара и убеждал его оставаться всегда верным, но, собрав старейшин Тревиоров, поручил их особенному расположению Цингеторикса. Так Цезарь поступил отчасти потому, что, по его убеждению, Цингеторикс этого заслуживал, отчасти и потому, что при его доказанной преданности его влияние на соотечественников могло быть для нас весьма полезным. Это намерение Цезаря — ослабить его влияние в народе — весьма огорчило Индутиомара; и прежде к нам неприязненно расположенный в душе, он с этого времени сделался еще ожесточеннее в своей ненависти.

5. Устроив таким образом дела Тревиоров, Цезарь повел легионы к порту Ицию. Здесь он узнал, что сорок судов, построенных в Мельде, по дороге были застигнуты бурей, которая отнесла их туда, откуда они прибыли; остальные же суда были снабжены всем необходимым и были совершенно готовы к отплытию. Туда же пришла конница из всей Галлии в количестве четырех тысяч человек, а также съехались старейшины всех Галльских племен. Из них весьма немногих, верность которых была уже доказана опы-

том, Цезарь определил оставить в Галлии, а всех прочих решил взять с собой в виде заложников; он опасался, как бы во время его отсутствия не возмущилась Галлия.

6. В числе последних находился Эдуй Думнорикс, о котором мы упоминали выше. Цезарь никак не решился бы его оставить, зная о его предприимчивости, смелости, жажде новизны, неумеренном честолюбии и большом влиянии на все Галльские племена. Притом он уже похвалился на сейме Эдуев, что Цезарь делает его царем над ними, а это Эдуям было весьма неприятно; послать же к Цезарю послов с изъявлением, что они не желают иметь у себя царем Думнорикса, они не смели. Цезарь услышал об этом от своих друзей, которые были у него среди Галлов. Сначала Думнорикс предпринимал усилия просьбами всякого рода получить позволение остаться в Галлии: то он выказывал боязнь моря, по которому, как он говорил, никогда еще не плавал, то выставлял как препятствие данные им будто бы религиозные обеты. Видя упорный отказ на все свои просьбы и отчаявшись в их успехе, Думнорикс обратился к Галльским старейшинам, убеждал порознь каждого из них оставаться в Галлии; он их страдал, что не без причины уводит Цезарь из Галлии всю аристократию, что ведет их на избиение в Британию, не решаясь в Галлии привести в исполнение свое намерение. Думнорикс клялся в истине своих слов, а также требовал от других клятв действовать с общего совета в том, что они найдут полезного для отечества. Слова Думнорикса многие пересказали Цезарю.

7. Узнав об этом, Цезарь, дорожа значением народа Эдуев, им уважаемого, решил всеми мерами предупредить и обуздать Думнорикса. Безрассудство этого человека вышло из пределов и могло быть весьма вредным для него, Цезаря, и интересов государства. Таким образом, Цезарь провел в этом месте около 25 дней. Северо-западный ветер, господствующий в этих местах, препятствовал плаванью; между тем Цезарь старался удержать Думнорикса в повиновении и наблюдал за всеми его действиями. Подул попутный ветер, и Цезарь приказал своему войску, и пешему, и

конному, садиться на суда. Пользуясь тем, что все были заняты, Думнорикс без позволения Цезаря с всадниками Эдуев удалился из лагеря. Когда Цезарю дали знать об этом, он остановил отправление и послал в погоню за Думнориксом большую часть конницы с приказанием вернуть его, в случае же сопротивления или ослушания — убить его. Цезарь основательно заключал, что если Думнорикс не повинуетсЯ ему, когда он еще в Галлии, то после его отъезда непременно задумает что-нибудь недоброе. Когда Думнорикса звали назад, он сопротивлялся, защищался, призывал своих на помощь, повторяя, что он свободный гражданин свободного народа. Тогда наши, исполняя приказание, окружили его и убили; всадники же Эдуйские, все до одного, возвратились к Цезарю.

8. По совершении всего этого Цезарь оставляет Лабиена в Галлии с тремя легионами и двумя тысячами человек конницы; он ему поручает оберегать пристань, заботиться об исправном подвозе съестных припасов, иметь наблюдение за всем, что произойдет в Галлии, и действовать по указанию обстоятельств. Сам же с пятью легионами и таким же количеством конницы, какое он оставил в Галлии, отправился в путь во время захода солнца при тихом южном ветре. Почти в полночь ветер утих, и суда отдались течению, которое их отнесло так, что на рассвете наши увидели берег Британии слева. Тогда Цезарь, пользуясь изменением прилива, велел действовать веслами и стараться причалить к тому же месту, которое по прошлогоднему опыту оказалось удобным для высадки. В этом случае заслуживает похвалы удивительное усердие воинов; они гребли так сильно, что их тяжелые суда не отставали от долгих судов. Был почти полдень, когда все наши корабли причалили к берегу Британии. Неприятеля в это время нигде не было видно; впоследствии Цезарь узнал, что он было собирался на берегу большими силами, но был испуган прибытием огромного количества наших судов (число их с лодками, принадлежавшими частным лицам, простиралось до восьмисот, и все они показались одновременно) и, оставив берег, удалился на возвышенные места.



Легионер в чешуйчатом панцире
(рисунок по барельефу на триумфальной арке Севера)

9. Цезарь высадил на берег войско и избрал место, удобное для лагеря. Узнав от пленных, в каком месте находятся неприятельские войска, он оставил на берегу моря для оберегания судов десять когорт и триста всадников и в третью стражу ночи пошел к неприятелю. Он тем менее опасался за суда, что они были привязаны на ровном месте, где земля была мягкая. Начальство над войсками, оставленными для оберегания судов, было вверено К. Атрию. Цезарь ночью прошел около двенадцати миль и увидел неприятельские войска. Конница и колесницы Британцев дошли до реки и, пользуясь выгодами возвышенной местности, отражали наших и завязали бой. Не выдержав нападения нашей конницы, они удалились в лес, в прекрасно укрепленное и природой, и искусством место, заранее приготовленное ими, кажется, на случай междоусобной войны; все подступы к нему были завалены огромными срубленными деревьями. Из лесов временами показывался неприятель в небольшом количестве, препятствуя нашим проникнуть в укрепление. Впрочем, воины седьмого легиона, образовав из себя «черепашу» и сделав насыпь к неприятельскому укреплению, с весьма малым уроном взяли его и выгнали неприятеля из леса. Цезарь остановил преследование и по незнанию местности, и желая употребить остальное время дня на укрепление лагеря.

10. На следующий день утром Цезарь разделил все свое войско, и пешее, и конное, на три отряда и отправил их в погоню за бегущим неприятелем. Уже наши прошли некоторое расстояние и видели задние ряды Британцев, как от К. Атрия прискакали к Цезарю всадники с известием, что в бывшую накануне ночь поднялась столь сильная буря, что ни канаты и якоря не могли выдерживать, ни гребцы и кормчие не могли управлять судами, а поэтому они, взаимно сталкиваясь, были весьма сильно повреждены.

11. Получив такое известие, Цезарь решил оставить поход и приказал пехоте и коннице возвратиться с пути, а сам отправился к кораблям и собственными глазами увидел истину того, что прежде было ему известно из слухов и писем; он удостоверился,

что 40 судов совершенно погибли, а для приведения остальных в прежнее состояние также потребуются много трудов. Для этого Цезарь отбирает находившихся в легионах воинов, сведущих в кузнечном деле, и посылает в Галлию за кузнецами. Лабиену Цезарь написал, чтобы он с помощью находившихся у него легионов заготовил как можно больше судов. Притом Цезарь решил, несмотря на трудность этого предприятия, вытащить корабли на берег и окружить одними и теми же укреплениями вместе с лагерем. И день и ночь неусыпно трудились воины в течение десяти дней, приводя в исполнение замысел Цезаря. Вытащив корабли на берег и окружив лагерь превосходными укреплениями, Цезарь оставил для его охраны те же войска, что и прежде, а с прочими двинулся к тому месту, откуда вернулся. Прибыв туда, Цезарь нашел, что против него собрались со всех сторон большие, чем прежде, силы Британцев; верховную власть и распоряжение войной с общего совета вверили Кассивеллану; его владения от земель приморских племен Британии отделяет река Тамезис, находящаяся от моря на расстоянии около 20 миль. Еще недавно Кассивеллан находился в состоянии постоянной войны со многими племенами Британии; но, уstraшенные нашим прибытием, они забыли свою вражду и вручили ему власть и ведение войны.

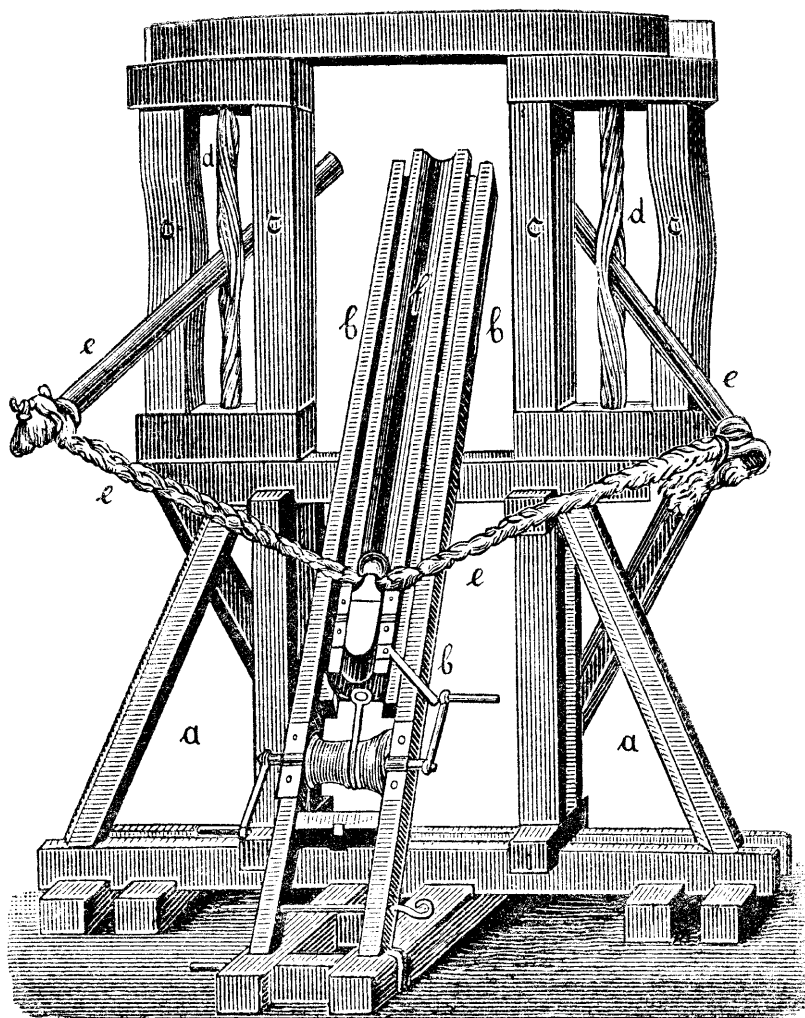
12. Внутренняя часть Британии населена коренными жителями, с незапамятных времен тут живущими. Приморские же места населены выходцами из Бельгии, привлеченными сюда жаждой войны и добычи; по переселении они сохранили наименования тех племен, от которых происходят; не ограничиваясь простым набегом, они остались здесь и принялись обрабатывать землю. Страна здесь чрезвычайно населена; села и деревни частые и строятся почти по образцу Галльских; скота здесь очень много. Вместо денег употребляются здесь медь и железные кольца определенного веса. Во внутренней части острова есть рудники белого олова, а в приморских местах — железа; впрочем, последнее встречается в малом количестве. Медь здесь привозная. Деревья разных видов встречаются здесь в лесах, как и в Галлии, только кроме бука

и лиственницы. Британцы считают непозволительным есть мясо зайцев, кур и уток; но последних они держат для удовольствия и охоты. Здесь климат умереннее, чем в Галлии, и не бывает сильной стужи.

13. Остров Британия имеет вид треугольника, одна сторона которого расположена напротив Галлии. Один угол этой стороны, где находится земля Кантий и куда обычно пристают все корабли из Галлии, обращен на восток, а другой, нижний, на юг; вообще эта сторона простирается миль на пятьсот. Другая сторона обращена на запад к Испании; с этой стороны на таком же расстоянии от Британии, как и Галлия, находится остров Гиберния; надо полагать, что он вполовину меньше Британии. Посредине пролива, отделяющего Гибернию от Британии, находится остров Мон, окруженный, как говорят, великим множеством малых островов; о них некоторые писали, что там зимой в течение 30 дней господствует непрерывная ночь. Ничего достоверного об этом мы не смогли узнать; а по водяным часам убедились, что ночи здесь короче, чем на материке. По мнению Британцев, длина западного берега около семисот миль. Третья сторона обращена к северу, и напротив нее нет никакого берега; впрочем, она обращена более к Германии и простирается на восемьсот миль; таким образом, весь остров Британия имеет в окружности две тысячи миль¹.

14. Из жителей Британии в отношении гражданственности выше других стоят жители Кантия, приморской страны; обычаи у них мало чем отличаются от Галльских. Жители внутренней части острова почти не занимаются земледелием, питаются молоком и мясом и одеваются в шкуры зверей. Вообще же все Британцы мажутся купоросом, что придает их телу зеленовато-синий цвет, внушающий на войне ужас. Волосы они носят длинные, но все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жен имеют общих человек на десять или на двенадцать, преимущественно братья

¹ Собственно в подлиннике: двадцать раз сто тысяч шагов.



Баллиста

с братьями и родители с сыновьями. Все родившиеся считаются детьми тех, кто первый взял за себя жену девицей.

15. Неприятельские конница и колесницы атаковали нашу конницу на походе и вступили с ней в жаркий бой. Наши одержали совершенную победу и прогнали неприятелей в горы и леса; преследуя их, они зашли далеко и понесли некоторые потери. Спустя некоторое время, когда наши воины, ничего не опасаясь, занимались укреплением лагеря, неприятель, вдруг выскочив из леса, устремился на них. Завязался упорный бой между ним и нашими войсками, прикрывавшими лагерь. Цезарь послал в подкрепление своим две когорты, первые от двух легионов. Они оставили между собой весьма малый промежуток, но неприятель, пользуясь замешательством наших от сражения нового для них рода, успел с величайшей смелостью прорваться в этот промежуток и возвратиться оттуда без вреда. Тут был убит военный трибун К. Лаберий Дур; неприятель же был отражен с помощью новых подкреплений.

16. Это сражение, происходившее у лагеря и на глазах у всех, показало, что в битве такого рода наши воины не могут равняться с неприятелем; причиной тому тяжелое вооружение, препятствующее преследованию отступающего неприятеля, и необходимость не выходить из строя. Конница наша сражалась всегда с великой для себя опасностью: обычно неприятель нарочно отступает, а потом, заманив нашу конницу подальше от легионов, соскакивает с колесниц и таким образом делает бой неравным; вследствие чего сражение конницы представляло одинаковую опасность и при атаке, и при отступлении. При этом неприятель никогда не действует сплошной массой, а врассыпную; он располагается отрядами, куда удаляются, отступая, его воины, утомленные битвой, а на их место выходят новые со свежими силами.

17. На следующий день неприятель остановился далеко от нашего лагеря на горах; он показывался изредка и не так охотно, как прежде, затевал схватки с нашей конницей. А в полдень, ко-

гда Цезарь отправил легата Г. Требония с тремя легионами и со всей конницей для фуражировки, они, лишь только наши хотели было заняться ею, налетели на них со всех сторон так, что нашим невозможно было оставить своих рядов и отойти от значков. Они сильно ударили на неприятеля, отразили его и горячо преследовали; наша конница смело гнала неприятелей, видя за собой пехоту, и не давала им отдыха: они не имели времени ни опомниться, ни остановиться, ни соскочить с колесниц и понесли большой урон в людях. Вследствие этого поражения вспомогательные войска неприятелей тотчас разошлись по домам, и с этого времени мы уже не имели более дела со всеми неприятельскими силами.

18. Цезарь, узнав о намерениях неприятеля, повел войско к реке Тамезису и областям Кассивеллавна; на этой реке был всего только один брод, и то весьма затруднительный. Придя к реке, мы увидели на той стороне значительные неприятельские силы; берег был защищен тыном из острых кольев; они же были набиты на дне реки под водой. Все это было известно от пленных и перебежчиков. Цезарь, послав вперед конницу, немедленно велел следовать за ней легионам. Наши воины с такой быстротой и силой, несмотря на то что переходили реку по шее в воде, ударили на неприятеля, что он не смог выдержать одновременного натиска нашей пехоты и конницы, оставил берег и пустился в бегство.

19. Кассивеллавн, потеряв, как видно было из описанного выше, надежду иметь над нами верх в решительной битве, распустил большую часть своих войск. Он оставил при себе четыре тысячи колесниц; с ними он наблюдал за нашими движениями, шел на малом от нас расстоянии по лесистым и малоизвестным местам; из тех мест, куда лежал наш путь, он жителей и стада угонял в леса. Когда же наша конница чуть немного неосторожно рассыпалась по полям для грабежа и опустошения, Кассивеллавн высылал по ему одному только известным тропинкам свои колесницы и завязывал бой, весьма опасный для нашей конницы. Таким образом, страх, им внушаемый, препятствовал нашей коннице совершать дальние набеги. Вследствие этого Цезарь при-

казал коннице не отделяться от прочей армии и ограничивался опустошением края настолько, насколько позволяли силы пеших воинов и путь, по которому двигалось войско.

20. Между тем Тринобанты (этот народ один из сильнейших в Британии; из него-то бежал в Галлию под покровительство Цезаря молодой человек по имени Мандубратий; его отец Имануенций был царем Тринобантов и был убит Кассивеллавном, а сам он нашел спасение от смерти только в бегстве) прислали послов к Цезарю, изъявляя покорность и готовность исполнить все его приказания. Они просили его защитить Мандубратия от преследования Кассивеллавна и прислать его к ним для верховного над ними начальства. Цезарь приказывает им выставить 40 заложников и некоторое количество продовольствия для своего войска и посылает к ним Мандубратия. Тринобанты немедленно исполнили приказания Цезаря и доставили всех заложников и провиант.

21. Видя, что Тринобанты получили от Цезаря защиту, а от наших воинов не потерпели ни малейшего вреда, Ценимагны, Сегонтиаки, Анкалиты, Биброки и Кассы через послов отдались под покровительство Цезаря. От них он узнал, что неподалеку находится город Кассивеллавна, защищенный лесами и болотами, где нашли убежище множество людей и скота. У Британцев городом называется место в густом лесу, обнесенное валом и рвом, куда они удаляются обычно в случае неприятельского нашествия. Цезарь повел туда легионы; он нашел, что это место прекрасно укреплено природой и искусством, однако предпринял атаку на него с двух сторон. Неприятель после кратковременного сопротивления не выдержал натиска наших воинов и пустился бежать из города с другой стороны. Там нашли большое количество скота. Многие из бегущих неприятелей были настигнуты и убиты.

22. Во время этих происшествий Кассивеллавн посылает в Кантий, приморскую область, о которой мы говорили выше, к четырем царям ее — Цингеториксу, Карвилию, Таксимагулу и Сего-

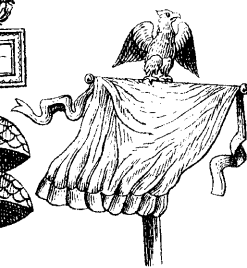
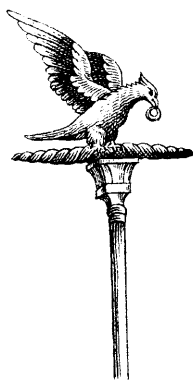
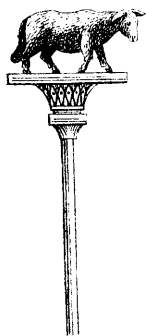
наксу — приказание собрать все силы, внезапно напасть на наш приморский лагерь и постараться им овладеть. Когда неприятель подошел к нашему лагерю, наши воины сделали вылазку, убили у неприятеля много людей, в том числе именитого вождя Луготорикса, а сами вернулись безо всякого урона. Кассивеллан, узнав об этом сражении и увидев везде одни потери, неудачи и опустошение своих земель, а особенно опасаясь отпадения верных ему племен, через посредство Атребата Коммия посылает к Цезарю послов с изъявлением покорности. Цезарь, предполагая вследствие неожиданных смут в Галлии провести зиму на твердой земле и видя, что лето уже подходит к концу, а борьба может быть продолжительной, приказал Кассивеллану дать заложников, определил количество ежегодной дани, которую Британия должна была платить народу Римскому, и строго запретил Кассивеллану вести войну с Мандубратием и Тринобантами.

23. Получив заложников, Цезарь возвратился с войском на морской берег и нашел, что корабли уже исправлены. Велев спустить их на воду, Цезарь вследствие большого количества находившихся при войске пленных и уменьшения числа судов от бури, решил перевезти войско за два раза. Случилось так, что при столь большом количестве судов ни в эту кампанию, ни в прошлогоднюю не погибло ни одного судна с людьми. Но когда суда, высадив находившихся на них воинов, отправились в обратный путь в сопровождении шестидесяти построенных впоследствии по приказанию Лабиена, то весьма немногие дошли до места; прочие же почти все были отнесены бурей назад. Тщетно прождав их несколько дней, Цезарь, опасаясь приближения равноденствия и видя необходимость спешить с отъездом, посадил воинов на суда в большем, чем следовало бы, количестве. Но погода была совершенно тихая, и, оставив Британию в начале второй стражи ночи, Цезарь благополучно со всеми судами на рассвете пристал к берегу Галлии.

24. Приказав вытащить суда на берег, Цезарь председательствовал в Самаробриве на Галльском сейме и, принимая в сообра-

жение, что в этом году хлеб в Галлии вследствие засухи уродился скудно, он отступил от принятого им в прежние года порядка на-счет зимних квартир и решил распределить войска на большем пространстве. Один легион Цезарь велел легату Г. Фабию вести в землю Моринов; другой — К. Цицерону в землю Нервиев; третий — Л. Росцию в землю Эссуев; с четвертым легионом Т. Лабием должен был зимовать в земле Ремов у границ Тревиров. Три легиона стали в Бельгии под начальством квестора М. Красса и легатов Л. Мунация Планка и Г. Требония. Один легион, недавно им набранный по ту сторону реки По, и пять когорт Цезарь отправил к Эбуронам; большая часть их земель находится между Мозой и Рейном; ими управляют Амбиорикс и Кативолк. Этой частью войска Цезарь велел начальствовать легатам, К. Титурию Сабину и Л. Аврункулею Котте. Таким распределением легионов Цезарь хотел предупредить недостаток провианта; притом квартиры всех войск (за исключением той части, которую Л. Росций повел в совершенно покоренную и смирную сторону) были расположены в окружности ста миль. Цезарь решил и сам оставаться в Галлии, пока легионы займут и укрепят назначенные им для зимовки места.

25. У Карнутов знаменитостью рода славился Тасгетий; его предки пользовались у них царской властью. В награду достоинств Тасгетия и его к себе преданности, доказанной неоднократно в продолжение Галльских войн, Цезарь возвел его на место его предков. На третий год царствования враги Тасгетия открыто убили его, и в этом заговоре принимали участие многие из его соотечественников. Цезарю донесли об этом событии. Он знал, что многие из Карнутов участвовали в нем, и, опасаясь поэтому возмущения всего их народа, немедленно приказал Л. Планку с легионом идти поспешно из Бельгии в землю Карнутов и там зимовать. Планк по приказанию Цезаря должен был разыскать виновных в убийстве Тасгетия, схватить их и прислать к Цезарю. Между тем все легаты и квесторы, имевшие легионы под своим начальством, донесли Цезарю, что они стали на зимние квартиры и укрепили их.



Римские легионеры и знамена легионов

26. Дней через пятнадцать после того, как войска стали по зимним квартирам, неожиданный пример измены и возмущения подали Амбиорикс и Кативолк. Сначала они было встретили Сабина и Котту на границах своих владений, выставили на зимние квартиры требуемое количество хлеба, но потом замыслили восстание, подстрекаемые наущениями Тревира Индутиома-ра. Внезапно напав на наших воинов, рассеявшихся за дровами и перебив некоторых, они с многочисленными силами явились к нашему лагерю, намереваясь атаковать его. Наши немедленно взялись за оружие и взошли на вал. Испанская конница вышла из лагеря, ударила на неприятеля и одержала над ним верх. Тогда неприятель, отчаявшись открытой силой овладеть нашим лагерьем, стал по своему обычаю кричать, чтобы кто-нибудь из наших явился для переговоров, что «они имеют сообщить нечто важное о делах, касающихся и их, и нас, и надеются окончить все несогласия к взаимному удовольствию».

27. Для переговоров с нашей стороны послали всадника Римского Г. Арпинея, приближенного к К. Титурию, и некоего К. Юния родом из Испании, который по приказанию Цезаря уже не раз бывал у Амбиорикса. Когда наши послы явились к нему, он сказал следующее: «Помнит он благодеяния к нему Цезаря, как тот освободил его от дани, которую он платил Адуатикам, своим соседям, и как Цезарь возвратил ему сына и племянника, бывших у Адуатиков в числе заложников в рабстве и в оковах. Если же случилось нападение на Римский лагерь, то не по его совету и согласию, а по воле народа. Власть его, Амбиорикса, над народом такова, что скорее он бывает должен исполнять волю народа, чем его волю — народ. Народ же его потому начал войну, что был увлечен всеобщим восстанием в Галлии; иначе понятно, что при своем бессилии мог ли он надеяться получить верх в борьбе с народом Римским? Но Галлы все действуют заодно; день этот назначен для одновременного нападения на все войска Римлян, расположенные на зимних квартирах в Галлии, с целью воспрепятствовать легионам подать друг другу руку помощи. Естественно, что Галлы не могли

отказаться действовать единодушно, когда дело идет о возвращении общей вольности и независимости. Исполняя долг любви к отечеству, он не может забыть, сколько обязан Цезарю за его к нему благодеяния, а потому умоляет и заклинает Титурия правами дружбы принять меры к спасению его и его войска. Значительные силы Германцев, нанятые Галлами, перешли Рейн, а через два дня будут здесь. Итак, пусть они сами рассудят, не лучше ли им, прежде чем узнают об этом соседние народы, вывести войска из этих зимних квартир и поспешить на соединение с войском или Цицерона, или Лабиена, из коих первый находится в пятидесяти милях, а второй немного дальше. Он же, Амбиорикс, со своей стороны обещает и подтверждает это клятвой: дать Римлянам свободный и безопасный путь по своим землям. Действуя таким образом, он и исполняет долг свой к отечеству, освобождая его от зимовки Римлян, и старается отплатить Цезарю за его благодеяния». Сказав это, Амбиорикс отпустил послов.

28. Арпиней и Юний передали легатам все, что слышали от Амбиорикса. Те, пораженные уже неожиданностью событий, совет Амбиорикса, хотя и врага, решили принять во внимание. Особенно им казалось невероятным, что незначительный и слабый народ Эбуронов дерзнул один и сам по себе начать войну с народом Римским. Дело это было предоставлено обсуждению военного совета и послужило поводом к жарким спорам. Л. Аврункулей и многие военные трибуны и сотники первых рядов утверждали, «что нет необходимости принимать скорые решения и без позволения Цезаря покидать зимние квартиры. Как бы ни были велики силы Германцев, их можно отразить в укрепленном лагере; тому доказательство уже есть: первое нападение неприятеля стоило ему много крови, а было для него совершенно безуспешно; в продовольствии они не терпят недостатка. Между тем поспешат на выручку или сам Цезарь, или войска, расположенные по соседству на зимних квартирах. Наконец, что может быть недуманнее и позорнее руководствоваться советом врага в важных решениях?»

29. Титурий на это возражал: «Поздно будет тогда принимать меры к спасению, когда они будут окружены многочисленнейшими войсками Галлов в соединении с Германцами или когда какое-нибудь несчастье постигнет войска, расположенные на ближайших зимних квартирах; времени на размышление остается немного. Цезарь, по всей вероятности, отправился в Италию; иначе Карнуты не решились бы умертвить Тасгетия, и Эбуроны, если бы Цезарь был в Галлии, не дерзнули бы так самонадеянно напасть на наш лагерь. В своем мнении основывается он не на совете врага, а на обстоятельствах: Рейн близко, а Германцы раздражены смертью Ариовиста и нашими победами. Галлия вся кипит негодованием, видя одни поражения, утрату славы военной, которой она прежде гордилась, и необходимость покориться владычеству Римлян. Может ли быть, чтобы Амбиорикс решился на восстание, не имея ничего верного в виду? Впрочем, его мнение во всяком случае не представляет никакой опасности. Если обстоятельства наши не затруднительны, то без труда они достигнут квартир соседнего легиона. Если же вся Галлия восстала заодно с Германцами, то вся надежда на спасение в поспешности отступления. Мнение же Котты и его товарищей какое представляет ручательство за будущее? Если в настоящем они и избегнут опасности, то разве со временем не должны они опасаться голода?»

30. Долго спорили с обеих сторон; так как Котта и сотники первых рядов упорно настаивали на своем мнении, то Сабин воскликнул, возвышая нарочно голос, чтобы слышно было большей части воинов: «Пусть будет по-вашему, когда вы так этого хотите! Конечно, изо всех вас не я больше всех боюсь смерти. Пусть они рассудят, и в случае какого несчастья с тебя пусть они требуют отчет! Они, если бы не твое упорство, на третий день соединились бы с войсками на ближайших зимних квартирах и вместе с ними стали бы действовать на войне, а не подвергались бы опасности, отброшенные далеко и предоставленные одним своим силам, погибнуть от меча или от голода!»

31. Затем Сабин встал, оканчивая заседание. Тогда все окружили обоих легатов, умоляя их своим упорством и несогласием не увеличивать общей опасности. Останутся ли они, пойдут ли в поход — и то и другое мнение равно хорошо, если они единодушно станут действовать; при несогласии же нет надежды на спасение. Спор продолжался до полуночи; наконец, убежденный Котта подал руку Сабину. Мнение последнего восторжествовало. Определено было на рассвете выступить в поход; остальная часть ночи прошла для воинов без сна; они перебирали свои вещи, что брать с собой и что вынуждены были оставить здесь из приготовленного для зимы. Казалось, все соединилось к тому, чтобы увеличить опасность для наших в случае, если бы они и остались, и ослабить их усталостью и отсутствием сна. На рассвете наши выступили в поход и в полном убеждении, что Амбиорикс из приязни к нам подал такой совет, растянулись на большое пространство и взяли с собой огромный обоз.

32. Неприятель догадался по шуму и движению в нашем лагере, что наши собираются в поход. В двух милях оттуда, в лесистом и удобном месте, поставил он засаду, разделив ее на две части, и дожидался там прибытия Римлян. Когда большая часть нашего войска, не опасаясь и не подозревая ничего, спустилась в глубокую долину, вдруг неприятель показался по обеим сторонам дороги, преградив дорогу шедшим впереди и тесня наши задние ряды. Бой был неизбежен для нас при самых неблагоприятных для нас условиях местности.

33. Тут Титурий, который никак не предполагал возможности этого события, приходит в смущение, мечется туда и сюда, хочет ставить когорты в боевой порядок. Но все распоряжения он отдавал робко и нерешительно; было заметно, что он совершенно потерялся и не знал, как поступить, что обычно бывает с людьми в случае событий, возможность которых они никак не предполагали. Но Котта, предугадывавший, что это случится на пути и потому советовавший оставаться, не упустил ничего к спасению войска. Он исполнил долг и хорошего полководца, ободряя вои-

нов, и храброго солдата личным мужеством в сражении. Военачальники, видя, что наши воины растянулись на большое пространство, и потому находясь в невозможности поспеть везде и следить, что где происходит, приказали воинам оставить обозы и собраться в одном месте. Эта мера при таких обстоятельствах сама по себе была необходима, однако повлекла за собой большое расстройство. Наши воины упали духом, а неприятели ободрились, видя в этом действии признак робости и отчаяния. Притом случилось то, чего и следовало ожидать: воины оставляли ряды, бежали к обозу за тем, что имели самого дорогого, и уносили с собой; всюду раздавались крики смятения и вопли.

34. Противники наши действовали благоразумно. Вожди их отдали по всему войску приказание, «чтобы никто не смел покидать своего поста; все, что Римляне оставили, — их неминуемая добыча и непременно им достанется, лишь бы только удалось их победить, а потому все свои усилия они должны употребить на бой». Наши не уступали неприятелю ни в числе, ни в мужестве и, несмотря на измену счастья, предоставленные полководцем сами себе, они видели свое спасение исключительно в храбрости. Куда бы ни бросалась наша когорта, там везде неприятель терпел жестокий урон. Заметив это, Амбиорикс приказал своим только издали метать стрелы, в случае же нападения Римлян отступать; при их легком вооружении и опытности в войне этого рода никакого вреда им не будет; когда же Римляне будут отступать, тогда опять их преследовать.

35. Исполняя в точности полученное приказание, неприятель, лишь только наша когорта бросалась на него, обращался в бегство самое поспешное; наши же, обнажив свой фланг, получали в него град стрел. Когда же наши возвращались на прежнее место, бегущие следовали за ними и вместе с прочими, находившимися вблизи, теснили их. Оставаться же на месте значило оставаться в бездействии под тучей стрел, из которых почти каждая причиняла вред вследствие скученности войска. Несмотря на столько неблагоприятных для себя условий, наши, усыпанные ранами,

упорно сопротивлялись. Жаркий бой продолжался уже большую часть дня, с рассвета и до восьмого часа, и наши не обнаруживали признаков робости, а показывали себя достойными своей славы. В этот момент пал, пронзенный в обе ноги дротиком, храбрый и уважаемый Т. Болвентий, в прошлом году командовавший первой сотней. К. Луканий, также один из первых сотников, погиб, храбро сражаясь, защищая от опасности своего сына. Легат Л. Котта в то время, когда он ободрял воинов всех рядов и когорт, был ранен в лицо пращей.

36. Пораженный всем этим, К. Титурий, видя вдалеке Амбиорикса, ободряющего своих воинов, посылает к нему своего переводчика Кн. Помпея с просьбой пощадить его и войско. Амбиорикс сказал посланному: «Если легат Титурий хочет с ним переговорить, то это можно; он надеется добиться у своих соотечественников, чтобы они пощадили Римских воинов. Что же касается его, Титурия, то он может не сомневаться в своей безопасности, за которую он, Амбиорикс, ручается». Титурий сообщает раненому Котте свое намерение — идти на свидание с Амбиориксом в надежде исходатайствовать у него жизнь свою и воинов. Котта сказал, что он не пойдет к вооруженному врагу, и остался при своем мнении.

37. Сабин приказал следовать за собой находившимся при нем военным трибунам и сотникам первых рядов. Когда они приблизились к Амбиориксу, тот приказал им положить оружие. Сабин повиновался и приказал то же сделать его сопровождавшим. Пока толковали об условиях и Амбиорикс намеренно тянул время, Сабин и его свита были мало-помалу окружены и перебиты. Тогда Галлы по своему обычаю испустили радостные крики, ударили с силой на наших и смешали их ряды. Л. Котта и большая часть воинов погибли, храбро сражаясь; остальные удалились в лагерь, откуда вышли. Тут Л. Петросидий, носивший орла, теснимый многочисленным неприятелем, бросил орла в лагерьный окоп, а сам, храбро сражаясь перед ним, был убит. С трудом наши защищались до ночи; с наступлением ее, не видя никакой надежды

на спасение, они перебили друг друга до смерти все до одного. Немногим удалось уйти из сражения, по малоизвестным лесным тропинкам добраться до зимних квартир легата Т. Лабиена и сообщить ему известие обо всем, что случилось.

38. Возгордась этой победой, Амбиорикс спешит с конницей в землю Адуатиков, соседнего ему народа. Он шел и день и ночь, приказав пехоте следовать за собой. Он возмущил Адуатиков, рассказав о том, что случилось; на другой день он отправился к Нервиям, убеждая их «не упускать столь благоприятного случая для упрочения за собой навсегда вольности и отмщения Римлянам за причиненные ими обиды. Два их легиона и значительная часть войска погибли. Нетрудно внезапным нападением истребить один легион под начальством Цицерона, стоявший на зимних квартирах. Он, Амбиорикс, берется в этом случае быть им помощником». Такими убеждениями он без труда склоняет Нервиев на свою сторону.

39. Немедленно разослали гонцов к Центронам, Грудиям, Левакам, Плевмоксам, Гейдунам (все эти племена признают над собой власть Нервиев) и собрали значительные силы, как можно больше. Они неожиданно устремились на зимние квартиры Цицерона, еще не знавшего о судьбе, постигшей Титурия. И здесь невозможно было воспрепятствовать, чтобы несколько наших воинов, ушедшие из лагеря в лес за дровами и материалами для укрепления, не достались в руки неприятеля. Окружив наш лагерь своими многочисленными полчищами, Эбуроны, Нервии, Адуатики и прочие их друзья и союзники попытались взять его приступом. Наши немедленно взялись за оружие и стали на вал. С трудом в этот день наши выдерживали натиск неприятеля, полагавшего всю надежду на успех в поспешности нападения; они уже мечтали этой победой навсегда обеспечить свою независимость.

40. Цицерон немедленно посылает к Цезарю письмо с известием о случившемся и обещает посланным в случае успеха боль-

шие награды. Но его гонцы были перехвачены неприятелем, преградившим все пути. В течение ночи наши воины с невероятной быстротой из леса, заготовленного для укрепления, воздвигли более 120 башен и довершили укрепления лагеря, где они казались недостаточными. На другой день неприятель с еще большими силами приступал к лагерю, заваливая его рвы; наши упорно защищались, так же как и накануне; это повторялось в течение многих дней. Для наших не было ни минуты покоя ни днем ни ночью; отдохновения не знали ни больные, ни раненые; все готовили средства к обороне на следующий день, приготавливали множество заостренных, обожженных с конца кольев и служащих для обороны стен копий, увеличивали высоту башен, поправляли зубцы вала и парапет с помощью хвороста. Сам Цицерон, несмотря на свое весьма слабое здоровье, ночью не давал себе покоя, так что воины почти насильно заставляли его поберечь себя и сколько-нибудь отдохнуть.

41. Тогда старейшины Нервиев, из которых некоторые видались прежде с Цицероном и были с ним дружны, попросили у него свидания. Получив на этот предмет дозволение, они говорили Цицерону в том же смысле, как Амбиорикс Титурию: «Вся Галлия взялась за оружие, Германцы перешли Рейн; все Цезаревы и другие зимние квартиры Римлян в настоящее время — предмет нападения. Сабин уже погиб. В доказательство истины своих слов они ссылаются на Амбиорикса. Безрассудно было бы, — говорили они, — надеяться на помощь от тех, кто сам не знает, как себя защитить. Но они так расположены к Цицерону и к народу Римскому, что желают только избавиться от зимних квартир и не дать укорениться этому обыкновению; а потому они позволяют Римлянам без вреда удалиться с зимних квартир, в какую сторону они пожелают». Цицерон на это отвечал только следующее: «Не в обычае народа Римского принимать условия от вооруженного врага. Если же они сложат оружие и пошлют послов к Цезарю, то он (Цицерон) возьмет на себя за них ходатайство и надеется, что Цезарь не откажет по врожденной ему справедливости в их законных требованиях».

42. Видя, что эта хитрость не удалась, Нервии окружили наш лагерь валом высотой в одиннадцать футов и рвом глубиной в пятнадцать футов. Они выучились этому в прошлогодней кампании от нас и от некоторых взятых ими у нас пленных. Не имея для этого готовых железных орудий, они мечами обрубали дерн, а землю таскали руками и в полах своих одежд. Из этого можно сделать вывод, как велико было количество неприятелей, если им потребовалось менее трех часов работы, чтобы сделать окоп на 35 миль в окружности. Потом они воздвигали башни в высоту вала, готовили осадные косы¹ и черепахи² по наставлению наших пленных.

43. На седьмой день осады при сильном ветре неприятель начал бросать из пращей на шалаши наших солдат, по Галльскому обыкновению покрытые соломой, раскаленные куски глины и железные стрелы, накаленные докрасна. От них загорелись шалаши, а сильный ветер разнес вскоре огонь по всему лагерю. Неприятель бросился с радостными криками к нашим укреплениям, как будто уже на верную победу, стал придвигать к валу башни и машины (черепахи) и по лестницам взбираться на вал. Но таковы были доблесть и присутствие духа наших воинов, что, несмотря на окружавшие их потоки пламени, несмотря на осыпавший их град неприятельских стрел, несмотря на потерю всего своего имущества, пожираемого огнем, не только ни один не оставил своего поста на валу, но даже не поглядел назад, а каждый сражался с усиленным жаром. День этот был для нас самым опасным и трудным; зато неприятель понес также в течение этого дня величайший урон убитыми и ранеными: он стоял у нашего вала до того тесной толпой, что задние ряды не представляли передним возможности отступить. Пламя уже начало утихать, когда

¹ *Осадная коса* — длинное железное, на конце загнутое оружие, служившее для разрытия насыпей и вытаскивания камней из стены, чтобы она осыпалась.

² *Черепаха* — деревянная машина на колесах, в которой находился *aries*; она была покрыта свежими кожами или лубками для безопасности находившихся в ней людей. Когда она приближалась к стене, то выдвигался телец, поражающий стену.

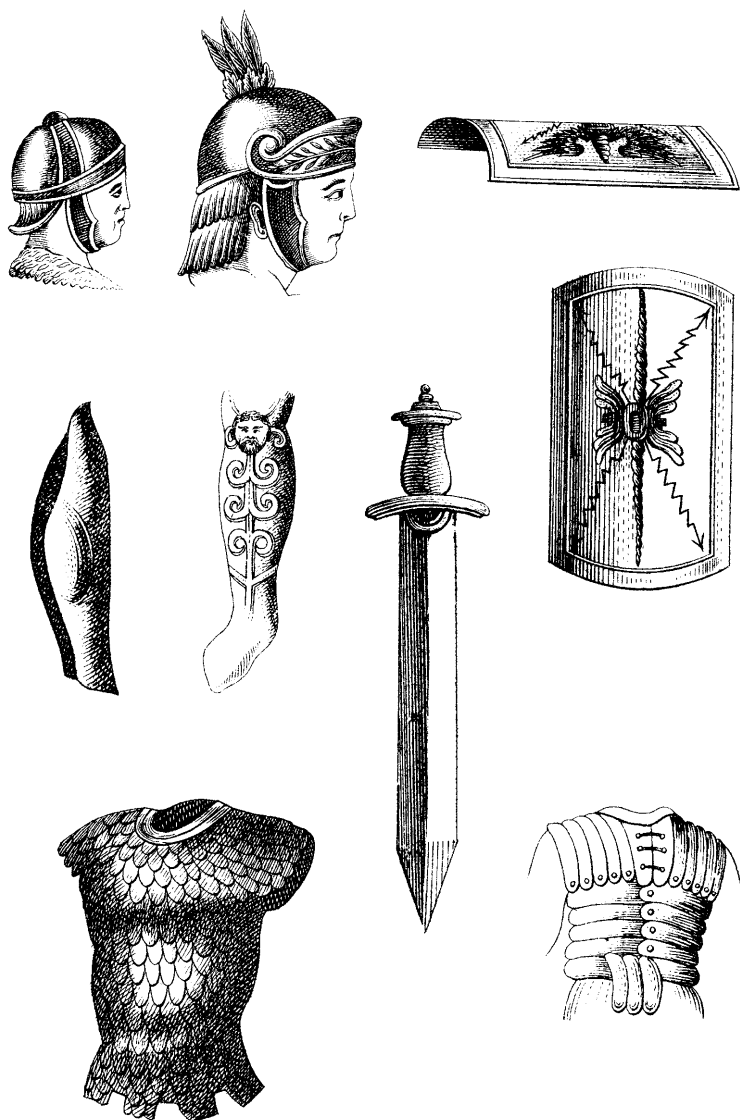
неприятелю удалось придвинуть к самому валу одну из башен; находившиеся напротив этого места сотники третьей когорты отступили и всем своим воинам приказали сделать то же; они знаками и криками приглашали неприятеля проникнуть в лагерь, но никто из Галлов не дерзнул. Наши пустили тогда множество камней в неприятеля, сбили его, а башню сожгли.

44. В этом легионе было два сотника отличной храбрости, один Т. Пульфион, а другой Л. Варен; оба имели право стоять в первых рядах. Между ними было постоянное соперничество и шла жестокая война о первенстве. Пульфион, сражаясь храбро с укреплениями, обратясь к Варену, сказал: «Что ты колеблешься, Варен? Когда ты отыщешь место доказать свое мужество? Пусть нынешний день порешит наш всегдашний спор!» Сказав это, Пульфион вышел за укрепления лагеря и бросился в самую плотную толпу неприятелей. Варен также не остался в лагере и, дорожа общим мнением о своей храбрости, поспешил за Пульфионом. Подойдя к неприятелю на близкое расстояние, он бросил дротик и пронзил им выбежавшего вперед Галла. Тот пал бездыханным, товарищи прикрыли его щитами, а в Пульфиона бросали стрелы, не давая ему возможности отступать. Щит его был пробит насквозь, и острие стрелы загнулось на самом его поясе. Удар был так силен, что ножны свернулись с места и правая рука Пульфиона с трудом доставала меч. Галлы окружили его, пользуясь его замешательством. Варен, забыв свои неприязненные отношения к Пульфиону, поспешил ему на помощь. Внимание Галлов обратилось на него и бросила Пульфиона, думая, что он получил смертельную рану. Варен обнажил меч и, встретив врагов, одного убил, а прочих заставил отступить, но, продвигаясь вперед, попал в яму и упал. В эту минуту Пульфион поспешил на помощь Варену, окруженному Галлами, и оба сотника, совершенно без вреда для себя поразив множество неприятелей, возвратились в лагерь и были осыпаны похвалами товарищей. Таким образом, в этой борьбе судьбе угодно было, чтобы они оба выручили и спасли друг друга, и вопрос о том, кто из них превосходит храбростью, остался нерешенным.

45. Чем продолжительнее и упорнее была осада нашего лагеря, тем положение наше становилось затруднительнее (ежедневно число защитников убавлялось вследствие множества раненых) и тем чаще отправлял Цицерон письма и гонцов к Цезарю; большая их часть попадала в руки неприятеля, и наши посланные гибли в мучениях в виду нашего лагеря. У нас находился один Нервий знатного происхождения, по имени Вертикон; он с начала осады перешел к нам и поклялся Цицерону в верности; он уговорил одного из своих рабов обещанием свободы и богатого вознаграждения доставить Цезарю донесение Цицерона. Тот, обернув им дротик, незаметно, как Галл, прошел между Галлами и прибыл к Цезарю, который только тогда узнал об опасности, какой подвергаются Цицерон и его войско.

46. Цезарь получил донесение Цицерона в одиннадцатом часу дня; в ту же минуту он послал гонца в землю Белловаков к квестору М. Крассу, находившемуся на зимних квартирах, милях в двадцати пяти, с приказанием выступить в полночь и спешить к нему на соединение. М. Красс выступил в поход немедленно по получении приказа. Другого гонца Цезарь отправил к легату Г. Фабию с приказом идти в землю Атребатов, через которую надлежало идти Цезарю. Цезарь написал и Лабиену, чтобы он, если это возможно без ущерба для интересов Римского народа, шел со своим легионом в землю Нервиев. Остального войска Цезарь решил не дожидаться по причине отдаленности его помещения; около четырехсот всадников он взял с ближайших зимних квартир.

47. В третьем часу Цезарь, узнав от передовых разъездов о приближении Красса с войском, выступил в поход и в этот день сделал переход в двадцать миль. Цезарь поручил Крассу с легионом защиту Самаробривы, куда по случаю близости зимних квартир Римского войска были свезены войсковые тяжести, заложенники от разных племен, разного рода публичные акты и все хлебные запасы. Фабий, исполняя приказание, вскоре на походе присоединился к войску Цезаря. Лабиен, узнав о гибели Сабина



Вооружение римского воина:
шлемы, щиты, поножи, меч и панцири

и его когорт и видя приближение к своему лагерю всех Тревирских войск, возымел опасение, как бы при таких обстоятельствах отступление не сочли бегством и не открылось бы свободное поле неприятельскому нашествию, тем более что неприятель и так возгордился недавним успехом. Вследствие этого Лабиен доносит письменно Цезарю, с какой опасностью сопряжено было бы его выступление с легионом из зимних квартир; вместе с тем он дает знать Цезарю о том, что случилось у Эбуронов и что все пешие и конные войска Тревириков остановились не далее трех миль от его лагеря.

48. Цезарь одобрил мнение Лабиена и, хотя вместо трех легионов должен был ограничиться двумя, однако решил поспешить, зная, что вся надежда на спасение оставалась в быстроте действий. Длинными переходами двинулся он в землю Нервиев. Там от пленных он узнал об опасном и крайнем положении, в каком находятся войска Цицерона. Цезарь обещанием больших наград убедил одного Галльского всадника доставить к Цицерону письмо; оно было писано по-гречески, чтобы в случае, если бы оно и досталось неприятелю, он не мог узнать о намерениях Цезаря. Он приказал посланному, если нельзя будет пройти в лагерь, бросить туда письмо с дротиком, завязав его в ремень¹. В письме Цезарь извещал Цицерона, что он идет к нему на помощь с легионами, и убеждал его защищаться с прежним мужеством. Галл, видя, что в лагерь пройти было бы опасно, бросил, как ему было приказано, в лагерь письмо Цезаря на дротике. Случилось, что он вонзился в башню и в течение двух дней не был замечен нашими; на третий день один воин увидал его и принес к Цицерону. Он собрал воинов и при них прочитал письмо Цезаря к их великой радости. Притом уже в отдалении видны были зарева зажженных войсками Цезаря деревень; это обстоятельство уничтожило всякое сомнение насчет приближения легионов.

¹ На конце дротика был ремень, которым раскачивали дротик, когда его бросали, для большей силы удара.

49. Галлы, узнав от своих лазутчиков о приближении Цезаря, сняли осаду и со всеми силами пошли навстречу Цезарю; количество их простиралось до 60 тысяч человек. Цицерон, пользуясь этим обстоятельством, опять выпросил у Вертикона, о котором мы говорили выше, Галла для того, чтобы отправить письмо к Цезарю, в котором он советует ему соблюдать на походе все меры осторожности, так как все силы неприятельские обратились к нему, оставив его лагерь. Это письмо в полночь было доставлено к Цезарю; о его содержании он тотчас дал знать воинам и ободрял их к предстоявшему сражению. На следующий день на рассвете Цезарь с войском двинулся вперед, но не успел пройти четырех миль, как увидел обширную долину, перерезанную ручьем, и на той стороне большие неприятельские силы. Было бы весьма опасно сразиться с превосходящим в численности неприятелем при неблагоприятных условиях местности. А потому Цезарь, зная, что войска Цицерона освободились от осады, и не видя необходимости спешить, остановился и избрал как можно более благоприятное место для лагеря. Хотя он сам по себе был очень невелик (наших было едва ли 7000 человек), особенно при отсутствии обоза, но Цезарь сделал его еще меньше, с умыслом сузив промежутки между палатками, с целью внушить неприятелям мнение о крайнем своем бессилии. Между тем он отправил во все стороны разъезды отыскать удобнейший путь для перехода через долину.

50. В этот день оба войска оставались на своих местах, только небольшие стычки конницы происходили у водопоя. Галлы поджидали к себе не подошедшие еще подкрепления. Цезарь же надеялся вызвать неприятеля к себе по эту сторону долины, обнаруживая мнимую робость, и заставить его принять сражение у своих укреплений; в случае же если бы он и не преуспел в этом, то, разведав местность, хотел найти безопаснейший путь к переходу через долину и речку. На рассвете неприятельская конница подвинулась к нашему лагерю и завязала бой с нашей. Цезарь с умыслом приказал своим всадникам отступить и удалиться в лагерь; вместе с тем он отдал приказание насыпать вал повыше,

заваливать ворота и, исполняя все это, обнаруживать как можно более суетливости и суматохи, как будто все это делается под влиянием страха.

51. Неприятели, видя во всем этом ручательство успеха, перешли на нашу сторону и выстроились к битве в самом неудобном месте. Наши с умыслом сошли с вала; Галлы пододвинулись еще ближе и со всех сторон стали бросать стрелы внутрь наших укреплений; они послали трубачей прокричать: «Если кто-либо, Галл или Римлянин, хочет к ним перейти, то может без опасности до третьего часа, по прошествии которого это будет уже невозможно». Галлы с презрением смотрели на наших. Они полагали, что наши уже не могут выйти через лагерные ворота, хотя они были для виду завалены только одним слоем дерна, и потому одни из них осыпали вал, другие заваливали ров. Тут Цезарь стремительно ударил со всем войском из всех лагерных ворот и выслал конницу; неприятель так поспешно обратился в бегство, что даже и не думал о сопротивлении; множество было убито, и все обезоружены.

52. Цезарь остановил дальнейшее преследование, видя, что местность покрыта лесами и болотами; ему хотелось оставить это место без малейшей потери, и действительно, не потеряв ни одного человека, в тот же день он пришел в лагерь Цицерона. С удивлением увидел он сделанные неприятелем башни, осадные орудия и укрепления. При осмотре Цицеронова легиона оказалось, что едва десятый человек не был ранен. Это обстоятельство показало и степень опасности, в которой находились наши воины, и силу их мужества. Цезарь осыпал похвалами Цицерона и его легион; особо отличившихся храбростью сотников и военных трибунов, по свидетельству Цицерона, он поименно призывал к себе и похвалил. Пленные сообщили Цезарю все подробности о несчастье, постигшем Сабина и Котту. На другой день в собрании воинов Цезарь упомянул о случившемся, утешал и ободрял воинов; он сказал им, что перенести его должно тем великодушнее, что случилось оно по вине и неблагоприятию легата и что по

благоволению богов бессмертных и вследствие личного мужества воинов это несчастье заглажено, а торжество неприятеля было так же недолговременно, как и наше огорчение.

53. Между тем молва о победе Цезаря через землю Ремов с невероятной быстротой достигла Лабиена, так что хотя до зимних квартир Цицеронова легиона было около 60 миль и Цезарь прибыл туда в исходе девятого часа, но уже в полночь у ворот нашего лагеря раздались радостные крики Ремов, поздравлявших Лабиена с победой. Когда известие об этом пришло к Тревирам, Индутиомар, предполагавший на следующий день напасть на лагерь Лабиена, ночью пустился бежать и все войска отвел обратно в землю Тревириков. Цезарь приказывает Фабию с его легионом идти на прежние зимние квартиры, а сам остается с тремя легионами зимовать в трех зимних лагерях в окрестностях Самаробривы. Вследствие же сильных волнений в Галлии Цезарь решил всю эту зиму провести у войска. Узнав о несчастье Сабина и его смерти, почти все Галльские народы замыслили войну, рассылали во все стороны гонцов и посольства, советуясь, как лучше поступить и откуда начать войну; ночью в пустынных местах у них бывали совещания. Почти вся зима прошла для Цезаря в постоянных тревогах; редкий день не присылали к нему гонца с известием о новых совещаниях и волнениях Галлов. Легат Л. Росций, назначенный командиром тринадцатого легиона, донес Цезарю, что племена так называемой Арморики собрали было большие силы для нападения на его лагерь и подошли к нему на расстояние не более восьми миль, но, получив известие о победе Цезаря, они так поспешно удалились, что отступление их правильное можно считать бегством.

54. Впрочем, Цезарь призвал к себе старейшин каждого Галльского племени; одних он страдал наказанием, говоря что он знает об их замыслах, других убеждал оставаться верными, и таким образом ему удалось большую часть Галлии удержать в повиновении. Однако Сеноны, весьма могущественное и пользующееся большим влиянием у Галльских народов племя, за-

мыслили с общего согласия убить Каварина, которого Цезарь поставил над ними царем (во время прибытия Цезаря в Галлию над Сенонами царствовал брат Каварина Моритасг, как и все их предки пользовались царской властью). Каварин, узнав об угрожавшей ему участи, бежал; Сеноны преследовали его до границ своих земель и лишили его и царской власти, и отечества. Они отправили послов к Цезарю с предложением удовлетворения; но когда Цезарь приказал явиться к нему всему их сенату, они ослушались его приказания. Для этих диких народов важно было подать первый пример неповиновения, а вслед за тем последовала такая быстрая перемена в их расположении, что из всех племен Галлии остались верными только два, Эдуи и Ремы, пользовавшиеся всегда особым уважением Цезаря (первые за постоянную и опытами доказанную преданность к народу Римскому, вторые — за недавние важные услуги, оказанные в Галльских войнах); все же прочие волновались. И, по моему мнению, это было нисколько не удивительно, как по многим иным причинам, так особенно потому, что Галлы с крайним огорчением видели утрату своей древней воинской славы, которой они гордились перед прочими народами, и необходимость покоряться власти народа Римского.

55. Тревиры и Индутиомар в продолжение всей зимы беспрестанно посылали послов по ту сторону Рейна, убеждая деньгами жившие там племена принять участие в войне: они говорили, что большая часть нашего войска истреблена и осталась самая малая. Впрочем, они не могли склонить к переправе через Рейн ни одного племени Германцев; двойной пример Ариовиста и Тенхтеров отбил у них охоту испытывать счастье в предприятиях этого рода. Хотя и обманувшись в надежде на содействие Германцев, Индутиомар тем не менее собирал войска, учил их, умножал свою конницу за счет соседних народов, приманивал к себе обещанием больших наград изгнанников и преступников со всей Галлии. Действуя таким образом, Индутиомар приобрел такое сочувствие всей Галлии, что со всех сторон стекались к нему посольства; и народы и частные лица тайно и явно искали его союза.



Ворон — приспособление
для разрушения крепостных стен

56. Видя такую готовность к войне Галльских племен (Сеноны и Карнуты готовы были взяться за оружие, сознавая свою вину в отношении к Цезарю; Нервии и Адуатики всеми силами готовились вести войну с Римлянами), Индутиомар знал, что стоит только ему выйти за рубежи своей земли, как к нему станут стекаться толпы воинов. А потому он назначил вооруженный сейм (у Галлов всегда служащий знаком к открытию войны); на него должны непременно являться все способные носить оружие Галлы; кто приходил после всех, тот в виду всех погибал в ужасных мучениях. На сейме Индутиомар объявил своего зятя Цингеторикса, главу враждебной ему партии (он, как мы выше упоминали, отдался под покровительство Цезаря и оставался ему верен), врагом отечества, а его имущество отобрал в общественную пользу. Потом он объявил на сейме, что его призывают на помощь Сеноны, Карнуты и весьма многие Галльские племена; что он пойдет к ним по землям Ремов с целью опустошить их область; но прежде всего он намерен учинить нападение на лагерь Лабiena; в заключение он сообщил свой план нападения.

57. Лабien был убежден, что его лагерь наилучшим образом укреплен и местностью, и искусством, а потому не опасался ни за себя, ни за свой легион, а решил поджидать случая к какому-либо успешному действию. Узнав о речи, сказанной Индутиомаром на сейме, от Цингеторикса и его родственников, Лабien послал ко всем соседним племенам собирать конницу и назначил ей срок, к которому она должна была явиться. Между тем Индутиомар со всей своей конницей почти ежедневно ходил вблизи нашего лагеря, отчасти стараясь ознакомиться с его местностью, отчасти страшая наших и ища случая к переговорам; его конница метала стрелы в середину нашего лагеря за окопы. Лабien удерживал свои войска в лагере и всячески старался усилить в неприятеле мнение о нашей робости.

58. Индутиомар с каждым днем все смелее приближался к нашему лагерю, выказывая презрение к нашим. В одну из ночей Лабien впустил в свой лагерь всю конницу, которой он приказал

История Галльской войны

явиться, и так тщательно держал около лагеря наши караулы, что Тревиры вовсе не узнали о случившемся. Между тем Индутиомар по обыкновению явился к нашему лагерю и большую часть дня ходил около него; его всадники метали в наш лагерь стрелы и, осыпая наших порицаниями, вызывали их на бой. Наши ничего им на это не отвечали; тогда они к вечеру отошли в беспорядке. Тут Лабиен приказал коннице броситься сразу из обоих ворот лагеря и, когда неприятель придет в ужас и обратится в бегство (что, по его мнению, и случится), домогаться одного: смерти Индутиомара; пока он не будет убит, наши всадники никого не должны были ранить, чтобы, преследуя других, не дать ему возможности спастись бегством; тому, кто убьет Индутиомара, было обещано большое вознаграждение. В подкрепление коннице были высланы и когорты. Судьба содействовала успешному исполнению намерения Лабиена. Преследуемый всей нашей конницей, Индутиомар был застигнут на самой переправе через реку и убит; его голову принесли в лагерь к Цезарю; всадники на обратном пути преследовали и поражали неприятеля, сколько могли. Узнав об этом, войска Нервиев и Эбуронов, которые было собрались, разошлись. После смерти Индутиомара волнение в Галлии несколько утихло.



Книга шестая

1. Цезарь по многим причинам полагал, что волнение в Галлии еще усилится, поэтому предписал легатам М. Силану, Г. Антистию Регину и Т. Секстию произвести набор. Вместе с тем он просил проконсула Гн. Помпея, остававшегося в Риме для попечения о делах государственных, чтобы он тем, кто уже был приведен им к присяге на военную службу, велел собираться под знамена и идти к нему, Цезарю. Он представлял, как важно будет и на будущее время внушить Галлии мнение о том, что силы Италии неистощимы, что они не только могут в короткое время восполнить ущерб, понесенный на войне, но и выставить гораздо большие силы. Помпей поспешил исполнить желание Цезаря и для общей пользы, и по дружбе к нему. Легаты Цезаря быстро произвели набор и до исхода зимы сформировали три новых легиона. Таким образом, получилось двойное число когорт сравнительно с погибшими когортами Титурия. Так поспешно собранные значительные силы показали, что в состоянии сделать средства Римлян и их дисциплина!

2. Тревиры после смерти Индутиомара, описанной нами выше, передали верховную власть его родным. Они не переставали приглашать соседних Германцев, предлагая им денежную плату. Когда ближайшие соседи отказались, они перешли к дальним. Из них некоторые согласились на предложения Тревириков, заключили с ними союз, скрепленный клятвами, и взяли заложников в обеспечение исправного платежа денег; к этому союзу присоединился и Амбиорикс. Когда Цезарь все это узнал, он понял, что со всех сторон ему угрожает война: Нервии, Адуатики и

Менепии в соединении со всеми Германцами, живущими по эту сторону Рейна, уже вооружились и приготовились к войне. Сеноны отказываются повиноваться и соглашаются действовать заодно с Карнутами и прочими соседними племенами. Тревиры беспрестанно осаждают Германцев посольствами; а потому Цезарь решил поспешить с началом военных действий.

3. Не дождавшись конца зимы, Цезарь, собрав четыре ближайших легиона, сперва двинулся в землю Нервиев. Нападение было так неожиданно, что Нервии не успели ни вооружиться, ни бежать; было захвачено множество жителей и скота и отдано в добычу нашим воинам; все поля были опустошены, и Нервии были вынуждены изъявить покорность и дать заложников. На сейм, собравшийся по назначению Цезаря в начале весны, все Галльские племена прислали депутатов, кроме Сенонов, Карнутов и Тревириков. Видя в этом явный знак неповиновения и восстания, Цезарь решил отложить все прочие дела, а сейм перенести в Лутецию Паризиев. Паризии были соседями Сенонов и на памяти предков составили с ними один народ; полагали, впрочем, что они не принимали участия в замысле Сенонов. Провозгласив со своего места о перенесении сейма, Цезарь в тот же день отправился с легионами в землю Сенонов и длинными переходами поспешно прибыл туда.

4. Узнав о движении Цезаря, Аккон, главный зачинщик восстания Сенонов, приказал народу собираться в города. Пока они готовились к этому, Римляне уже прибыли к ним. Тогда по необходимости Сеноны оставили свой замысел и послали к Цезарю просить пощады через посредничество Эдуев, связанных с Сенонами узами старинной дружбы. Цезарь охотно исполнил просьбу Эдуев, простил Сенонов и принял их извинения. Летнее время он хотел посвятить военным действиям, а не розыскам. Взяв у Сенонов сто заложников, Цезарь отдал их на сбережение Эдуям. Карнuty также прислали послов и заложников при посредничестве Ремов, покровительством которых они пользовались; ответ Цезаря был тот же, что и Сенонам. Цезарь потом участвовал в заседа-

ниях сейма и предписал на нем Галльским племенам выставить вспомогательную конницу.

5. Усмирив эту часть Галлии, Цезарь обратил все свое внимание на войну с Тревирами и Амбиориксом. Он приказал Каварину с конницей Сенонов следовать за собой, опасаясь, как бы не возникли волнения вследствие досады Каварина на своих соотечественников или их ненависти к нему, им заслуженной. Устроив это и будучи убежден, что Амбиорикс будет избегать открытого сражения, Цезарь старался отгадать его намерения. Соседями Эбуронов были Менапии; имея постоянное и безопасное убежище в своих болотах и лесах, они одни из всех Галльских племен ни разу не присылали к Цезарю послов. Цезарь знал, что Амбиорикс связан с ними узами приязни и что, с другой стороны, через посредство Тревиоров он подружился с Германцами. Вследствие этого Цезарь вознамерился прежде, чем напасть на самого Амбиорикса, отнять у него надежду на помощь; иначе, угрожаемый войной и не видя спасения, он или скрылся бы у Менапиев, или был бы вынужден к тесному союзу с живущими по ту сторону Рейна племенами. Для этого Цезарь отправил обозы всей армии к Лабиену в землю Тревиоров и туда же приказал двинуться двум легионам; а сам с пятью легионами налегке, без тяжестей, пошел в землю Менапиев. Те, не думая о сопротивлении, но надеясь на неприступность своих жилищ, бежали в леса и болота и снесли туда свое имущество.

6. Цезарь, разделив войско на три отряда (одним начальствовал сам, а другими двумя — легат Г. Фабий и квестор М. Красс), двинулся, таким образом, тремя колоннами, поспешно пролагая мосты, предал огню селения и деревни и овладел множеством людей и скота. Менапии вынуждены были прислать к нему послов с просьбой о мире. Цезарь взял заложников, а Менапиям объявил, что он поступит с ними как с врагами, если они когда-нибудь примут к себе Амбиорикса или его послов. Распорядившись таким образом, Цезарь оставил для наблюдения в земле Менапиев Атребата Коммия с конницей, а сам двинулся в землю Тревиоров.

7. Пока Цезарь был занят этими делами, Тревирь, собрав многочисленное пешее и конное войско, решились атаковать Лабиена, стоявшего с одним легионом у них на зимних квартирах. Они уже были от его лагеря на расстоянии не более двухдневного перехода, как вдруг узнали, что к Лабиену присоединились два легиона, присланные Цезарем. Расположившись лагерем милях в пятнадцати, Тревирь решили подождать прихода вспомогательных Германских войск. Лабиен узнал о намерении неприятеля, но, зная его опрометчивость, не терял надежды заманить его к бою; он оставил в лагере для оберегания тяжестей пять когорт, а с двадцатью пятью когортами и многочисленной конницей двинулся навстречу неприятелю и, не доходя только милю (тысячу шагов) до него, остановился лагерем, который и укрепил. Между лагерями Лабиена и неприятельским протекала река, переход через которую был крайне затруднителен по ее глубине и крутизне берегов. Предпринимать переправу через нее Лабиен не хотел и не надеялся, чтобы и неприятель решился на нее. Надежда на подкрепления усиливалась у неприятеля с каждым днем. Лабиен на военном совете во всеуслышание сказал: «Так как Германцы, по слухам, уже приближаются, то он не решается подвергнуть опасности себя и свое войско, а на другой же день на рассвете отступит». Об этом намерении Лабиена немедленно дали знать неприятелю; весьма естественно, что среди такого множества Галльских всадников были и расположенные в пользу общего дела их соотечественников. Лабиен ночью созвал к себе военных трибунов и сотников первых рядов, открыл им свое намерение и приказал при снятии лагеря обнаруживать более, чем обычно, поспешность и замешательство, чтобы убедить неприятеля в своей робости; таким образом, наше отступление должно было иметь вид бегства. При такой близости лагерей уже на рассвете неприятельские лазутчики узнали и донесли своим о том, что происходит в Римском лагере.

8. Едва только наши последние ряды успели покинуть свои окопы, как Галлы стали говорить друг другу, «что не должно выпускать из рук столь верную добычу; безрассудно было бы не

воспользоваться робостью Римлян, поджидая помощи Германцев; несовместно было бы с их воинской славой со столь многочисленными силами медлить и не решиться напасть на малочисленного неприятеля, бегущего в беспорядке и замешательстве». Вследствие этого неприятель решается перейти реку и завязать бой на неблагоприятной местности. Лабиен этого-то и хотел и постоянно, но медленно отступал, желая всех неприятелей заманить на эту сторону. Тут, отделив войсковые тяжести и поставив их на некотором возвышении, Лабиен сказал своим воинам: «Воины, вы дождались того, чего хотели; неприятель отдался вам в руки при самых невыгодных для него условиях местности. Итак, под моим начальством покажите ту же доблесть, с какой обычно сражаетесь при Цезаре; имейте убеждение, что он здесь присутствует и все видит!» Потом Лабиен велел обратить значки к неприятелю и двинуться к нему строем; оставив несколько эскадронов конницы при тяжестях, остальную часть он расположил по обоим флангам. Наши, испустив военный крик, бросили в неприятеля дротики. Тот был удивлен, увидев, что вместо бегства наши первыми собираются напасть, и, не выдержав первого нападения, обратился в бегство, ища спасения в ближайших лесах. Лабиен послал за ним в погоню конницу, которая многих убила, а еще больше захватила в плен. Вскоре за тем Тревиры изъявили покорность. Германцы, узнав об их поражении, поспешно возвратились домой. Родные Индутиомара, главные виновники этой войны, удалились вместе с Германцами. Власть же над Тревирами была вверена Цингеториксу, который, как мы и выше говорили, оставался постоянно предан нам.

9. Цезарь, усмирив Менапиев, пришел к Тревирам. Он решил опять перейти через Рейн по двум причинам: во-первых, потому, что оттуда Тревирам были присланы вспомогательные войска; во-вторых — Цезарь хотел сделать невозможным для Амбиорикса поиск там убежища. Вследствие этого Цезарь приказал наводить мост немного повыше того места, где он был устроен в первый раз. Так как способ его построения был уже известен, то при усердной работе воинов он был окончен в несколько дней.

Оставив у моста со стороны Тревиров сильный отряд, чтобы предупредить возможность восстания с их стороны, Цезарь с прочими пешими войсками и конницей перешел через Рейн. Убии, еще раньше изъявившие покорность и давшие Цезарю заложников, прислали к нему послов для оправдания; они говорили, «что и не думали нарушать верность и не оказывали никакой помощи Тревирам». Они умоляли «пощадить их и не приносить их, невинных и навлекших на себя ненависть всех Германцев, в жертву за виновных; если ему угодно, они умножат число заложников». Цезарь расследовал дело и узнал, что к Тревирам приходили вспомогательные войска от Свевов; он удовольствовался объяснениями Убиев и стал разузнавать о дорогах в землю Свевов.

10. Вскоре Убии известили Цезаря, что все Сवेвы собирают войска в одно место и что они приказали всем подвластным им племенам выставить вспомогательное войско, конное и пешее. Узнав об этом, Цезарь принимает меры к обеспечению войска продовольствием, выбирает место, удобное для лагеря, приказывает Убиям их скот и все имущество собрать в города. Действуя таким образом, Цезарь намеревался невежественного и непредусмотрительного неприятеля заставить из-за недостатка продовольствия принять бой при неблагоприятных для него условиях. Также Цезарь приказал Убиям посылать часто к Свевам лазутчиков и узнавать, что у них делается. Те исполнили приказание и несколько дней спустя донесли: «Все Сवेвы, получив достоверное известие о приближении Римского войска, удалились со всеми своими и своих союзников войсками почти к самым отдаленным пределам своей земли. Там на неизмеримом протяжении тянется лес, называемый *Баценис*¹, который глубоко проникает внутрь области Свевов и вместе с тем служит Свевам естественной стеной от Херусков, препятствуя взаимным обидам и нападениям. У начала этого леса Свевы решили дожидаться Римлян».

¹ По мнению бóльшей части географов это нынешний Гарц в Нижней Саксонии, в Вольфенбюттельском княжестве.

11. Говоря об этом, нелишним будет коснуться нравов и обычаев Галлов и Германцев и показать, чем отличаются друг от друга эти народы. В Галлии не только в каждом племени, но и в каждом округе и каждом селении существуют партии, во главе которых стоят люди, пользующиеся всеобщим уважением; им поручаются вся власть и забота об интересах партии. Такой порядок вещей возник, как кажется, издревле, потому что большинство народа находит в нем ручательство от притязания сильных. Глава партии не дает никого из себе подвластных в обиду; в противном случае он теряет у своих всякое влияние и значение. Тот же порядок вещей имеет место и в управлении всей Галлией; во главе всех ее племен стоят два народа.

12. Когда Цезарь прибыл в Галлию, она была разделена на две партии: Эдуев и Секванов. Последние, видя превосходство Эдуев, основанное и на давности их влияния, и на множестве состоящих под их покровительством племен, искали союза Ариовиста и Германцев; большими пожертвованиями и еще бóльшими обещаниями они призвали их к себе. Таким образом, победив Эдуев в нескольких сражениях и истребив их знатные роды, Секваны получили такой перевес над ними, что большая часть бывших под покровительством Эдуев племен признала их власть. Они взяли у них в заложники детей их старейшин и их самих заставили дать публичную клятву — не предпринимать ничего враждебного против Секванов. Они даже присвоили себе соседнюю часть их области и пользовались старейшинством надо всей Галлией. Вследствие такого порядка вещей Эдуй Дивитиак вынужден был отправиться в Рим к Сенату с просьбой о помощи, но возвратился оттуда без успеха. С прибытием Цезаря этот порядок вещей изменился: Эдуи получили обратно своих заложников; не только прежние их союзники возвратились к ним, но и многие племена вновь искали их союза, видя лучшее и справедливейшее управление у тех, кто находился под властью Эдуев; вообще власть и влияние Эдуев весьма усилились, а Секваны совершенно утратили свое первенство. Их место заняли Ремы; те из Галльских племен, которые по старинной вражде не желали искать союза Эдуев, отдавались под покрови-



Капитуляция варваров.
Рельеф саркофага Елены. 336 г.

тельство Ремам, видя, что Цезарь одинаково расположен к ним и к Эдуям. Таким образом, Ремы, оказывая деятельное покровительство своим союзникам, вскоре распространили круг своего влияния. К этому времени сложился такой порядок вещей, что Эдуи пользовались старейшинством, второе же за ними место занимали Ремы.

13. Во всей Галлии есть два сословия, которые пользуются значением и почетом; большинство же народа, или чернь, не имеет никакой силы и участия в управлении и находится почти в состоянии рабства. Страдая от накопления долгов, больших поборов и притеснения сильных, многие из черни добровольно отдаются в рабство знатым лицам, которые таким образом приобретают над ними такие же права, как и над рабами. Два же сословия, о которых мы говорили, это сословие друидов, а другое — всадников. Друиды — посредники между людьми и богами, отправляют богослужение, и общественное и частное, толкуют гадания и все, что относится к религии. Они пользуются большим уважением, и к ним стекаются молодые люди учиться. Друиды решают почти все общественные и частные дела; преступления всякого рода, убийства, споры о наследствах и о границах земель — все подлежат разбирательству друидов; они определяют награды и наказания. Если же частный человек или должностное лицо не исполнили приказания друидов, то они отстраняют их от жертвоприношений, и это считается у них величайшим наказанием. Люди, подвергшиеся ему, считаются безбожниками и злейшими преступниками; от них все удаляются, избегают их прикосновения и разговора с ними; все их просьбы остаются без уважения и им не оказываются никакие почести. У друидов есть верховный начальник, пользующийся над ними главной властью. В случае его смерти на его место заступает тот друид, который пользуется наибольшим уважением; если соискателей несколько, то он выбирается голосами друидов, а иногда прибегают и к оружию, чтобы решить спор о первенстве. В определенное время года бывает общее собрание друидов на освященном месте в земле Карнутов, которая считается расположенной в середине всей Галлии. Туда стекаются все, имеющие какие-либо дела и тяжбы, и прибегают к решению и приговору друидов. Учение их,

как полагают, возникло в Британии и оттуда было перенесено в Галлию. Да и поныне те, кто желает основательнее его узнать, по большей части отправляются туда для его изучения.

14. Друиды не участвуют в войне и свободны от платежа податей, они не несут военной и вообще никаких повинностей. Вследствие таких преимуществ многие и добровольно посвящают себя этому званию, и принимают его по воле родителей и родственников. Говорят, что они обязаны выучивать множество стихов; для иных учение продолжается более двадцати лет. Они не считают позволенным свое учение передавать на письме; для общественных же и частных дел они пользуются Греческими буквами. Это, кажется, делают они по двум причинам: во-первых, не желают, чтобы учение их стало известно простому народу, во-вторых, дабы не ослабить память, вверяя все бумаге: ведь вообще с распространением письменности ослабевают заучивание наизусть и возможность долго и много помнить. Между прочим, друиды стараются вселить убеждение, что души не подлежат разрушению, а после смерти одного существа переходят в другое; цель этого учения — внушить презрение к смерти и сделать храбрее. Кроме того, они много рассуждают о небесных светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе вещей, о силе и могуществе богов бессмертных и свои сведения об этих предметах передают молодым людям.

15. Другое сословие — это всадники. Они, в случае необходимости и когда случается война (а до прибытия Цезаря она была почти постоянно, с той разницей, что то те, то другие из племен Галлии были зачинщиками), все выступают в поход. Чем кто знатнее родом или имеет больше денег, тем он собирает около себя большую толпу служителей и друзей; в этом только заключаются их и значение, и могущество.

16. Все Галлы вообще очень склонны к набожности. Они, в случае тяжелой болезни или когда угрожает опасность, приносят в жертву людей или дают обет принести; совершением этих жертвоприношений заведуют у них друиды. По убеждению Галлов, их

боги могут быть умиловлены только тогда, когда за жизнь человека им будет принесена в жертву также жизнь человека; бывают и общественные жертвоприношения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели сплетенных из хвороста огромных идолов; их наполняют живыми людьми, поджигают, и люди погибают в пламени. Еще угоднее богам Галлы считают принесение в жертву людей, виновных в грабеже, воровстве или каком-либо преступлении; в случае же неимения таковых приносят в жертву и ни в чем неповинных людей.

17. Из богов наибольшим уважением пользуется у Галлов Меркурий. Его идолов чрезвычайно много. Он считается изобретателем всех искусств, покровителем путешественников и странников; к нему прибегают в денежных и торговых делах. Кроме Меркурия Галлы поклоняются Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минерве; о них они имеют почти то же понятие, что и прочие народы. Аполлона они считают исцелителем болезней, Минерву — учительницей разных рукоделий и искусств, Юпитера — властителем небесных сил, Марса — начальником воинского дела. Собираясь на войну, они обыкновенно дают обет принести ему в жертву то, что возьмут на войне; действительно, что живое попадает им в руки, они закалывают, а прочее сносят в одно место. У многих народов Галлии можно видеть в освященных местах целые горы, сделанные из разных предметов этого рода; и весьма редко случаются примеры такого неуважения к святыне, чтобы кто-либо дерзнул из взятой добычи что-либо у себя скрыть или из положенного в кучу унести: в таком случае наказанием бывает самая мучительная смерть.

18. Галлы считают себя потомками бога Дита¹ и говорят, что предание о том сохранилось у друидов. По этой причине в счислении времени они употребляют не дни, а ночи; что касается дней рождения и первых дней каждого года и месяца, то они их считают с наступления ночи и уже за нею полагают день. В отношении прочих обычаев от других народов они отличаются только одним:

¹ Плутона.

История Галльской войны

не позволяют явно следовать за собой своим юным сыновьям, пока они не придут в лета мужества и не будут в состоянии отправлять военную службу. Таким образом, у них считается неприличным отцу выходить в люди с сыном в детском или отроческом возрасте.

19. Когда Галлы женятся, то муж из своего имущества выделяет такую же часть, какую жена ему приносит за собой в приданое, и обе части соединяют в одно. Эти деньги употребляются нераздельно, и прибыль от них сберегается; кто из супругов переживет другого, тому достается общий капитал со всеми за прошлые года процентами. Мужья имеют относительно жен, равно как и относительно детей, право жизни и смерти. Когда умирает отец семейства, сколько-нибудь знатный родом, то собираются его родственники, и если относительно причины смерти возникает какое-либо подозрение, то жен пытаются наравне с рабами, и если откроется их виновность, то они погибают в огне и страшных мучениях. Похороны у Галлов бывают сколько возможно великолепнее и пышнее; все, что было дорого покойнику, сжигают, даже и живое. Еще недавно по отправлении надлежащих похоронных обрядов вместе с телом сжигали рабов и клиентов, наиболее приближенных к покойнику.

20. У племен Галлии, отличающихся лучшим управлением общественных дел, установлено законом, что, если кто-либо из граждан узнает от соседей что-нибудь касающееся интересов отечества, он должен немедленно сообщить правительству, а другим не передавать. Это произошло вследствие того, что бывали примеры, как часто эти невежественные и легкомысленные люди на основании пустых слухов приходят в ужас и принимают самые отчаянные решения в важнейших делах. В таком случае правительство скрывает, что нужно, а сообщает для сведения народу то, что можно; говорить же об общественных делах иначе как на сейме запрещено.

21. Германцы многим отличаются во всех отношениях от Галлов; они не имеют друидов для заведования делами рели-

гии и не знают жертвоприношений. Они признают только те божества, которых видят и благотельным действием которых явно пользуются: солнце, Вулкана (огонь) и луну; о прочих они, кажется, и понятия не имеют. Вся их жизнь проходит в занятиях охотой и военным делом; с детства привыкают они к самому суровому и трудному образу жизни. Сохранить и мужчине как можно дольше невинность — считается у них за большую честь; они полагают, что это сберегает силы, укрепляет нервы и увеличивает рост человека. За величайший позор считается иметь отношение с женщиной до двадцатилетнего возраста; скрыть же это бывает невозможно как потому, что они все вместе моются в реках, так и потому, что, имея вместо всей одежды кожи зверей и небольшие шкуры ланей, они ходят по большей части полунагие.

22. Они весьма мало занимаются земледелием; их главная пища заключается в молоке, сыре и мясе. Никто из них не имеет своего собственного и определенного известными рубежами участка; но их старейшины и цари ежегодно делят землю по семействам и родам в таком количестве, как им заблагорассудится, а по истечении года заставляют их менять жилища. В пользу этого учреждения они приводят много причин; этим они хотят предупредить, чтобы Германцы, пристрастившись к земледелию, не забыли ради него войну; чтобы не старались распространять своих владений и чтобы люди могущественные не вытеснили бедных из их участков; чтобы не привыкли они строиться удобнее и защищаться от зноя и стужи; чтобы не возникла страсть к собиранию денег, служащая поводом к смутам и раздорам. Вообще в этом случае цель правительства — управлять народом в духе справедливости: каждый доволен, видя, что ему достается такой же участок, как и самому могущественному.

23. Германцы ставят в великую честь народу, если он, опустошив прилежащие земли, на большое пространство окружил себя пустыней. По их мнению, это доказательство храбрости, если он вынуждает соседей оставить свои жилища и если никто не осме-

ливается поселиться поблизости от них; притом этим они хотят себя обезопасить от возможности всякого нападения. Когда племя Германское отправляется на войну или обороняется, то оно избирает сановников для ее ведения, имеющих право жизни и смерти; в мирное же время они не имеют главных начальников; в каждом участке и роде есть старейшина, ведающий суд и расправу над своими и решающий их тяжбы. Воровство и грабеж не считаются преступлением, если только они совершены за пределами своего племени; напротив, они считают их наилучшим занятием для молодежи и лучшим средством против лени и праздности. Когда кто-либо из старейшин на сейме вызывается быть вождем и приглашает желающих; то при всеобщем одобрении народа встают и следуют за ним те, кто доволен и его личностью, и его намерением. Кто же из них впоследствии откажется, тот считается за беглеца и предателя и теряет во всем к себе доверие на будущее время. Беззаконием считается оскорбить чем-либо гостя; по какому бы поводу он ни пришел, особа его считается священной и его защищают от всякой обиды; ему везде открыт доступ, и его угощают всем, что есть.

24. Было прежде время, когда Галлы побеждали Германцев храбростью, сами на них нападали и вследствие малоземелья и многолюдства выводили колонии по ту сторону Рейна. Таким образом, Вольки и Тектосаги заняли плодороднейшие поля Германии около Герцинского леса (он, по слуху, был известен Эратосфену¹ и другим Греческим писателям, которые его именуют Орцинским) и там поселились. Они и поныне живут там и пользуются великой славой справедливости на судах и храбрости на войне. Только они ведут такой же строгий, скудный и исполненный лишений образ жизни, как и Германцы: они одинаково с ними одеваются и употребляют ту же пищу. Соседство Провинции и привоз заморских товаров ознакомили Галлов с потребностями образованности и роскоши. Мало-помалу Галлы привыкли быть

¹ *Эратосфен* — библиотекарь Александрийской библиотеки, живший в царствие Птолемея Эвергета; его сочинения до нас не дошли.

побеждаемыми, и, проиграв много сражений, они уже и сами сознают над собой превосходство Германцев в мужестве.

25. Герцинский лес, о котором мы не раз упоминали, простирается в ширину на девять дней скорого пути; иначе нельзя ее определить, так как Германцы не знают измерения дорог. Начинаясь от границ Гельветов, Неметов и Раураков, он сопровождает реку Дунай с правой стороны в ее течении и доходит до земли Даков и Анартиев; тут он поворачивает влево, расходится от реки в разные стороны и по своей величине касается земель многих народов. Ни один Германец, от начала этого леса совершив по нему путь в течение 60 дней, не достигал его конца и не знает, где он оканчивается. В нем водится много пород животных, ему только свойственных, в других местах не встречающихся. Упомянем о некоторых из них, наиболее замечательных, по отличию от наших животных.

26. Там водится бык¹ наподобие оленя; у него в середине лба между ушами возвышается один рог, выше и прямее всех известных нам рогов; в верхней части рог разветвляется на широко растилающиеся ветви. И самец, и самка имеют одинаковую наружность и рога одинаковой формы и величины.

27. Там же водятся звери, называемые *алки*². Внешним видом они походят на козу, но шкуру имеют полосатую; притом они немного побольше козы, рога имеют кривые, а ноги у них без суставов и членоразделений. Поэтому они не ложатся для отдыха, а если по какому случаю упадут, то встать уж никак не могут. Деревья служат им вместо ложа; они к ним прислоняются и, упираясь в них, засыпают. Охотники, узнавая по следам этих животных о

¹ Кювье Rech. s. les oss. foss. «Бык этот не что иное, как неверно описанный олень».

² Linn. Elennthier; впрочем, Цезарь о нем сообщает баснословные и ни к какому теперешнему животному не применимые подробности. Плиний тоже сообщает о животном achlis, а алсе считает за животное, похожее на лошадь и оленя.

месте их убежища, подрубают там корни деревьев или и самые деревья так, чтобы они чуть держались. Когда эти животные по своему обыкновению упрутся в деревья, те под их тяжестью падают и их самих увлекают с собой в падении.

28. Третья порода животных, называемых *ури*, — буйволы¹; по росту они только немного уступают слонам, а по внешнему виду и цвету кожи они походят на быков. Они отличаются чрезвычайной силой и быстротой и не щадят ни человека, ни животного, лишь только увидят; их ловят с большим трудом с помощью рвов, и там убивают. Трудная охота за ними служит к занятию и укреплению сил молодых людей. Убить как можно больше этих зверей и в доказательство представить их рога — считается за большую честь. Эти животные никак не могут сделаться ручными и привыкнуть к человеку, даже пойманные совсем маленькими. Их рога обширностью, величиной и наружностью весьма отличаются от рогов наших быков. Германцы тщательно их отыскивают, оправляют их края серебром и в торжественных случаях пьют из них вино.

29. Цезарь, узнав от лазутчиков Убиев, что Свевы удалились в леса, не решился за ними следовать туда, опасаясь недостатка в продовольствии, так как, мы и выше имели случай заметить, Германцы мало занимаются земледелием. Но для того чтобы постоянно держать их в страхе относительно своего возвращения и тем воспрепятствовать им идти на помощь Галлам, Цезарь приказал разобрать мост только на 200 футов от Убийского берега, на краю моста воздвигнуть башню в четыре этажа, окружить начало моста сильными укреплениями и оставил для его прикрытия 12 когорт под начальством Г. Волкация Тулла, еще юноши; сам же, лишь только хлеб в полях начал поспевать, отправился на войну с Амбиориксом через Арденский лес (он наибольший

¹ *Ур* — галльское слово означает буйвола, по-немецки *Auerochs*. Считают его за нынешнего зубра, хотя описание Цезаря и Плиния не соответствует этому животному.

во всей Галлии и тянется от берегов Рейна и области Тревиров до земли Нервиев в длину более чем на 500 миль). Он приказал Л. Минуцию Базилью со всей конницей идти вперед для того, чтобы воспользоваться выгодой быстроты движения и неожиданности нападения, и дал ему наставление не разводить огней в лагере, дабы не показать издали неприятелю свое приближение, а сам обещал идти за ним без промедления.

30. Базиль исполнил все, как было ему приказано. Поспешно совершив путь, он застал неприятеля врасплох, неожиданно для него; многие даже были в поле. По их показаниям Базиль двинулся к тому месту, где находился Амбиорикс с небольшим отрядом конницы. Счастье много значит везде, а особенно в военном деле. Хотя случай был весьма удивительный, что Амбиорикс был захвачен неприятелем неожиданно, не приготовившись, и увидел его прежде, чем услышал или узнал о его приближении; однако счастье так ему благоприятствовало, что, потеряв все военные снаряды, повозки и лошадей, он спасся от смерти. Главная причина была в том, что его жилище находилось в лесу (как почти всегда Галлы, убегая от зноя, селятся в лесах и близ рек); приближенные и слуги Амбиорикса задержали нашу конницу своим сопротивлением в узком месте. Пока происходило сражение, один из окружавших Амбиорикса посадил его на коня; лес вскоре скрыл его за собой. Таким образом, судьба и ввергла его в опасность, и почти чудом от нее избавила.

31. Амбиорикс с намерением ли не собрал войска, не желая прибегать к бою, или быстрое нападение нашей конницы в том ему воспрепятствовало, за которой он ожидал немедленно все наши силы, — это трудно решить. Амбиорикс тайно разослал по полям гонцов, приказывая всем спасаться, кто как может. Часть жителей бежала в Арденский лес, часть в непроходимые болота. Жившие поблизости Океана искали убежища на островах, образовавшихся от его прилива; многие навсегда бросили отечество и со всем имуществом переселились в чужие края. Кативолк, царь над половиной Эбуронов, участвовавший заодно в умысле



Галл.
Бронзовая статуэтка. I в. до н.э.

Амбиорикса, по своему преклонному возрасту не имея сил ни бежать, ни прибегнуть к силе, осыпав самыми жестокими проклятиями Амбиорикса, виновника всех этих событий, умертвил себя ядом из дерева (*taxus*)¹, которого очень много растет в Галлии и Германии.

32. Сегны и Кондрузы, принадлежащие к числу Германских племен, живущих между Эбуронами и Тревирами, прислали послов к Цезарю, умоляя его не считать их врагами и не полагать, что все Германцы, живущие по сю сторону Рейна, заодно; что они никогда не замыслили войны и не оказывали никакой помощи Амбиориксу. Цезарь, узнав истину из показаний пленных, приказал послам выдать всех Эбуронов, которые будут искать спасения в их земле; в случае исполнения этого условия он обещал оставить их соотечественников в покое. Тогда Цезарь все свои войска разделил на три отряда, а тяжести всех легионов велел снести в Адуатику — так называется это укрепление, которое находится почти в середине земли Эбуронов; в нем-то и были зимние квартиры Титурия и Аврункулея. Это место заслужило внимание Цезаря во многих отношениях и между прочим потому, что укрепления, сделанные в прошлом году, были еще целы и потому облегчали воинов от большого труда. Оставив для оберегания тяжестей четырнадцатый легион, один из трех недавно им набранных и приведенных из Италии, начальство над ним и лагерем Цезарь вверил К. Туллию Цицерону и дал ему сверх того двести всадников.

33. Разделив войско, Цезарь отправил Т. Лабиена с тремя легионами на берега Океана в земли, прилежащие к области Менапиев. Г. Требонию с таким же числом легионов Цезарь приказал идти опустошать страну, соседнюю с Адуатиками. Сам же Цезарь предположил с остальными тремя легионами идти к реке Скальде, впадающей в Мозу, и к самым отдаленным местам Арденского

¹ *Taxus* — дерево из рода сосны, сок ягод которого считается ядовитым. Растет оно в Испании, на Корсике и в Аркадии. Его подробно описывает Плиний.

леса, куда, по слухам, удалился Амбиорикс с небольшим отрядом конницы. Отправляясь в поход, Цезарь обещал возвратиться через семь дней, именно к сроку, когда надлежало раздавать провиант тому легиону, который оставался в лагере. Цезарь также дал наставление Лабиену и Требонию, чтобы они, если только будут в состоянии это сделать без ущерба для интересов отечества, возвратились к тому же сроку для того, чтобы с общего совета, разузнав о намерениях неприятеля, составить план военных действий на будущее время.

34. Неприятель, как мы выше сказали, не имел ни войска, ни укрепленных мест и вообще никаких средств к открытой обороне; это была толпа, рассеянная в беспорядке. Глубокие долины, леса, непроходимые болота служили для них убежищем и ручательством спасения. Все эти места были им как коренным жителям хорошо известны. Главному нашему войску не угрожала никакая опасность (да и какая могла быть со стороны уstraшенных и рассеянных неприятелей?), но требовалась величайшая осторожность для сбережения отдельных воинов при таких обстоятельствах; она-то и спасла, можно сказать, все наше войско. Алчность добычи увлекала в разные стороны многих наших воинов, а теснота и неизвестность лесных тропинок препятствовали проникать им туда целыми отрядами. Для достижения цели похода и истребления неприятельских шаек надлежало по многим местам рассылать отряды и заставлять воинов действовать враспыленную. Если же он хотел бы остаться верным коренному обычаю и порядку, заведенному в Римском войске, и не позволять воинам отходить от своих значков, то наш враг находил для себя безопасность в условиях самой местности и не терял смелости, дождавшись благоприятного случая, нападать из засады на наших воинов порознь. В таких затруднительных обстоятельствах Цезарь употреблял всю осторожность и предусмотрительность, сколько возможно, и старался скорее виновных оставить без наказания, хотя воины наши пылали мщением, чем их самих подвергать гибели. Цезарь по соседним народам разослал гонцов с известием, что он отдает на разграбление землю Эбуранов; он хотел, чтобы

лучше Галлы подверглись опасностям войне такого рода, а не его легионы; а с другой стороны, он имел в виду, умножив количество врагов для Эбуронов, искоренить самую память этого племени за совершенное им злодейство. В короткое время для этой цели собралось множество Галлов.

35. Вот что происходило во всех частях земли Эбуронов, и приближался уже седьмой день, на который Цезарь предполагал возвратиться к оставленным им обозу и легиону. Тут случилось происшествие, которое показывает, как много счастье значит на войне и какие странные случаи иногда от него происходят. Неприятель наш был рассеян и в ужасе, как мы уже сказали, и не было, казалось, ни с какой стороны ни малейшей опасности. На ту сторону Рейна к Германцам пришел слух, что земля Эбуронов отдана на разграбление и что всех к тому приглашают. Сигамбры, живущие на берегу Рейна, которые, как мы говорили выше, дали убежище Узипетам и Тенхтерам, собрались в количестве 2000 всадников и переправились через Рейн на лодках и паромках в 30 милях ниже того места, где Цезарем был устроен мост и оставлен гарнизон. Сначала они ударили на землю Эбуронов, захватили в плен многих бегущих и загнали большое количество скота, добычи самой привлекательной для этих диких народов. Жажда добычи завлекла их далеко; ни болота, ни леса не могли остановить их, с детства приученных к набегам и грабегам. Пленных они расспрашивали, где находится Цезарь, и узнали, что он далеко отошел и что с ним удалилось почти все войско. Один из пленных сказал им: «И охота вам гоняться за этой ничтожной и скудной добычей, когда сама судьба отдает вам в руки богатейшую? Через три часа вы можете достигнуть Адуа-тики, куда войско Римское собрало весь свой обоз; гарнизона там так мало, что недостаточно для прикрытия окопов и даже никто не дерзает выходить за укрепления». Обнадеженные этими словами, Германцы уже полученную добычу скрыли в безопасном месте, а сами двинулись к Адуатике; дорогу им указывал тот же, кто и подал совет.

36. Цицерон сначала строго соблюдал наставление Цезаря не выпускать воинов из лагеря, так что и армейским прислужникам не позволял выходить за укрепления. Но на седьмой день он отчаялся в том, что Цезарь сдержит данное ему слово насчет срока возвращения, тем более что Цезарь зашел дальше, чем предполагал, и не было никакой вести о его возвращении. Притом ему надоело слышать жалобы своих воинов, называвших такой образ действий осадой, так как никому нельзя было выйти из лагеря. Опасности никакой нельзя было ожидать: неприятель был рассеян и почти уничтожен, девять легионов и многочисленная конница были в поле; казалось, какая могла быть опасность на три мили от лагеря! Поэтому пять когорт он послал за хлебом на ближайшие нивы, отделявшиеся от лагеря только одним холмом. В лагере оставалось много больных из всех легионов; 400 человек с того времени выздоровели и были отправлены туда же вместе под одним значком. Притом с дозволения легата отправились во множестве армейские прислужники, взяв оставленных в лагере лошадей.

37. Надобно было случиться, что в это самое время пришла Германская конница; тотчас, не останавливаясь, она устремилась к задним воротам лагеря, пытаясь ворваться в него. Лесистая местность позволила заметить неприятеля не прежде, как когда уже он был возле; поспешность его прихода была такова, что купцы, стоявшие в палатках под самыми лагерными окопами, не успели удалиться в лагерь. Наши смешались от неожиданности нападения, и когорта, бывшая у ворот, с трудом сдержала первый натиск неприятеля. Он рассыпался вокруг лагеря, отыскивая, где бы удобнее в него проникнуть; с трудом наши отстаивали ворота; в прочих местах только укрепления служили нам защитой. Ужасное смятение господствовало в нашем лагере; один спрашивал у другого, откуда неожиданная опасность; никто не отдавал распоряжений, куда вести значки и в каком месте собираться с оружием. Один утверждает, что лагерь уже во власти неприятеля; другой — что Германцы пришли сюда победителями, уничтожив Цезаря и его войско. У многих появились тотчас и суеверные

мысли: несчастье Котты и Титурия, погибших в этом же самом лагере, у всех было на уме. Видя наших в ужасе, Германцы убедились, что показания пленного справедливы и что лагерь наш беззащитен. Они стараются ворваться в него и ободряют друг друга — не упустить столь счастливого случая к победе.

38. В укреплении нашем оставался больной П. Секстий Бакул (мы о нем не раз упоминали по поводу прежних сражений), командовавший у Цезаря передовой сотней. Он уже пятый день не принимал пищи. Отчаявшись в спасении себя и всех, находившихся в лагере, он без оружия вышел из палатки. Видя, что неприятель теснит сильно и что опасность угрожает крайняя, он взял оружие у ближайшего воина и стал в лагерных воротах; его примеру последовали сотники когорты, оберегавшей ворота; общими силами они несколько сдержали нападение. Секстий, получив тяжкие раны, вскоре лишился чувств; с трудом спасли его, передавая из рук в руки. Впрочем, этого было достаточно, чтобы ободрить наших; собравшись с духом, они помышляют об обороне, решаются занять вал и представляют вид правильной защиты.

39. Между тем воины наши, собрав хлеб, слышат крики. Конница полетела вперед и видит, в каком опасном положении дело. Для наших уstraшенных воинов не было никакого укрепления, куда бы можно удалиться; недавно набранные, неопытные в военном деле, они смотрели на военных трибунов и сотников и ждали, что они прикажут. Кажется, и самый храбрый растерялся при виде такой опасности. Германцы, увидев издали наши значки, сначала было остановили осаду, полагая, что это возвратились наши легионы, о которых пленные им сказали, что те далеко ушли; потом, видя с презрением малочисленность наших, они снова со всех сторон произвели нападение.

40. Армейские служители первые искали спасения в бегстве на ближайший холм. Немедленно выбитые оттуда, они бросились на ряды наших воинов и еще усилили смятение в них, и без



Римские солдаты

того бывших в ужасе. Одни полагали, построив войско клинообразно, прорваться через неприятеля в лагерь, находившийся очень недалеко: если бы часть и пала, то все прочие могли надеяться на спасение. Другие хотели оставаться на холме и там общими силами выдерживать напор неприятеля; против этого последнего мнения были старые воины, которые, как мы упоминали, вместе отправились на фуражировку. Итак, ободрив друг друга, под начальством Г. Требония, всадника Римского, они прорываются через неприятельские ряды и, не потеряв ни одного человека, достигают лагеря. За ними непосредственно последовали армейские служители и всадники и спаслись храбростью наших воинов. Те же, кто предпочел остаться на холме, не зная вовсе правил военного дела, не могли ни остаться верными своему первоначальному намерению на нем защищаться, пользуясь условиями местности, ни подражать решительности и быстроте, спасшей их товарищей. Стараясь прорваться в лагерь, они наткнулись на неблагоприятную местность. Сотники, из коих некоторые за храбрость были повышены из нижних рядов прочих легионов в верхние этого, не желая омрачить прежнюю славу воинской доблести, пали, храбро сражаясь. Часть воинов, пользуясь тем, что храбрость их начальников отвлекла неприятеля, против ожидания благополучно достигла лагеря; часть же погибла, будучи окружена Германцами.

41. Германцы, потеряв надежду овладеть нашим лагерем, так как наши уже стали на окопы, с той добычей, которая была ими спрятана в лесу, убрались на ту сторону Рейна. Даже после удаления неприятеля ужас наших был так велик, что когда в ту же ночь прибыл в лагерь Г. Волузен с конницей, присланный Цезарем, то и он не смог убедить наших, что Цезарь невредимый идет назад со всем войском. Страх у всех был до того велик, что наши, как бы потеряв рассудок, уверяли, что наше войско все погибло, а только конница спаслась бегством; никак никто не предполагал, что Германцы дерзнули бы напасть на наш лагерь, если бы все наше войско было невредимо. Когда Цезарь прибыл, то весь страх исчез.

42. Цезарь, возвратясь, будучи хорошо знаком со случайностями войны, сильно пенял за то, что когорты были высланы из лагеря; он говорил, что им ни в коем случае не надлежало покидать свой пост, а быть готовыми на всякий случай, как и доказало неожиданное нападение неприятеля. Но счастье еще более нам благоприятствовало, отвратив врагов, уже имевших почти в своей власти наши окопы и лагерные ворота. Во всех этих событиях всего удивительнее то, что Германцы, переправившись через Рейн с целью опустошить земли Амбиорикса, нечаянно напали на Римский лагерь и оказали тем величайшую услугу Амбиориксу.

43. Цезарь снова отправился опустошать неприятельскую землю; собрав множество соседних жителей, он разослал их во все стороны. Все деревни и строения, какие только попадались, были преданы огню; со всех сторон тащили награбленное. Хлеб не только тратился на прокормление огромного количества людей и лошадей, но и погибал от позднего времени года и дождей, так что если бы кто из жителей и спасся, где-нибудь скрывшись, то и после удаления нашего войска должен был бы погибнуть от голода. Так как конница наша была разделена на многочисленные отряды, нередко случалось, что захваченные ею пленники показывали, что только что видели Амбиорикса, и уверяли, что он еще не совсем исчез из виду. Впрочем, несмотря на все старание наших воинов и желание услужить Цезарю и почти невероятные и свыше их сил труды, однако всегда Амбиорикс ускользал в ту минуту, когда наши уже полагали иметь его в своей власти. Он уходил, пользуясь оврагами и лесами, и в течение ночи бывал уже далеко, совсем на другом конце страны; его сопровождали только четыре всадника, которым он решился вверить свою жизнь.

44. Опустошив таким образом неприятельскую страну, Цезарь привел войско в Дурокорт Ремов¹, и, назначив в этом месте

¹ Ныне Реймс.

Гай Юлий Цезарь

Галльский сейм, он на нем произвел следствие о заговоре Сенонов и Карнутов. Аккон был уличен как виновник этого умысла, над ним произнесли строгий приговор, и он был казнен смертью по обычаю предков. Некоторые из виновных, опасаясь суда, бежали; было воспрещено давать им воду и огонь. Цезарь поставил на зимних квартирах два легиона в земле Тревиров, два в земле Лингонов, остальные пять — в Агендике¹, в области Сенонов. Приняв меры к обеспечению войска продовольствием, Цезарь отправился по обычаю в Италию для участия в народных собраниях.

¹ Ныне Сан (Sens).



Книга седьмая

1. Усмирив Галлию, Цезарь, как и предполагал, отправился в Италию для участия в народных собраниях. Там он услышал об убийстве П. Клодия и, узнав из сенатского декрета, что вся молодежь Италии замышляет заговор, распорядился произвести набор во всей Провинции. Такое положение дел вскоре стало известно в Трансальпинской Галлии. Галлы присоединили к этому еще ложный слух (имевший, по их мнению, основание), что волнения в Риме задержали Цезаря и что при таких смутах ему невозможно возвратиться к войску. Думая воспользоваться такими обстоятельствами, Галлы, постоянно с прискорбием снося Римское владычество, стали смелее и решительнее замышлять войну. Галльские старейшины собирались на совещания в лесах и уединенных местах и сетовали о смерти Аккона; они говорят друг другу, что тот же жребий может ожидать и их; оплакивают участь, постигшую всю Галлию; не щадят ни обещаний, ни наград для тех, кто будет зачинщиком войны и личной опасностью искупит вольность всей Галлии. Они признали, что общее усилие надо употребить на то, чтобы не допустить Цезаря до армии прежде, чем осуществятся их тайные намерения. Они полагали достигнуть этого без труда, рассчитывая, что ни легионы без главного полководца не решатся выйти с зимних квартир, ни Цезарь, не подвергаясь опасности, не может их достигнуть. Одним словом, Галлы хотели лучше погибнуть с оружием в руках, чем утратить и вольность, и древнюю воинскую славу, завещанную им предками.

2. Когда об этом шла речь, Карнаты вызвались для общей пользы подвергнуться опасности и первыми начать войну.

Но так как в то время невозможно уже было обеспечить себя взятием и дачей заложников без того, чтобы их замысел не открылся, то они просят их общий союз скрепить клятвой на военных значках и оружии (этот священный обряд у них считается величайшей важности) в предупреждение того, чтобы, когда они начнут войну, прочие племена их не оставили. Карнуты были осыпаны похвалами от своих соотечественников; взаимный союз скрепили общими клятвами всех присутствовавших, назначили время для открытия военных действий, и тем окончилось совещание.

3. В назначенный день Карнуты под предводительством Котуата и Конетодуна, готовых на все людей, по данному сигналу устремились в Генаб¹. Римские граждане, находившиеся там для торговли, и в их числе Г. Фузий Цита, один из известных Римских всадников, которому Цезарь поручил снабжение наших войск провиантом, были перебиты, а их имущество разграблено. Известие об этом событии быстро разнеслось по всей Галлии (в случае какого-либо важного и значительного происшествия Галлы кличут клич по всей своей стране одни другим, что случилось и в этот раз). Таким образом, события Генабские при восходе солнца стали уже известны в земле Арвернов прежде, чем окончилась первая стража ночи; а расстояние от одного места до другого — около 160 миль.

4. По примеру Карнутов Арверн Верцингеторикс, сын Целтилла, пользовавшийся, несмотря на свою молодость, огромным влиянием у своих соотечественников (его отец имел права старейшинства во всей Галлии и был убит своими согражданами за стремление сделаться царем), собрал приверженных к себе людей и легко воспламенил их. Узнав о его намерении, все устремились к оружию. Гобанитион, его дядя, и прочие старейшины народа не разделяли образа мыслей Верцингеторикса и

¹ Ныне Орлеан.

считали его намерение безрассудным; они изгнали его из города Герговии¹. Он не отказался от своего умысла, а собирал около себя шайку людей беглых и нуждающихся. С этими силами он убедил некоторых из своих соотечественников взяться за оружие в защиту общего дела их независимости. Составив таким образом многочисленное войско, он изгнал из города своих недоброжелателей, столь недавно выгнавших оттуда его самого. Он получил от своих приверженцев наименование царя и разослал во все стороны посольства, убеждая Галльские племена оставаться верными общему союзу. В короткое время примкнули к нему Пиктоны, Сеноны, Паризии, Кадурки, Туроны, Авлерки, Лемовики, Анды и прочие племена, земли которых доходят до Океана. Главное начальство с общего согласия вверено Верцингеториксу; пользуясь этой властью, он немедленно предписал всем этим племенам выставить заложников и в самом скором времени привести известное количество воинов; он назначил, сколько какое племя должно изготовить у себя оружия и к какому времени; главное внимание он обратил на конницу. К усиленной деятельности он присоединил великую строгость; колеблющихся в верности устрашал строгими казнями: за большое преступление предавал смерти огнем или другой мучительной. За менее важную вину он приказывает отрубать уши или выкалывать один глаз и в таком виде отправлять виновных домой, чтобы они служили примером для остальных и чтобы страхом большего наказания удержать других от подобных действий.

5. Благодаря такой строгости в короткое время собрав значительное войско, Верцингеторикс отправил Кадурка Луктерия, человека в высшей степени смелого, с частью войск в землю Рутенов, а сам отправился к Битуригам. Узнав о его приближении, те отправили к Эдуям, под покровительством коих они находились, послов с просьбой о помощи, чтобы быть в состоянии удержать

¹ От нынешнего Клермона этот город был в расстоянии одного лье на холме, и поныне называемом *mont Gergoie* или *Gergoriat*.

натиск неприятеля. Эдуи по совету легатов, оставленных Цезарем при войске, отправили на помощь Битуригам пешие и конные войска. Они пришли к реке Лигеру, составляющей границу между землями Битуригов и Эдуев, постояли там несколько дней, не решились перейти через реку и донесли нашим легатам, что вынуждены были возвратиться вследствие вероломства Битуригов: они узнали, что якобы те замыслили при их переправе через реку ударить с одной стороны, а Арверны должны были окружить их с другой. Правду ли они сказали легатам или коварно выдумали, трудно решить за недостатком доказательств. Битуриги, узнав о возвращении шедших к ним войск, немедленно присоединились к Арвернам.

6. Об этих происшествиях дали знать Цезарю в Италию; узнав, что благодаря деятельности Гн. Помпея внутренние смуты в Риме несколько утихли, Цезарь отправился в Трансальпинскую Галлию. По прибытии туда он был в большом затруднении, каким образом присоединиться к войскам: если вызвать их сюда, в Провинцию, то они подвергнутся необходимости выдержать несколько сражений в его отсутствие; самому отправиться к войску значило бы вверить свою безопасность Галльским племенам, а это было бы неблагоприятно даже в отношении к тем, которые еще оставались покорными.

7. Между тем Кадурк Луктерий, который был отправлен к Рутенам, заставил это племя присоединиться к союзу Верцингеторикса. Оттуда он перешел к Нитиобригам и Габалам, взял заложников и у тех, и у других и, усилив значительно свое войско, думал было уже сделать вторжение в Провинцию по направлению к Нарбонне. Узнав об этом, Цезарь решил прежде всего предупредить этот замысел неприятеля и с этой целью тотчас отправился в Нарбонну. По прибытии туда он обнадежил защитой уstraшенных жителей и расставил вооруженные отряды по землям Рутенов, присоединенных к Провинции, Вольков-Арекомиков, Толозатов, вокруг Нарбонны и вообще по всем местам, соседним с неприятелем. Части же войск, находившихся в Про-



Воин в тунике и сагуме.
Надгробный рельеф

винции, и резерву, приведенному им самим с собой из Италии, Цезарь приказал собраться в землю Гельвиев, живущих по соседству с Арвернами.

8. Этими распоряжениями Цезарь вынудил Луктерия отступить и отказаться от намерения вторгнуться в Провинцию, так как Луктерий считал опасным очутиться со своим войском посреди вооруженных отрядов. Затем Цезарь отправился в землю Арвернов. Здесь преграждали ему путь Цевеннские горы, составлявшие границу земель Гельвиев и Арвернов; они были покрыты весьма глубоким снегом по случаю сурового еще времени года. Впрочем, при усердной работе воинов снег был очищен в глубину на 6 футов и проложена таким образом дорога к земле Арвернов, куда и прибыл Цезарь. Те были поражены неожиданностью нападения; гору Цевеннскую они считали неприступным оплотом для своей земли; особенно в это время года через нее нет тропинок даже и для одного человека. Цезарь приказал коннице опустошить земли Арвернов на как можно большем пространстве и внушить им как можно больше страха. Гонцы да и самая молва вскоре известили Верцингеторикса о случившемся; уstraшенные Арверны окружили его и неотступно просили защитить их достояния и не отдавать их в жертву неприятелям, особенно видя, что вся тяжесть войны пала на их землю. Уступая просьбам своих земляков, Верцингеторикс двинулся от Битуригов домой.

9. Цезарь в этих местах оставался только два дня, предвидя возвращение Верцингеторикса; он уехал от войска будто для набора конницы и вспомогательных сил, а начальство над ним вверил молодому Друзу, приказал ему рассылать конницу для опустошения неприятельской земли на как можно большем пространстве; сам же обещал постараться провести в отлучке не более двух дней. Устроив здесь все, Цезарь сверх всякого ожидания своих прибыл как можно поспешнее в Вогиенну. Взяв с собой свежую конницу, за много дней до этого им туда отправленную, Цезарь день и ночь проводил в пути и через землю Эдуев прибыл в землю Лингонов, где были расположены на зимних квартирах

История Галльской войны

два легиона; поспешностью переезда Цезарь хотел предупредить замыслы, которые могли иметь Эдуи на его безопасность. По приезде к Лингонам Цезарь послал за прочими легионами и собрал их в одном месте прежде, чем слух о его действиях дошел до Арвернов. Узнав о них, Верцингеторикс отвел войско назад в землю Битуригов и оттуда двинулся к Герговии, приписанному к земле Эдуев городу Бойев, поселенных в этом месте Цезарем после поражения Гельветов; он замыслил овладеть им.

10. Это обстоятельство поставило Цезаря в немалое затруднение относительно образа действия. Продержать легионы в оставшуюся часть зимы на прежнем месте значило бы отдать наших союзников Эдуев на жертву неприятелю и побудить всех Галлов к восстанию, так как они увидят, что Римляне не защищают своих союзников. Раннее же выступление легионов с зимних квартир было сопряжено с великими затруднениями относительно подвоза продовольствия для них. Все-таки Цезарь решил лучше преодолеть затруднения, как бы они велики ни были, чем навлечь на себя позор и тем потерять уважение всех Галлов. Итак, представив Эдуям необходимость взять на себя подвоз съестных припасов для своей армии, он заблаговременно дал знать Боям о своем прибытии, убеждая их оставаться верными и храбро выдерживать нападение неприятеля. Оставив в Агендике два легиона и обозы всего войска, Цезарь двинулся к Боям.

11. На следующий день Цезарь пришел к городу Сенонов Веллавнодуну; для того чтобы не оставлять у себя в тылу неприятеля и таким образом облегчить подвоз провианта для своего войска, Цезарь приступил к осаде этого города; в течение двух дней он окружил его окопом, а на третий день явились из города послы с изъявлением покорности. Цезарь приказал им выдать все оружие, лошадей и выставить 600 человек заложников. Для приведения в исполнение этих условий Цезарь оставил легата Г. Требония, а сам как можно поспешнее двинулся на Генаб, город Карнутов. Там только теперь было получено известие об осаде Веллавнодуна; Карнуты, полагая, что он будет долго сопроти-

вляться, готовились находившиеся у них для защиты их города войска послать ему на помощь. Через два дня Цезарь достиг Генаба; расположившись лагерем перед городом, Цезарь не сделал нападения в этот день, так как уже он близился к концу, а отложил его до следующего дня, приказав воинам заготовить все, что для этого необходимо. Так как из города Генаба есть мост через реку Лигер, то Цезарь, опасаясь, как бы жители города не воспользовались им и не бежали ночью, приказал двум легионам провести ночь под оружием. Жители Генаба немного ранее полуночи вышли в тишине из города и начали переходить через реку. Когда лазутчики дали знать об этом Цезарю, то он с двумя легионами, которым приказал быть готовыми на всякий случай, сжег городские ворота и овладел городом. Весьма немногим из неприятелей удалось уйти от наших; узость моста и дорог делала бегство для такого множества народа весьма затруднительным. Цезарь предал город огню и разграблению, добычу отдал воинам, а войско перевел через Лигер в землю Битуригов.

12. Верцингеторикс, узнав о приближении Цезаря, снял осаду и двинулся ему навстречу. Между тем Цезарь предположил овладеть Новиодуном, городом Битуригов, лежавшим на его пути. Жители города прислали послов к Цезарю, прося даровать им прощение и оставить им жизнь. Он, желая с такой же поспешностью, с какой совершил столь многое, действовать и во всем прочем, приказал жителям Новиодуна дать заложников и выдать оружие и лошадей. Уже часть заложников была в наших руках; пока же прочее готовили, несколько наших сотников и небольшое число воинов вошли в город собирать оружие и лошадей. Вдруг показалась вдали неприятельская конница, предшествовавшая всей армии Верцингеторикса. Увидав ее, горожане обрадовались в надежде на помощь; ободряя друг друга криками, они схватились за оружие, заперли ворота и начали занимать стены. Сотники, находившиеся в городе, отгадали по всему поведению Галлов об их враждебном умысле и, обнажив мечи, заняли ворота, пока все наши воины благополучно не вышли из города.

13. Цезарь приказал своей коннице выйти из лагеря; она сразилась с неприятельской. Наши начали уступать неприятелю; тогда Цезарь двинул им на помощь 600 Германских всадников, которых он положил постоянно иметь при себе. Галлы не выдержали их нападения и обратились в бегство, ища убежища у главной армии; потери их были весьма велики. Вследствие этого поражения жители города в страхе схватили тех, кого считали виновниками народного восстания, и выдали их Цезарю, а сами изъявили полную покорность. Преуспев в этом, Цезарь двинулся к городу Аварику; в земле Битуригов он самый значительный и укрепленный и находится среди самой плодородной местности. Взятием этого города Цезарь надеялся принудить все племя Битуригов к покорности.

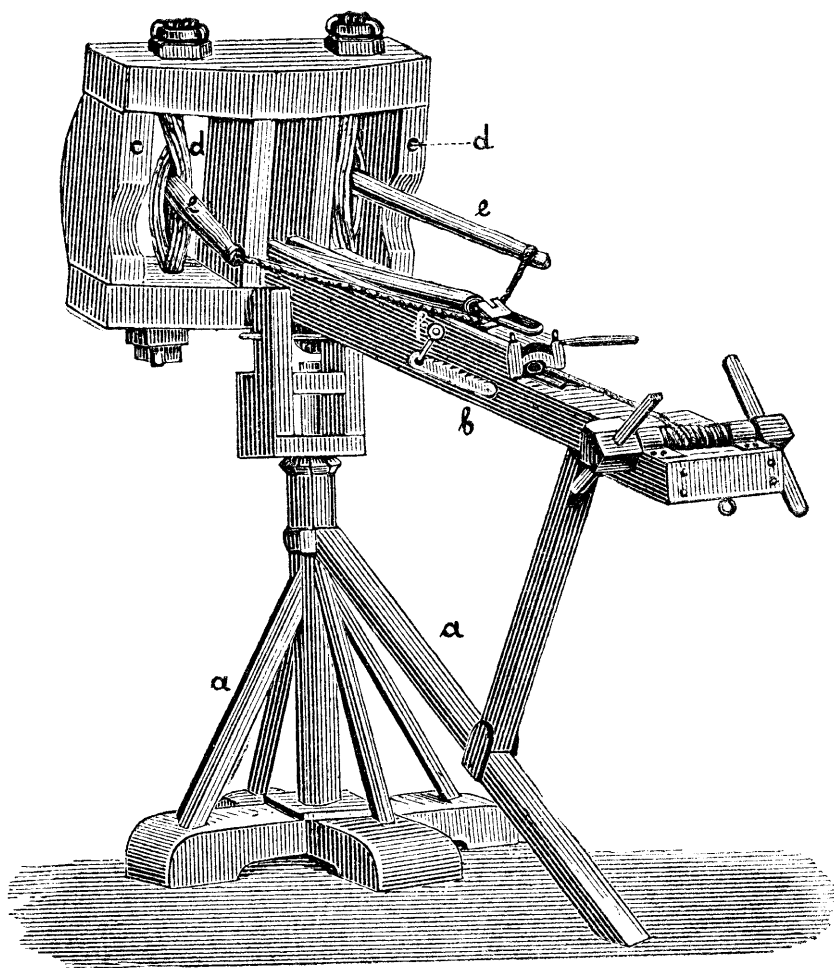
14. Верцингеторикс, видя падение одного за другим городов Веллавнодуна, Генаба и Новиодуна, созвал совет своих приверженцев. Он им представил, «что на будущее время надобно вести войну совершенно иначе, чем до сего времени; что всеми силами надобно добиваться одного, как бы Римлянам препятствовать в снабжении их фуражом и провиантом. Успеть в этом нетрудно по множеству у них (Галлов) конницы и по времени года. В полях невозможно еще косить траву; неприятелю, рассеявшись, надобно искать корм по селениям, а в это время ему легко сделаться добычей конницы. Притом для общего блага и спасения всех надобно пренебречь частными потерями: на всем этом пространстве надобно предать огню все села и деревни, откуда только неприятель мог бы получить себе помощь. Что касается самих Галлов, то они ни в чем не будут иметь нужды, пользуясь средствами той страны, где ведется война. Римляне же или не вынесут крайности, или вынуждены будут с большой для себя опасностью далеко отходить от лагеря. Все равно — избить ли самих Римлян или отнять у них все тяжести; утратив их, они не смогут вести войну. К тому же нужно предать огню все города, которые не вполне обезопасены от неприятельского нападения местоположением или укреплениями; пусть же они не служат убежищем тем из Галлов, которые не хотят встретиться с врагом в открытом поле, а

Римлянам не предоставят запасов продовольствия и верную добычу. Как это ни тяжело и прискорбно, но все же легче решиться на это, чем самим погибнуть, а жен и детей отдать в рабство, что неминуемо должно последовать».

15. Мнение Верцингеторикса заслужило всеобщее одобрение; в один день более 20 Битуригских городов были преданы огню; примеру этому следуют и другие племена. Везде видны зарева пожаров; хотя все это Галлы делали с большим прискорбием, но они утешали себя тем, что, считая победу почти верной, надеялись свои потери восполнить в скором времени. На общем совете рассуждали о городе Аварике, предать ли его огню или защищать. Битуриги пали в ноги прочим Галлам, умоляя их «не предавать собственными руками пламени их город, красивейший почти во всей Галлии, опору и гордость их народа». Они говорили, что его нетрудно защитить по его местоположению, так как он почти со всех сторон окружен рекой и болотом и только с одной стороны имеется к нему довольно тесный доступ. На просьбу Битуригов согласились все; сначала Верцингеторикс был против этого, но потом согласился со всеми, уступая их просьбам и подвижимым состраданием к народу. Защиту города вверили отборным людям.

16. Верцингеторикс следовал за Цезарем малыми переходами. Он избрал место для лагеря, защищенное лесами и болотами, на расстоянии от Аварика более 16 миль. Там через верных лазутчиков он по нескольку раз в день получал подробные донесения о том, что делалось у Аварика, и через них же отдавал необходимые приказания. Он наблюдал за всеми движениями наших воинов для фуражировки и снабжения хлебом, и когда они по необходимости расходились далеко, нападал на них и наносил им большой вред, хотя наши, стараясь по возможности предупредить это, отправлялись не в одно время и по разным дорогам.

17. Цезарь расположил лагерь войска с той стороны города, которая одна представляла к нему свободный доступ между рекой и болотом, как мы выше сказали, довольно тесный. Потом он



Катапульта

велел делать насыпь, устраивать осадные орудия и строить две башни; обвести город кругом окопом не позволяла местность. Насчет снабжения продовольствием Цезарь постоянно прибегал к Бойям и Эдуям с просьбами: последние не имели усердия и потому весьма мало помогали; первые же имели весьма скудные средства вследствие слабости и незначительности этого племени, и потому их хватило весьма ненадолго. Войско наше было в величайшем затруднении насчет продовольствия вследствие бедности Боев, недостатка усердия Эдуев и того, что окрестности были выжжены неприятелем. Случалось, что воины наши в течение многих дней бывали без пищи или с трудом прокармливались стадами, пригнанными из отдаленных мест. Несмотря на это, ни разу не слышно было между ними ропота, который омрачил бы славу прежних их побед и был бы недостойн величия народа Римского. А когда Цезарь, осматривая осадные работы, подходил к каждому легиону порознь и говорил, что он снимет осаду, если им тяжело сносить нужду в продовольствии, то все просили Цезаря еще не делать этого; в течение многих лет они под его начальством служили верно и не навлекли на себя никакого порицания, ни разу не отступали они ни от какого предприятия, не приведя его к концу; теперь же оставить осаду значит подвергнуть себя неминуемому порицанию; скорее перенесут они всевозможные нужды и лишения, чем откажутся от намерения отомстить за своих сограждан, погибших в Генабе жертвой вероломства Галлов. То же самое воины передавали военным трибунам и сотникам, прося их сообщить об этом Цезарю.

18. Наши осадные работы уже угрожали опасностью городу, когда Цезарь узнал от пленных, что Верцингеторикс, вытравив пастбища, придвинул свой лагерь ближе к Аварику, а сам с конницей и легковооруженными пешими, приученными сражаться среди всадников, отправился в засаду на то место, на которое, по его мнению, должны были прийти на следующий день наши воины для фуражировки. Узнав об этом, Цезарь среди ночи в тишине отправился в поход и рано утром пришел к неприятельскому лагерю. Галлы немедленно узнали от лазутчиков о движении

История Галльской войны

Цезаря; тяжести и повозки свои скрыли они в лесной чаще, а все войска выстроили в боевой порядок на открытой и возвышенной местности. Узнав об этом, Цезарь немедленно приказал воинам сложить с себя тяжести и приготовиться к бою.

19. Холм, на котором стояли Галлы, имел небольшую пока-тость к болоту, которое опоясывало его, а в ширину было не более 50 шагов; оно было весьма глубоким и непроходимым. На этом холме смело расположились Галлы, уничтожив все мосты через болото; они стояли рядами, каждое племя особо, заняв все броды и проходы через болото сильными отрядами. Галлы намеревались в случае, если бы Римляне вздумали перейти через болото, напасть на них с возвышенного места, когда они будут затруднены переходом. Кто бы издали посмотрел, то подумал бы, что условия боя для обоих войск одни и те же; а вникнув в условия местности, видно было, что со стороны Галлов намерение боя являлось более пустым тщеславием. Воины Римские с негодованием видели неприятеля, смело дерзавшего предлагать бой на столь близком расстоянии, и требовали знака к сражению; но Цезарь им внушил, «что победа стоила бы величайших пожертвований и гибели множества храбрейших из них. Видя готовность воинов для его славы жертвовать жизнью, он не согласится быть таким несправедливым, чтобы не считать жизнь воинов столь же дорогой, сколько ему дорога его собственная». Утешив воинов этими словами, Цезарь в тот же день отвел их обратно в лагерь; все, что нужно для теснейшей осады города, он им велел готовить.

20. Между тем Верцингеторикс возвратился к своим; он был обвинен ими в измене за то, что лагерь придвинул ближе к Римлянам, что удалился со всей конницей, оставив без начальника столь значительные силы, что по его удалении Римляне немедленно пришли так кстати; все это не могло быть случайно и без умысла; Верцингеторикс предпочитает получить царскую власть над Галлией с согласия Цезаря, чем по общему их желанию. На эти обвинения Верцингеторикс отвечал следующее: «Если он перенес лагерь, то по недостатку пастбищ и исполняя их же желание; бли-

зость Римлян была не опасна, потому что он был убежден, что самая местность будет для наших верным оплотом. Что же касается конницы, то здесь по болотистой местности она была не нужна, а там, куда он отправлялся, она была необходима. Удаляясь от войска, он с умыслом никому не передал начальства, опасаясь, как бы тот не был принужден желанием народа к битве; а он видит, что все по своему малодушию предпочли бы скорее решить дело битвой, чем сносить дальнейшие труды войны такого рода. Что Римляне пришли так кстати, это угодно было судьбе; а если они призваны каким-либо изменником, то последний этим только оказал Галлам великую услугу, дав им возможность и видеть малочисленность неприятелей со своей возвышенной позиции, и посмеяться над их храбростью, ибо они не дерзнули вступить в сражение и постыдно удалились в лагерь. Желать ему, Верцингеториксу, власти от Цезаря, изменив своим соотечественникам, было бы безрассудно: она и так в его руках и обеспечена верной для него и всех Галлов надеждой победы. Он сейчас готов им возвратить вверенную ими ему власть, если они, быв одолжены ему своим спасением, думают ему же делать честь, сохраняя ему ее. А чтобы доказать справедливость моих слов, — заключил Верцингеторикс, — выслушайте, что вам скажут Римские воины». Приведены были рабы, захваченные во время фуражировки несколько дней тому назад и измученные голодом и тюремным заключением. Они отвечали так, как были научены прежде, «что они воины из Римских легионов; вынужденные голодом и лишениями всякого рода, они тайно ушли из лагеря отыскивать в полях хлеба или скота; что все наше войско находится в страшной нужде, что воины почти изнемогли от слабости и не в состоянии выносить никакой работы; вследствие этого Цезарь решил отступить с войском, если в три дня не возьмет города». «Вот результат трудов моих, — сказал Верцингеторикс, — а вы меня же обвиняете в измене; я довел победоносное войско Римлян, не потеряв ни капли вашей крови, до того, что оно сделалось жертвой ужасного голода; а когда оно будет вынуждено позорно бежать, то вследствие принятых мною мер ни одно Галльское племя не даст ему у себя убежища».

21. Галлы отвечали на это криками и стуком оружия, что по их обыкновению означает одобрение: Верцингеторикса признали превосходным полководцем, не сомневались в его преданности и сознались, что образ ведения войны, им избранный, есть самый лучший. Положили на общем совете послать в город десять тысяч человек отборного из всех племен войска. Судьбу свою они не решилисьверить одним Битуригам в главном потому, что, в случае если бы город устоял, вся честь победы принадлежала бы им одним.

22. Удивительная храбрость наших воинов встречала себе противодействие в разного рода мерах со стороны Галлов, принятых ими для обороны; народ этот отличается смышленостью и изобретательностью, а более всего способностью подражать тому, чему научился от других. Сделав из веревки петлю, они ловили ею осадные косы, привлекали их к себе машинами и втаскивали внутрь города. Насыпь они портили, подводя машины, в устройстве которых всякого рода они были чрезвычайно искусны и опытыны, имея у себя большие железные рудники. Всю стену со всех сторон они покрыли башнями, имевшими верх из кож. Беспременными вылазками и днем и ночью неприятели частью поджигали террасу, устраиваемую нами к стене, частью нападали на воинов в то время, как они были заняты работой. Они постоянно старались равнять свои башни, надстраивая их, возвышением с нашими башнями, по мере возвышения нашей террасы. Нашим открытым ходам они вредили острыми, с конца обожженными кольями, бросали туда кипящую смолу и огромные камни, чем замедляли работы и препятствовали таким образом приближению их к стене.

23. Стены же почти во всех Галльских городах устраиваются следующим образом: прямые бревна во всю длину кладутся на землю, на равном, два фута один от другого, расстоянии; они связываются поперечными бревнами и засыпаются землей; промежутки же спереди закладываются большими камнями. Устроив таким образом первый ряд, на него кладется точно такой

же другой, с соблюдением такого же промежутка, так что бревна не соприкасаются между собой, но искусно держатся с помощью вложенных в промежутки камней. Так устраивается вся стена до такой высоты, какую ей хотят придать. Снаружи она красива этим разнообразием составляющего материала, бревен и камней, расположенных правильными рядами. Притом такое устройство стен придает им много прочности и крепости к обороне; камень делает возгорание стены невозможным, а дерево притупляет силу действия стенобитного орудия. Деревянная связь — обычно в сорок футов длиной, — во многих местах поперечно скрепленная, не может быть ни проломлена, ни растаскана.

24. Несмотря на столько препятствий работам, ни постоянные дожди и холода, также их замедлявшие, воины наши, преодолев все затруднения, в течение двадцати пяти дней вывели террасу шириной в 330 футов, а высотой в 80 футов. Она уже почти касалась городской стены; Цезарь по своему обыкновению осмотрел работы и призывал воинов работать непрерывно. Вдруг немного ранее третьей стражи ночи заметили наши, что терраса дымится; неприятель поджег ее с помощью мины. В то же время по всей стене раздалась военные клики Галлов, и из двух ворот с обеих сторон башен они сделали вылазку. Одни со стены издалека бросали на террасу зажженные факелы и разного рода горючие вещества, а другие лили смолу и всячески старались усилить действие огня. Затруднительно было сообразить, за что нужно было взяться и чему прежде препятствовать. Впрочем, так как по распоряжению Цезаря впереди лагеря всегда были наготове два легиона, а многие воины, постоянно сменяясь, находились при осадных работах, то немедленно были приняты меры для отражения неприятелей, вышедших на вылазку, другие отводили башни и перерубали террасу, чтобы воспрепятствовать распространению огня, все же наши, сколько их было в лагере, устремились гасить огонь.

25. Везде был упорный бой, в котором прошла остальная часть ночи; неприятель не отчаивался в победе; он видел, что верхи башен обгорели и они не могли более быть продвинуты,

служить убежищем нашим воинам; притом утомленных беспрестанно сменяли свежие, и они дрались упорно, надеясь в этот час решить судьбу Галлии. Я сам видел особенность, достойную памяти, которую спешу здесь записать. У ворот города стоял Галл, метавший к стороне горевших башен куски сала и смолы, передаваемые ему из рук в руки; с правой стороны стрела скорпиона¹ пронзила его, и он пал бездыханным. Ближайший к нему Галл переступил через него, стал на его место, продолжая делать то же, что он; его постигла та же участь; за ним стал третий, и когда тот убит был — четвертый, и пост этот только тогда был оставлен защитниками, когда пожар был потушен, неприятели отражены на всех пунктах и бой совершенно прекратился.

26. Истошив все средства защиты и видя их безуспешность, Галлы на следующий день задумали оставить город по распоряжению и воле Верцингеторикса. Они надеялись в тишине под покровом ночи совершить отступление без больших потерь, тем более что лагерь Верцингеторикса находился недалеко от города и непрерывное болото, тянувшееся по тому направлению, препятствовало бы преследованию со стороны нашей конницы. Они уже готовились привести в исполнение свой замысел ночью, когда матери семейств явились на площадь и со слезами пали в ноги своим, умоляя их и заклиная всем не предавать их и общих их детей на жертву неприятелю; бежать же им невозможно было по слабости сил, в которых отказала им самая природа. Видя, что они остаются глухи к их просьбам и что, как обычно бывает в таких случаях, чувство боязни за себя изгнало чувство жалости, они стали вопить, давая знать Римлянам о замысле Галлов. Тогда Галлы, опасаясь, что Римляне, заняв дороги конницей, могут отрезать им путь, оставили свое намерение без исполнения.

27. На следующий день, когда по распоряжению Цезаря башня уже пришла в движение и прочие работы были закончены, подня-

¹ *Скорпион* — метательная машина древних, получившая название от ядовитого насекомого.

лась сильная непогода. Желая воспользоваться столь благоприятным случаем и видя, что осажденные ослабили свою бдительность, Цезарь приказал и своим воинам для виду сделать то же, а между тем дал им наставление, как они должны будут поступить. По его приказанию незаметно воины легионов налегке вышли в осадные работы. Цезарь сделал им увещание, говоря, что пришло наконец время воспользоваться плодом своих трудов. Он обещал награды тем из воинов, которые первыми взойдут на стены, и в заключение подал знак воинам к приступу. Они разом бросились со всех сторон и дружным нападением взойшли на стены города.

28. Неприятель в ужасе от неожиданного нападения поспешно оставил стену и башни; по площадям и вообще открытым местам он собирался толпами, думая еще противопоставить сопротивление в случае, если Римляне двинутся на него. Видя, что никто из них не спускается внутрь города, но везде занимают стену, Галлы, опасаясь потерять возможность к бегству, побросали оружие и дружно бросились бежать в отдаленные части города. Одни, столпившиеся у ворот и по случаю узости выхода сами себя давившие, погибли от мечей наших воинов; успевшие выйти из ворот были настигнуты и умерщвлены конницей; никто из наших не думал о добыче. Ожесточенные избиением Римлян в Генабе и перенесенными трудами, наши воины не щадили ни дряхлых старцев, ни женщин, ни детей. Таким образом, из сорока тысяч защитников города спаслось не более восьмисот; они бежали в самом начале нападения и благополучно достигли лагеря Верцингеторикса. Была уже совершенная ночь, когда они пришли, и Верцингеторикс велел принять их без шума, опасаясь, как бы сострадание и жалость к ним не причинили какого-либо волнения. Он в некотором отдалении от лагеря расставил своих приближенных и старейшин разных племен, приказав им, чтобы они разделили беглецов и каждого отвели в ту часть лагеря, где находились его одноплеменники.

29. На следующий день Верцингеторикс в народном собрании утешал своих соотечественников и убеждал их не унывать



Римский легионер

духом и не смущаться постигшей их потерей: «Победу Римлян надобно приписать не их доблести и мужеству, но разным хитростям и знанию осадного искусства, в котором они, Галлы, еще не приобрели опытности. Тщетно и безрассудно было бы от войны ждать одних успехов. Что же касается его, то они сами могут быть свидетелями, что он был против намерения оборонять Аварик. А если он теперь потерян, то этому причиной неблагоразумие Битуригов и излишняя уступчивость прочих Галлов; впрочем, потерю эту он постарается вскоре загладить блестящими успехами. Племена Галльские, доселе еще не примкнувшие к общему их делу, благодаря его усилиям вскоре к нему присоединятся, и образуется общий союз всех Галлов, против которого на всем земном шаре никто устоять не сможет, и это вскоре уже приведется в исполнение. Впрочем, нелишним считает он для общего блага убедить их укреплять лагери, чтобы быть в состоянии выдерживать внезапные нападения неприятеля».

30. Речь эта произвела на Галлов благоприятное впечатление: особенно им понравилось, что после такого урока Верцингеторикс не прятался от народа и не боялся ему показаться. Напротив, Галлы получили еще более уважения к благоразумию и предусмотрительности Верцингеторикса, подавшего совет в то время, когда Аварик был цел, сперва его сжечь, а потом оставить, таким образом, потери, обыкновенно служащие к уменьшению влияния полководца на его воинов, в этом случае имели совершенно противоположное действие: влияние Верцингеторикса на Галлов после понесенной им потери росло с каждым днем; они льстились поданной им надеждой, что и прочие племена Галлии присоединятся к ним с этого времени. Галлы начали укреплять свои лагери, и до того они были воодушевлены, что, несмотря на непривычный для них труд, в полной готовности и совершенном послушании исполняли все, что им было приказано.

31. Верцингеторикс действительно употреблял все усилия, чтобы присоединить к себе прочие племена Галлии; он старался их старейшин прельстить подарками и обещаниями, а для этой

цели он употреблял людей ловких, умевших и говорить красноречиво, и вкрадываться в дружбу. Ушедших из Аварика Верцингеторикс одел и вооружил, а для пополнения убыли в войсках предписал подвластным ему племенам выставить к назначенному сроку определенное количество воинов; всех стрелков, коими Галлия весьма обильна, он велел собрать и ему представить. Такими мерами урон, понесенный в Аварике, вскоре был восполнен. Между тем Тевтомат, сын Олловикона, царь Нитиобригов, отец которого удостоился получить от нашего Сената название друга, привел к Верцингеториксу многочисленную конницу, набранную им в Аквитании.

32. Цезарь долгое время пробыл в Аварике; найдя здесь огромные запасы хлеба и прочих припасов, он давал войску отдохнуть и опомниться от перенесенных им трудов и лишений. Зима уже почти окончилась, подходило время, благоприятное для ведения военных действий; Цезарь намеревался отыскать неприятеля и попытаться выманить его из лесов и болот или обложить его там осадой. В это время к нему прибыли послы Эдуев с просьбой употребить свое посредство в крайне нужном случае: «Внутренние дела их находятся в весьма опасном положении. Издревле ежегодно избирается у них лицо, которое облачается на год царской властью. Ныне же таких сановников у них два, и каждый убежден, что он-то и выбран по закону. Один — Конвиктолитан, достойный молодой человек знатного рода; другой — Кот, весьма древнего происхождения, с большим влиянием и огромной партией; в прошлом году его брат Валетиак отправлял эту должность. Вследствие такого раскола все граждане под оружием, раздор господствует в сенате и в народе; все разделилось на две враждебные партии. Если такой порядок вещей продлится, то неминуемо угрожает междоусобная война; желая это предупредить, прибегают они к благоразумию и распорядительности Цезаря».

33. Цезарь знал, как невыгодно оставить войну и уйти от неприятеля при таких обстоятельствах; но, принимая в соображение, какие дурные последствия могут быть от этих несогласий, и

опасаясь, как бы племя Эдуев, столь верное в союзе Римскому народу и всегда пользовавшееся его, Цезаря, особым расположением, не сделалось жертвой домашних насилий и несогласий и как бы партия, менее рассчитывающая на поддержку с его стороны, не призвала на помощь Верцингеторикса, решил немедленно заняться этим делом. Так как по закону Эдуев их верховные сановники не должны переходить за пределы своей области, то Цезарь, не желая ни в чем коснуться их древних прав и обычаев, решил сам ехать в землю Эдуев и пригласил их сенат и обоих соперников в Децетию. Туда собрался почти весь народ; тайно разведаль Цезарь, что Кот избран братом не в том месте и не таким образом, как надлежало; а так как закон Эдуев запрещает двум братьям при жизни их обоих не только отправлять эту должность, но даже и заседать вместе в сенате, то Цезарь принудил Кота отказаться от власти, а Конвиктолитана, избранного по закону жрецами в присутствии старейшин народа, утвердил в должности.

34. Сделав такое определение, Цезарь увещевал Эдуев покончить с их раздорами и несогласиями и обратить все внимание на ведение настоящей войны, по окончании которой и по усмирении всей Галлии они получают заслуженную ими награду. Он назначил им как можно скорее прислать к нему всю конницу и десять тысяч пеших, которых он был намерен употребить для прикрытия своему войску сообщений относительно продовольствия. Войско он разделил на две части: четыре легиона он приказал Лабиену вести в землю Арвернов к городу Герговии, следуя течению реки Элавера; часть конницы Цезарь дал Лабиену, а другую оставил при себе. Узнав об этом, Верцингеторикс, уничтожив все мосты по Элаверу, следовал за Цезарем вдоль другого берега.

35. Оба войска почти постоянно находились в виду одно у другого и лагерем располагались напротив друг друга. Неприятельские разъезды не позволяли нигде Римлянам навести мост и переправить войска. Это обстоятельство ставило Цезаря в большое затруднение: надобно было бы дожидаться за рекой большую часть лета, так как Элавер делается доступен вброд не ранее осе-

ни. Во избежание этого Цезарь расположился лагерем в лесистом месте, напротив одного из мостов, разобранных по приказанию Верцингеторикса; на следующий день он тайно остался там с двумя легионами, а прочие войска со всеми обозами, как обыкновенно, отправил и присоединил к ним несколько когорт для того, чтобы число легионов казалось все тем же. Он приказал этому войску отойти как можно дальше, и когда день уже был на исходе и войско по расчету Цезаря должно было стать лагерем, Цезарь приказал устроить мост с помощью прежних свай, нижняя часть которых была еще видна. Вскоре мост был готов, легионы перешли, и Цезарь, избрав удобное место для лагеря, вернул к себе и остальные войска. Узнав об этом и не желая быть вынужденным против воли принять сражение, Верцингеторикс длинными переходами ушел вперед.

36. Цезарь с этого места в пять переходов достиг Герговии. Здесь в тот же день произошла незначительная схватка конницы. Цезарь, осмотрев местность города, расположенного на очень высокой горе, доступ на которую был весьма труден, убедился в невозможности взять его приступом; попытаться же взять его правильной осадой он хотел не прежде, как обеспечив продовольствие для армии. Верцингеторикс расположился лагерем подле города по горе; войска каждого племени стояли, отделенные одно от другого небольшими промежутками. Возвышения горного хребта, насколько их видно было, покрыты были неприятелями: весь вид был способен внушить ужас. Старейшины из каждого племени, избранные Верцингеториксом для участия в военных советах, должны были являться к нему каждый день на рассвете для донесения о случившемся и принятия приказаний. Ни один день не проходил без того, чтобы по приказанию Верцингеторикса не происходило со стороны Галлов нападения конницы, перемешанной со стрелками; этими постоянными стычками он хотел испытать мужество и присутствие духа своих воинов. Против города у самой подошвы горы находился холм, со всех сторон отделенный и представлявший весьма крепкий пункт. Занятием его наши, казалось, могли бы сильно препятствовать неприятелю в

снабжении себя водой и в свободном пользовании пастбищами; а между тем он не очень сильно был укреплен неприятелем. А потому Цезарь ночью вышел из лагеря и выбил неприятеля из этого пункта, прежде чем могли подать ему помощь из города; в этом месте оставил он два легиона и от меньшего лагеря к большому провел двойной ров в двенадцать футов шириной, представлявший во всякое время безопасное сообщение даже для одного воина в случае внезапного нападения неприятеля.

37. Между тем как это происходит у Герговии, Эдуй Конвиктолитан, которому, как мы выше говорили, Цезарь присудил царскую власть над Эдуями, обольщен был деньгами со стороны Арвернов и вступил в заговор с несколькими молодыми людьми, первое место среди которых занимали Литовик и его братья, принадлежавшие к знатнейшему роду племени Эдуев. С ними делит Конвиктолитан полученные деньги и убеждает не забывать, что они родились вольными и для того, чтобы повелевать: «Одно племя Эдуев в настоящее время замедляет верную победу Галлов; глядя на него, прочие племена еще остаются в повиновении Римлянам. Если же Эдуи восстанут, то Римлянам невозможно будет держаться в Галлии. Хотя Цезарь и оказал ему некоторым образом свое расположение, но в таком деле, где вся правда и так была на его стороне. Впрочем, дело общей свободы для него всего дороже. Да и почему Эдуи в своих правах и законах отдаются на суд Цезарю? Почему же Римляне не приходят к ним за тем же?» Нетрудно было молодежи увлечься и примером начальника, и соблазном денежной награды; они даже взяли на себя приведение в исполнение этого замысла. Нужно было только найти предлог к восстанию, без чего трудно было увлечь воинов и большинство народа. Определили вверить Литовику начальство над теми десятью тысячами человек, которых назначили послать к Цезарю, и поручить ему вести их; а братья Литовика должны были ехать вперед к Цезарю. Дальнейший образ действия также назначили.

38. Литовик, получив войско и находясь уже от Герговии не более как в 30 милях, созвал вдруг воинов и со слезами на глазах

стал им говорить: «Куда мы идем, товарищи? Вся наша конница, все лучшие роды погибли; старейшины племени нашего, Эпоредорикс и Виридомар, обвиненные в измене, умерщвлены Римлянами, не быв выслушаны. Об этом узнать вы можете от тех, кто от избиения нашел спасение лишь в бегстве; я же, потеряв братьев и всех родных, от горя не могу вам передать подробности того, что случилось». Вывели людей, были которые научены, что им отвечать; они подтвердили войску все то, что сказал Литовик: «Все всадники Эдуйские умерщвлены за то, что будто бы они имели свидание с Арвернами; они же скрылись в многолюдстве и таким образом спаслись от верной смерти». Эдуи выразили кликами свое негодование, умоляя Литовика принять меры к их общей безопасности. «Нужно ли еще дальнейшее размышление? — сказал Литовик. — Нам следует идти к Герговии и соединиться с Арвернами. Усомнимся ли мы, что Римляне, раз решившись на столь великое злодеяние, устремятся и на нашу гибель? Итак, если еще есть в нас остаток мужества, то отомстим за смерть соотечественников наших, погибших предательским образом, и умертвим этих разбойников». Тут он указал на граждан Римских, находившихся, в надежде на верность Эдуев, при их воинстве. Немедленно был предан разграблению значительный обоз хлеба и прочих припасов; Римляне, при нем находившиеся, погибли в жестоких мучениях. Он разослал гонцов по всей области Эдуев с известием о мнимом избиении всадников и старейшин, убеждая всех последовать его примеру и устремиться на отмщение за кровавую обиду.

39. В числе Эдуйских всадников находились двое молодых людей, нарочно вызванные Цезарем: Эпоредорикс, знаменитый родом, сильный влиянием на соотечественников, и Виридомар, равный по значению первому, но уступавший ему в отношении знатности рода; Цезарь взял его под свое покровительство по совету Дивитиака и с незначительного положения сделал одним из первых лиц среди Эдуев. У Виридомара с Эпоредориксом было постоянное соперничество в первенстве, и в междоусобии за первую должность у Эдуев один всеми силами поддерживал Конви-

ктолитана, а другой — Кота. Эпоредорикс, узнав о замысле Литовика, почти в полночь явился к Цезарю с донесением, умоляя его «не допускать, чтобы целое племя вследствие интриг молодежи отпало от союза с народом Римским; а это непременно случится, если столько тысяч Эдуев присоединится к неприятелю; их потерю и родные их не перенесут, да и для всего племени она будет весьма чувствительна».

40. Цезарь был крайне озабочен этим известием, тем более что племя Эдуев постоянно пользовалось особым его расположением. Нисколько не медля, выводит он из лагеря четыре легиона налегке (без тяжестей) и всю конницу; понимая необходимость поспешности, он не дал даже времени снять палатки; для защиты лагерей он оставил легата Г. Фабия с двумя легионами, а братьев Литовика велел захватить, но они уже успели перейти к неприятелю. Сделав наставление воинам «в течение предстоящего пути не щадить трудов», при их готовности исполнять его приказания Цезарь прошел 25 миль. Тут увидели войско Эдуев; Цезарь приказал коннице окружить их и преградить им путь, но строго запретил убивать кого-либо. Эпоредориксу же и Виридомару Цезарь велел показаться в первых рядах всадников и переговорить с их соотечественниками, которые считали их убитыми. Узнав их и убедясь таким образом в обмане со стороны Литовика, Эдуи протягивали к нам руки в знак покорности и, бросив оружие, молили только даровать им жизнь. Литовик же убежал в Герговию со своими приближенными, которые по обычаю Галлов не могут оставить своего покровителя, в каком бы отчаянном положении он ни был.

41. Цезарь отправил к Эдуям гонцов, давая им знать, что он по своему снисхождению дарует жизнь их соотечественникам, принадлежащую ему по военному праву. Дав ночью три часа на отдых войску, Цезарь двинулся назад к Герговии. На середине пути он встретил всадников, посланных к нему Фабием с известием о его весьма опасном положении: «Неприятель превосходящими силами напал на наш лагерь, сменяя постоянно утомленных лю-



Римский офицер
(легат или трибун)

дей свежими, тогда как наши изнемогали от постоянного труда и были так малочисленны, что при обширности лагерей едва могли прикрывать все свои окопы. Неприятель переранил у нас много людей, бросая огромное количество стрел и разных метательных снарядов. С нашей же стороны были употреблены с большой пользой метательные орудия. Отразив нападение, Фабий оставил только двое ворот, а прочие завалил, прибавил к валу тын и готовился на следующий день выдержать новый приступ». Узнав об этом, Цезарь благодаря усердию воинов прибыл в лагерь прежде восхода солнца.

42. В то время как это происходило у Герговии, Эдуи, поверив на слово гонцам Литовика, и не думали удостовериться в истине его показания. Одни побуждаемы были корыстолюбием, другие — раздражительностью и опрометчивостью, столь свойственными характеру здешних жителей, готовых всегда пустой слух счесть за несомненную истину. Имущество граждан Римских было предано разграблению, а сами они умерщвлены или уведены в рабство. Конвиктолитан пользовался таким расположением умов народа, стараясь раздражить его еще более и важностью совершенных злодеяний сделать возврат к умеренности невозможным. М. Аристий, трибун военный, ехал к легиону и остановился в городе Кабиллоне; Эдуи дали ему клятву, что не тронут его, и тем выманили его из города, а равно и множество купцов, собравшихся туда для торговли. На пути они напали на них и отняли все их вещи, а самих и день и ночь держали в тесной осаде. Много пало с обеих сторон, но число Эдуев, бравшихся за оружие, постоянно росло.

43. Когда же пришло к Эдуям известие, что все их воины во власти Цезаря, то они прибегли к Аристию, доказывая ему, что все случилось без согласия народа; назначали следствие насчет разграбления имущества, а имение Литовика и его братьев взяли в общественную казну; к Цезарю отправили послов для принесения их оправданий. Это было сделано ими для возвращения своих сограждан; но, опозорив себя злодействами, прельщенные

доставшеюся им частью добычи, разошедшейся по многим рукам, опасаясь возмездия за все это, они тайно составили замысел войны и посольствами склонили к ней и прочие племена. Цезарю все это было небезызвестно; тем не менее он принял Эдуйских послов самым ласковым образом: «Снисходя к неведению и легкомыслию народа, он не намерен употребить против него строгих мер и лишить Эдуев своей благосклонности». Сам же, видя, что ему угрожает восстание всей Галлии, и не желая быть окруженным, придумывал средство, как бы отойти от Герговии и все войско собрать в одно место так, чтобы отступление, сделавшееся необходимым вследствие всеобщей измены Галлов, не показалось бы бегством.

44. Пока Цезарь обдумывал это, ему, казалось, представился случай к удачному военному делу. Прибыв для осмотра работ в меньшем лагере, Цезарь заметил, что тот самый холм, который в прежние дни едва виден был из-за множества неприятелей, почти совершенно был беззащитен. Удивившись этому, Цезарь спросил о причине этого перебежчиков, стекавшихся к нему в большом количестве. Они сказали то же, что подтвердили и показания наших разъездов, а именно, что «это гористое возвышение на вершине представляет почти ровное лесистое место, довольно узкое, представляющее доступ к другой части города. За этот пункт крайне опасались неприятели; они очень хорошо знали, потеряв уже один холм, что если и другой достанется Римлянам, то они будут как бы в осаде и им невозможно будет ни выходить, ни пользоваться пастбищами; по приказанию Верцингеторикса все занялись укреплением этого пункта.

45. Узнав об этом, Цезарь среди ночи послал в то место многочисленные отряды конницы; он им приказал, чтобы они в своих разъездах делали как можно более шуму, давая о себе знать неприятелю. На рассвете он отдал приказание сложить большую часть тяжестей, находившихся в лагере, а погонщикам, дав им шлемы, велел ездить вокруг холмов; с ними было и несколько всадников,

и они, как им было приказано, захватили в своем разъезде большое пространство земли. Длинным обходом он направляет всех их к одному месту. Все эти приготовления в наших лагерях видны были из Герговии по ее возвышенному положению, но хорошенько понять, в чем дело, было невозможно. Один легион послал он к тому же холму и, дав ему немного пройти, скрыл его в низменном месте, среди лесов. Галлы, подозревая замысел Римлян напасть на этот пункт, сосредоточили туда для обороны его все войска. Цезарь, видя, что лагеря неприятелей обезлюдели, приказал своим воинам поодиночке, не показывая военных значков и скрывая по возможности их передвижение, переходить из большого лагеря в меньший; легатам же, командовавшим отдельными легионами, он предписал образ действия. Он внушает им особенно воздерживать воинов, дабы их рвение к битве или жадность к добыче не увлекли дальше, чем бы следовало, обращает их внимание на неблагоприятные условия местности, где надлежит полагаться в основном на быстроту действия и пользоваться случаем, не обращая внимания на добычу. Сделав предварительные распоряжения, Цезарь дает знак к нападению; по его приказанию в то же время Эдуи по другой дороге должны были напасть на неприятеля с правой стороны.

46. Стена города от начала покатости холма по прямому направлению, не принимая в расчет неровностей почвы, была не более как в тысяче двухстах шагах. Извилины же дороги, содействовавшие к смягчению крутизны холма, увеличивали это расстояние. Почти на середине холма, как позволяла местность, Галлами была проведена в длину каменная стена из огромных камней, в 6 футов высотой, на случай нападения с нашей стороны. Нижняя часть холма была совершенно пуста, но верхняя до самых стен города густо покрыта неприятельскими палатками. По данному знаку воины наши устремились на холм, поспешно перешли стену и овладели тройным неприятельским лагерем; быстрота их движения была такова, что Тевтомат, царь Нитиобригов, захваченный врасплох в палатке, когда он расположился на послеобеденный отдых, едва ушел от рук наших воинов, рас-

сеявшихся по лагерю для грабежа, — полунагой сверху до пояса, на раненом коне.

47. Довольствуясь приведением в исполнение задуманного им предприятия, Цезарь велел играть отбой, а значкам десятого легиона, находившегося при его особе, приказал остановиться. Воины прочих легионов не слышали звука трубы по дальнему расстоянию и с трудом удерживались по приказанию Цезаря военными трибунами и легатами. Обнадеженные удачей нападения и счастливыми сражениями прежних дней, видя неприятеля в бегстве, воины не считали никакого предприятия выше сил своих; они только тогда остановились в преследовании, когда достигли самих стен и ворот города. По всему городу поднялся крик испуга; жители, находившиеся подальше, пораженные внезапным страхом, полагая, что Римляне уже в стенах города, устремились из города. Матери семейств метали со стен одежду и серебро; обнажив груди, они протягивали руки к Римлянам с мольбой о пощаде; они боялись участи жителей Аварика, где смерти были преданы даже женщины и дети; иные, на руках спущенные со стены, отдавались нашим воинам. Л. Фабий, сотник восьмого легиона, говоривший, как позднее узнали, в этот день своим воинам, что его соблазняет добыча, ожидающая его в Аварике, и что он не допустит кому-либо первому, кроме него, взойти на стену, с помощью трех солдат взобрался на их руках на стену и, подавая оттуда руку, втащил и их с собой.

48. Между тем неприятель, устремившийся было к обороне своих укреплений с другой стороны, как мы описали это выше, слышал крики в тылу и узнал от многих беглецов, будто город в руках неприятеля. Сначала поскакала конница к городу, а за ней и все силы неприятеля: приходившие становились под стеной и ежечасно увеличивали число наших врагов. Видя множество своих, матери семейств, еще столь недавно протягивавшие со стены руки к Римлянам, распустив волосы по Галльскому обычаю, умоляли своих, вынося к ним детей, о защите. Бой для Римлян был неравный в отношении и условий местности, и чис-

ленности; утомленные быстротой движения и продолжительностью битвы, с трудом выдерживали они нападение свежих сил неприятельских.

49. Цезарь, видя, что бой невыгоден по условиям местности и что силы неприятельские все прибавляются, стал опасаться за своих. Он немедленно послал приказание к легату Т. Секстию, которому поручена была защита меньшего лагеря, вывести тотчас когорты из лагеря и поставить их у подошвы холма с правой стороны неприятеля с тем, чтобы наши в случае, если будут сбиты, нашли бы в них опору, а неприятель, опасаясь их, остановил бы преследование. Сам же он, выдвинув немного вперед свой легион, дожидался результата битвы.

50. Битва была рукопашная и упорная: неприятель полагался на выгодную позицию и численное превосходство, а наши — на свое мужество. Вдруг с нашего неприкрытого фланга показались Эдуи, посланные Цезарем с правой стороны по другой дороге, чтобы не дать соединиться неприятельским силам. Хотя у них правое плечо было обнажено — признак покорных нам племен, но воины наши считали это со стороны неприятеля военной хитростью. В это время сотник Л. Фабий и те, кто вместе с ним взшел на стену, были окружены врагами, умерщвлены, а тела их сброшены со стены. Петрей, сотник того же легиона, старался проломить ворота, но, окруженный и стесненный многочисленным неприятелем, видя смерть неизбежную — он уже получил несколько ран, — обратился к воинам своей сотни, которые за ним следовали, и сказал им: «И вам и мне вместе невозможно спастись, итак, я обеспечу вам безопасность, вам, которых подвергла опасности моя жажда к славе. А вы, пользуясь случаем, радейте о вашем спасении». Сказав это, он бросился в середину врагов, убил двух и несколько прочих оттеснил от ворот. Когда воины хотели ему помочь, то он им сказал: «Напрасно вы заботитесь о жизни моей, человека, которому уже изменяют кровь и силы. Уходите отсюда, пока есть возможность, и спешите к своему легиону». Сражаясь, он вскоре погиб, но своим доставил возможность спастись.

51. Наши, теснимые со всех сторон, потеряв 46 сотников, были сброшены с занятой ими позиции; жаркое преследование Галлов остановил десятый легион, расположенный для вспоможения на месте, более ровном; а его подкрепили когорты тринадцатого легиона, легатом Т. Секстием выведенные из меньшего лагеря и занявшие более возвышенное место. Легионы, как только достигли ровного места, остановились и обернули значки к неприятелю. Верцингеторикс от подошвы холма возвратил своих в укрепление; в этот день мы лишились немного менее 700 человек воинов.

52. На следующий день Цезарь в собрании воинов упрекал их за самонадеянность и алчность: «Они сами себе предписывали, как поступать и где остановиться; слыша сигнал военачальника, не остановились и не могли быть удержаны ни трибунами военными, ни легатами. Им внушено было, что значит неблагоприятная местность, что испытал и он сам (Цезарь) у Аварика, где хотя неприятель и был захвачен без конницы и полководца, однако он (Цезарь) не решился и на верную, судя по видимому, победу, чтобы не понести и малого урону вследствие невыгодных условий местности. Отдавая должную дань похвалы и удивления мужеству тех, кого не могли остановить ни укрепления лагеря, ни высота горы, ни стены города, однако не может не осудить их своевольства и дерзости, что они сочли себя вправе лучше его, главного начальника, судить и о победе, и о ходе событий. В войне послушание, умеренность и скромность для него столько же дороги, сколько храбрость и присутствие духа».

53. В заключение речи Цезарь счел нужным ободрить воинов: «Дабы они не смущались духом о том, что случилось, и урон, который потерпели от неблагоприятной местности, не приписывали доблести неприятелей». Исполняя давно задуманный план отступления, Цезарь вывел войска из лагеря и в удобном месте выстроил их в боевом порядке. Верцингеторикс, однако, не решился спуститься в равнину и, ограничившись схваткой конницы, закончившейся благоприятно для Галлов, удержал войска в лагере. Цезарь и на следующий день предлагал бой неприятелю,

и полагая, что он достиг цели, то есть убавил самонадеянности у Галлов и ободрил мужество своих воинов, двинулся в область Эдуев. Неприятель и тут не преследовал его; на третий день Цезарь достиг реки Элавера, исправил на ней мост и переправил войско.

54. Тут Цезарь узнал от Эдуев, Виридомара и Эпоредорикса, что Литовик со всей конницей отправился склонять Эдуев к восстанию; они представили Цезарю, что и им необходимо ехать разуверить своих соотечественников. Цезарь по многим обстоятельствам подозревал коварство Эдуев и догадывался, что удаление Виридомара и Эпоредорикса только ускорит отпадение их племени, но не стал их удерживать, не желая ни оскорбить их явным подозрением, ни обнаружить перед ними робости. Когда они отъезжали, то Цезарь только счел за нужное вкратце напомнить им свои в отношении к ним благодеяния: «В униженном состоянии были они при его приезде в Галлию; лишённые большей части земель и пожитков, они были согнаны в города, вынуждены платить дань и к величайшему унижению давать заложников. Теперь же они поставлены на такую степень могущества и славы, что не только получили все, что потеряли, но и далеко превзошли все, чего только могли ожидать сравнительно с прежним». Внушив им это все, Цезарь отпустил их от себя.

55. Город Эдуев Новиодун¹ лежит на берегу Лигера, на весьма удобном месте; здесь Цезарь собрал всех Галльских заложников, большие запасы хлеба, общественную казну, значительную часть собственного и войскового обоза; туда же отправил он большое количество лошадей, закупленных для этой войны в Италии и Испании. Прибыв туда, Эпоредорикс и Виридомар расспрашивали о состоянии общественных дел и узнали, что Эдуи впустили Литовика в Бибракт², один из важнейших у них городов, что к

¹ Ныне Невер (Nevers).

² Ныне Отюн (Autun).



Римский центурион

нему туда прибыли Конвиктолитан и большая часть старейшин сената и что с общего согласия уже отправлены к Верцингеториксу послы с предложением мира и дружественного союза. При таком положении дел они и сами хотели воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Избив Новиодунский гарнизон и всех Римлян, бывших там проездом или для торговли, они деньги и лошадей поделили между собой, заложников Галльских племен отправили в Бибракт к старейшинам, а город, находясь в невозможности защищать и не желая, чтобы он достался Римлянам, предали пламени; часть хлеба, сколько могли захватить с собой, увезли на лодках, а остальное побросали в реку или сожгли. Сами они набирали войско по соседним местам, располагали отряды по берегам реки Лигера и повсюду показывались с конницей, желая вселить робость в Римлянах, замышляя отрезать им подвозы съестных припасов и нуждой изгнать их из Галлии. В этой надежде их особенно поддерживало то, что Лигер очень наполнился водой от таяния снегов до того, что вброд его вовсе невозможно было перейти.

56. Узнав об этом, Цезарь видел необходимость поспешности; нужно было стараться во что бы то ни стало навести мосты и принудить неприятеля к сражению, не дав сосредоточиться всем его силам. Оставив свой план военных действий, возвратиться в Провинцию — и самое чувство страха нашло бы неблагоприятным. Не говоря уже о позоре такого поступка, гора Цевеннская на дороге представляла насчет пути величайшие затруднения, тем более что отсутствие Лабiena и вверенных ему легионов внушало опасение. Таким образом, с величайшей поспешностью совершая и днем и ночью огромные переходы, Цезарь, против ожидания врагов, достиг Лигера. Здесь конница нашла довольно удобный брод, так что при переходе плечи и руки воинов не были в воде и могли нести оружие; конница была расставлена в воде, чтобы ослабить быстрину течения и внушить страх неприятелю; войско наше таким образом перешло реку без потерь. Найдя хлеб на полях и большое количество скота, Цезарь снабдил войско всем нужным и вознамерился идти в землю Сенонов.

57. Между тем как описанное выше происходило в войске Цезаря, Лабиен резерв, только что прибывший из Италии, оставил в Агендике для оберегания обоза, а сам с четырьмя легионами отправился в Лютецию, город Паризиев, расположенный на острове реки Секваны¹. Узнав о его прибытии, неприятель собрал значительные силы из соседних племен. Главное начальство было вверено Авлерку Камулогену; дряхлый старик, он удостоился этой чести по отличительному знанию военного дела. Обратив внимание на существование большого болота, имевшего сток в Секвану и служившего естественной защитой этого места, Камулоген тут расположился лагерем и вознамерился воспрепятствовать нашим в переправе.

58. Лабиен сначала пробовал употребить машины, делал насыпи и гати в болоте, стараясь проложить себе по нему путь. Видя же трудность этого предприятия, он без шума в третью стражу ночи вышел из лагеря и той же, какой шел сюда, дорогой достиг Мелодуна², города Секванов, расположенного на острове реки, как мы сказали и о Лютеции. Здесь Лабиен захватил около 50 судов; собрав их поспешно и посадив на них воинов, Лабиен без сопротивления овладел городом, тем более что жители пришли в ужас от неожиданности нападения и большей частью неохотно взяли за оружие. Исправив мост, за несколько дней перед тем разломанный неприятелем, Лабиен перевел по нему войско и вдоль по течению Сены двинулся к Лютеции. Неприятель, узнав о случившемся от бежавших жителей Мелодуна, предал огню Лютецию и разломал ведущие к ней мосты; войско же его под защитой болота было расположено на берегах Сены, напротив Лютеции и Лабиенова лагеря.

59. Тут пришло известие об отступлении Цезаря от Герговии, об измене Эдуев и о вторичном вооружении всей Галлии. Распространился слух, который Галлы передавали друг другу на

¹ Ныне Сена, а Лютеция — нынешний Париж.

² Мелюн (Melun).

сходках, будто Цезарь, отрезанный от Лигера и ото всех дорог, вынужден был из-за недостатка съестных припасов отступить в Провинцию. Со своей стороны Белловаки, постоянно к нам враждебные, узнав о восстании Эдуев, стали собирать войска и явно готовиться к войне. Видя перемену обстоятельств, Лабиен понимал необходимость изменить и свои намерения. Теперь уже он добивался не того, чтобы что-нибудь приобрести или вынудить неприятеля к бою, а старался об одном только, как бы войско без потерь привести в Агендик. С одной стороны угрожали Белловаки, народ, считающийся храбрейшим в Галлии; с другой — стоял Камулоген с сильным и готовым к бой войском. Легионы были отделены от обозов и резерва, а глубокая река разделяла их силы и препятствовала им действовать вместе. Среди таких затруднений, возникших внезапно, можно было надеяться на помощь только от великого присутствия духа и твердости.

60. Таким образом Лабиен, созвав совет к вечеру, сделал наставление воинам — исполнять его приказания в точности и тщательно, а суда, приведенные из Мелодуна, роздал всадникам Римским и приказал им в конце первой стражи ночи плыть в молчании по реке четыре мили и там его дожидаться. Четыре когорты, не столь надежные для боя, Лабиен оставил защищать лагерь, а прочим пяти когортам того же легиона Лабиен приказал со всем обозом отправиться в поход против течения реки как можно с большим шумом. Найденные несколько лодок он отправил туда же, наказав производить веслами как можно больше шума. А сам Лабиен немного спустя вышел в тишине с тремя легионами и отправился к тому месту, к которому велел причалить судам.

61. Когда наши туда прибыли, то без труда схватили неприятельские разъезды, находившиеся по всему берегу и тем более не ожидавшие нападения, что в это время случилась сильная буря; наше войско, и пешее, и конное, поспешно было перевезено при содействии Римских всадников, коим это дело было поручено. На рассвете почти в одно и то же время неприятель получил известие и о необыкновенной суматохе в лагере Римлян, и о том,

что главная их масса движется по направлению против течения реки, что в той же стороне слышен шум весел, а немного ниже воины переправляются на судах. Услыхав об этом, Галлы предположили, что легионы наши переходят реку в трех местах и, смущенные отпадением Эдуев, собираются бежать; а потому они и свои силы разделили на три части. Отряд оставили напротив нашего лагеря для наблюдения; небольшой отряд отправили по направлению к Метиоседу, приказав ему следовать за движением наших судов; а прочие войска повели против Лабiena.

62. На рассвете уже наши все войска были перевезены на ту сторону, когда показалось неприятельское войско. Лабием сделал увещание своим воинам, «чтобы они живо помнили прежнюю доблесть и всегдашние успехи на войне и чтобы они сражались так, как если бы тут присутствовал сам Цезарь, под предводительством которого они столько раз побеждали врагов». Затем Лабием дал знак к битве. При первом натиске наше правое крыло, где находился седьмой легион, обратило неприятеля в бегство; на левом же, где стоял двенадцатый легион, хотя первые ряды неприятелей пали, пронзенные дротиками, но прочие оказывали самое упорное сопротивление, и никто и не помышлял о бегстве. Тут находился сам военачальник неприятельский Камулоген и ободрял своих. Победа и тут казалась еще нерешенной, когда трибуны седьмого легиона, узнав о том, что происходит на левом крыле, двинули свой легион в тыл неприятеля и стали наступать на него. Но и тут ни один из неприятелей не оставил своего поста; окруженные, они были перебиты все до последнего; той же участи подвергся и сам Камулоген. Неприятельский отряд, находившийся против Лабиенова лагеря, услыхав о том, что завязалось сражение, двинулся на помощь своим и занял было холм, но не устоял против первого натиска наших победоносных воинов. Смешавшись с толпами своих же беглецов, не находивших защиты ни в лесах, ни в горах, они перебиты нашей конницей. Окончив это дело, Лабием возвратился в Агендик, где находились обозы всей его армии, а оттуда со всеми войсками пришел к Цезарю.

63. Известие об измене Эдуев дало войне новую пищу. Во все стороны отправляются посольства. Эдуи все свое влияние, могущество и деньги употребляют на то, чтобы и прочие Галльские племена заставить следовать своему примеру. Получив в свои руки заложников, оставленных у них Цезарем, они запугивают казнью робких и нерешительных. Эдуи требуют от Верцингеторикса, чтобы он явился к ним и вел бы войну с общего с ними совета. Когда это их желание было исполнено, они потребовали, чтобы главная власть была вверена им. По этому предмету возник спор, и для решения его был назначен общий съезд всей Галлии в Бибракте. Во множестве стеклись туда Галлы со всех сторон, дело предоставлено решить большинством голосов всего народа; все единогласно избирают главным начальником Верцингеторикса. В этом сейме всех Галльских племен не участвовали только Ремы, Лингоны и Тревиры: первые два племени оставались верными союзу с Римлянами; Тревиры — по отдаленности жилищ и отражая нападения теснивших их Германцев; по этой причине они не принимали никакого участия в войне и не помогали ни той ни другой стороне. К крайнему своему огорчению Эдуи поняли, что лишились старейшинства; они жаловались на перемену счастья и с сожалением вспоминали о расположении к ним Цезаря. Впрочем, взявшись за оружие, Эдуи не дерзают отстать от общего союза. С большой неохотой молодые люди Виридомар и Эпоредорикс, питавшие самые честолюбивые надежды, повиновались Верцингеториксу.

64. Он предписывает прочим племенам выставить заложников и назначает для этого известный срок. К тому же времени он приказывает явиться всей коннице числом в пятнадцать тысяч человек. Тут он сказал, «что пехоты ему достаточно, сколько у него есть; что он не будет пытаться счастья и не решится на сражение. Имея сильную конницу, ему весьма легко воспрепятствовать Римскому войску снабжаться хлебом и фуражом. Лишь бы только сами Галлы равнодушно истребляли свой хлеб и жгли селения; небольшая потеря частных лиц послужит к прочному торжеству их свободы». Распорядившись таким образом, Верцингеторикс

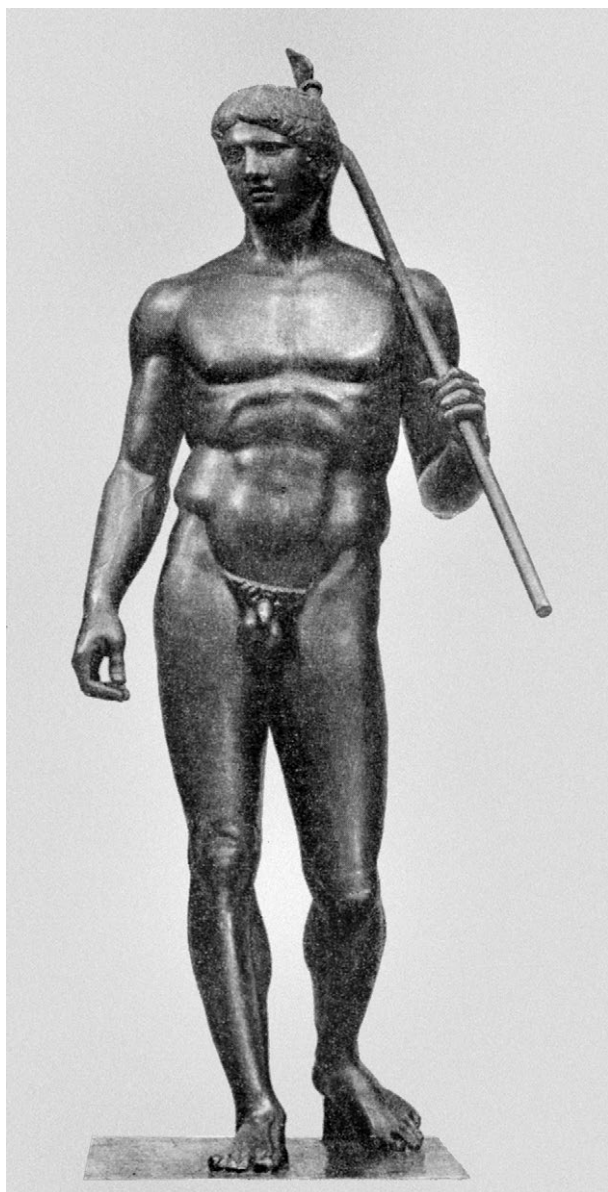
приказал Эдуям и Сегузианам, самым ближайшим к нашей Провинции племенам, выставить десять тысяч пеших; он присоединил к ним 800 всадников и начальство над ними вверил брату Эпоредорикса, приказав ему идти войной на Аллоброгов. Он поручил Габалам и ближайшим родам Арвернов опустошать с другой стороны земли Гельвиев, а Рутенам и Кадуркам — земли Вольков-Арекомиков. Тайными посольствами к Аллоброгам Верцингеторикс пытался и их привлечь на свою сторону, полагая, что у них еще не изгладилось воспоминание о недавней войне; он сулил их старейшинам деньги, а народу — власть над всеми землями Провинции.

65. На всякий случай здесь было приготовлено для отражения неприятеля войско из 22 когорт, набранных в Провинции. Легат Л. Цезарь выставлял их против неприятеля везде, где нужно было. Гельвии, приняв легкомысленно сражение с соседями, были разбиты; их старейшина Г. Валерий Донотавр, сын Кабура, и многие другие убиты, а прочие вынуждены искать спасения в стенах городов. Аллоброги, покрыв берега Роны частыми своими отрядами, с большим усердием и старанием защищали свои пределы. Цезарь, зная о численном превосходстве неприятельской конницы и о том, что он не может получить подкрепления из Провинции и Италии, так как все пути туда были преграждены, послал в Германию к племенам, в прошлом году изъявившим покорность, и привел от них и конницу, и легковооруженных пеших, привыкших сражаться среди конницы. Когда они прибыли, то Цезарь, видя, что лошади у них плохи и к делу неспособны, отобрал коней не только у военных трибунов и у прочих, но и у всадников Римских и волонтеров и разделил их между Германцами.

66. Пока это происходило, к неприятелю пришли вспомогательное войско из Арвернов и конница, выставленная всеми племенами Галлии; таким образом у неприятеля собрались значительные силы. Видя, что Цезарь направляет путь в землю Секванов по краю области Лингонов с целью быть в состоянии подать Провинции руку помощи, Верцингеторикс остановился в десяти

милях от Римлян тройным лагерем. Собрав на совет начальников конницы, он им сказал: «Ударил час победы! Римляне бегут в Провинцию и оставляют Галлию. Это событие в настоящее время достаточно обеспечивает им независимость, но в будущем представляет мало ручательств к прочному миру и спокойствию. Римляне явятся с новыми и большими силами и не положат войне конца. А потому надобно напасть на них на походе. Если пешее войско будет защищать своих, то дальнейшее движение для него невозможно. Если же, чего он ждет наверное, Римляне, оставив тяжести, будут только стараться спасти свою жизнь, то они вместе с тем утратят и необходимые для них вещи, и последнее значение. Что касается неприятельских всадников, то они должны быть убеждены, что ни один из них и не решится показаться из-за прикрывающей пехоты. А чтобы лучше обнадежить своих, он все свои войска выведет из лагеря, страшая ими неприятеля». Галльские всадники воскликнули: «Самой священной клятвой надлежит обязать всех, дабы не дерзал входить под кровлю и иметь доступ к детям, родителям и жене тот, кто не проскачет два раза сквозь весь строй неприятельский!»

67. Предложение это приняли с общим одобрением, и все дали присягу. На другой день Верцингеторикс разделил свою конницу на три части: две показались у Римлян с флангов, а третья спереди начала преграждать им путь. Получив об этом известие, Цезарь отдал приказание и своей коннице идти на неприятеля; он разделил ее также на три части. Сражение завязалось разом на всех пунктах; ряды наших воинов остановились, тяжести были приняты в середину легионов. Если где-либо наши, сильно теснимые неприятелем, начинали уступать, то Цезарь приказывал туда идти пехоте; она останавливала преследование неприятеля и вместе служила опорой для своей конницы. Наконец, Германцы на правом фланге овладели возвышенностью и сбили неприятеля; они преследовали его до реки, у которой стоял Верцингеторикс с пешими войсками, и многих убили. Видя это, неприятель и на прочих пунктах опасался быть окруженным и обратился в бегство; везде его гнали и избивали. Три знатных Эдуа были захвачены



Дорифор (копьеносец).
Поликлет

и приведены к Цезарю: Кот, начальник конницы, недавно имевший спор с Конвиктолитаном о старейшинстве, Каварилл, после измены Литовика командовавший пешими войсками, и Эпоредорикс, под предводительством которого до прибытия Цезаря Эдуи вели войну с Секванами.

68. Видя всеобщее бегство конницы, Верцингеторикс отвел свои войска, которые он расположил было перед лагерем, назад и тотчас направил путь к Алезии, городу Мандубиев; немедленно приказал он обозы вывезти из лагеря и следовать за собой. Цезарь же обоз свой оставил на ближайшем холме под прикрытием двух легионов и преследовал неприятеля до самого вечера. Убив у неприятеля в задних рядах около пяти тысяч человек, Цезарь на следующий день стал лагерем под стенами Алезии. Осмотрев местоположение города и надеясь воспользоваться ужасом неприятеля вследствие поражения его конницы, на которую он главным образом рассчитывал, Цезарь увещевал воинов усердно приняться за дело и замыслил всю Алезию окружить окопами.

69. Город расположен был на вершине холма, на весьма высоком месте, так что взять его можно было не иначе, как правильной осадой. Подошву этого холма с двух сторон омывала река; перед городом расстилалась равнина мили на три в длину; с прочих сторон город окружен был холмами почти равной вышины, отделенными один от другого небольшими промежутками. Под стенами города, на части холма, обращенной к востоку, расположилось Галльское войско, окружив свой лагерь рвом и стеной в 6 футов высотой. Таким образом, Римлянам надлежало вокруг всего этого вести окопы на 11 миль в окружности. Лагерь наш был расположен на удобном месте и укреплен 23 крепостцами: даже днем в них стояли караулы на случай вылазки, а ночью там постоянно были часовые и находились сильные отряды.

70. Работы были окончены, когда завязалось сражение конницы на равнине, которая, как мы выше упомянули, перерезанная холмами, тянется в длину на три мили. Бой был самый упорный

с обеих сторон. Видя, что наши готовы уступить, Цезарь послал им на помощь Германцев и поставил легионы в боевом порядке перед лагерями на случай нечаянного нападения неприятельской пехоты. Видя содействие легионов, наши ободрились, а неприятель был обращен в бегство и тут сам себе повредил многочисленностью, стеснившись в воротах, весьма узких. Германцы горячо гнались за неприятелем до самих укреплений и множество людей у него перебили; иные, спешившись, пытались перейти ров и взобраться на стену. Цезарь выдвинул немного вперед легионы, расположенные перед лагерем. Галлы, находившиеся в своем укреплении, пришли в смятение, ожидая к себе приступа, а иные в ужасе бросились в город. Верцингеторикс приказывает запереть ворота, опасаясь, как бы не опустел лагерь. Перебив множество неприятелей и овладев значительным количеством коней, Германцы возвратились обратно.

71. Верцингеторикс принял намерение ночью отослать от себя всю конницу, прежде чем Римляне приведут к концу свои окопы. Отсылая, он дал поручение своим, «чтобы каждый, возвратясь к своему племени, убеждал всех способных носить оружие идти на войну. Он выставил им на вид свои в отношении к ним заслуги и заклинал их позаботиться о его спасении и не допустить, чтобы он достался врагу на мучения за свои заслуги делу общей свободы. Если же Галлы не приложат об этом старания, то пусть они не забудут, что с ним вместе погибли 80 000 человек отборного войска. По его соображению, у него хлеба едва достанет на тридцать дней; впрочем, с умеренностью может еще протянуть несколько времени». Сделав эти распоряжения, он без шума во вторую стражу ночи отпустил конницу тем местом, где наши окопы еще не были довершены. Он приказывает весь хлеб принести к нему, угрожая смертной казнью ослушнику; скот, в большом количестве пригнанный Мандубиями, он роздал воинам, сколько пришлось на каждого. Хлеб он распорядился выдавать бережливо и понемногу. Войска, которые были расположены перед городом, ввел в него. Тут он решил дожидаться помощи Галлов и отсюда вести с нами войну.

72. Получив сведения об этом от перебежчиков и пленных, Цезарь распорядился сделать укрепления такого рода: сначала провели они ров в 20 футов шириной с отвесными стенками так, что он имел одинаковые размеры внизу и вверх. Прочие укрепления были проведены в 600 футах позади этого рва. Это было сделано с той целью, что поскольку при обширности укреплений трудно было на всех пунктах защищать их воинами, то и нужно было сделать преграду ночным вылазкам неприятеля против наших укреплений и воспрепятствовать ему метанием стрел вредить нашим воинам, занятым работой на укреплениях. Итак, в означенном расстоянии были проведены два рва, каждый в 15 футов ширины и такой же глубины; в ровных и низких местах рвы были наполнены водой, проведенной из реки. Позади рвов была сделана насыпь в 12 футов шириной и высотой; укрепленная бруствером с зубцами, она представляла в тех местах, где бруствер соединялся с валом, крепкие отводы с целью воспрепятствовать неприятелю взобраться на вал. Вся линия укреплений была прикрыта башнями на расстоянии 80 футов одна от другой.

73. В одно и то же время надлежало Цезарю доставать и материал для укреплений, и хлеб для прокормления войска и производить тяжкие работы, отделив значительное число людей, которые должны были для вышеозначенного отлучаться далеко от лагеря. Несколько раз Галлы нападали на наши укрепления и пытались всеми силами делать вылазки из многих городских ворот сразу. И потому Цезарь счел нужным еще более усилить укрепления, дабы иметь возможность защищать их меньшим количеством воинов. Для этой цели он приказал нарубить деревьев и, очистив на них некрепкие сучья, велел вершины их заострить; потом вырыт был ров в пять футов глубиной, в который эти деревья опускались и внизу укреплялись так, чтобы их вырвать невозможно было, а их заостренные сучья выдавались наружу. Они были поставлены в пять рядов и между собой переплетены так, что кто попытался бы проникнуть внутрь, очутился бы в лесу заостренных сучьев; мы называли это *гроздьями* (*сирпус*). Перед ними наискось расположены были ямы, вырытые в глубину на три фута; книзу они

суживались мало-помалу; туда были опущены обтесанные колья толщиной в ногу, заостренные и обожженные сверху; они были врыты в землю так, что выдавались из нее не более чем на 4 вершка; для большей крепости и прочности земля около них была крепко утоптана. Сверху эти ямы для большего обмана неприятеля были прикрыты хворостом и травой. В восемь рядов были проведены эти ямы, на расстоянии трех футов одна от другой; они названы *лилиями* за сходство с этим цветком. Перед ними были врыты в землю целиком колья с железными остриями; они были рассеяны по всем местам на небольшом расстоянии друг от друга и носили название *жал*.

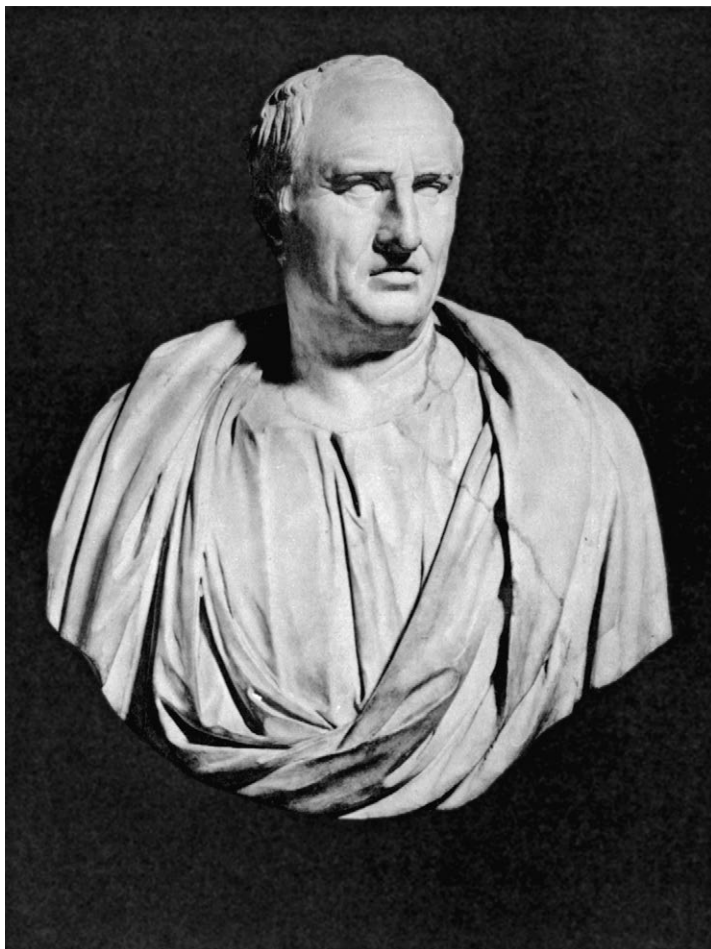
74. Когда все эти работы были окончены, причем для произведения их местность выбиралась как можно более ровная, то они обняли собой пространство в четырнадцать миль. Точно такие же укрепления были сделаны Цезарем и с другой стороны на случай нападения неприятеля извне. Таким образом, никакие силы, как бы они ни были велики, не могли и в случае отсутствия Цезаря одолеть защищавший укрепления гарнизон Римский. А чтобы воины, выходя из лагеря, не подвергались постоянно опасности, Цезарь приказал всем заготовить хлеба и фуража на 30 дней.

75. Пока это происходило под Алезией, Галлы собрали совет старейшин и на нем постановили вместо поголовного ополчения, как приказал было Верцингеторикс, каждому племени выставить известное количество воинов; это было сделано в предупреждение замешательства и беспорядка, неизбежных при таком многолюдстве, и по невозможности принять меры к снабжению его провиантом. Эдуям и племенам, от них зависящим, Сегузиянам, Амбиваретам, Авлеркам, Бранновикам, Бранновиям, положено выставить 35 тысяч человек. Столько же — Арвернам вместе с Элевтетами Кадурками, Габалами и Велавнами, племенами, признающими над собой господство Арвернов. Сенонам, Секванам, Битуригам, Сантонам, Рутенам и Карнутах — 12 тысяч; Белло-вакам 10 тысяч, столько же Лемовикам. По восемь тысяч человек должны были выставить Пиктоны, Туроны, Паризии и Гельвии.

Суессоны, Амбианы, Медиоматрики, Петрокории, Нервии, Морины, Нитиобриги — по пять тысяч; Авлерки Ценоманы столько же, Атребаты — 4 тысячи; Беллокасы, Лексовии, Авлерки Эбуроны — по три тысячи; Раураки и Бойи — 30 тысяч. Все племена, живущие по берегам Океана и у Галлов носящие название Армориков — к этому числу принадлежат Куриосолиты, Редоны, Амбибары, Калеты, Озизмии, Лемовики, Венеты и Унеллы, — шесть тысяч. Из этого числа Беллоаки не дали положенного с них числа воинов; они сказали, что будут вести войну с Римлянами сами по себе, не признавая ничьей над собой власти; впрочем, по просьбе Коммия, с которым они водили хлеб-соль, они дали две тысячи человек.

76. Это был тот самый Коммий, которого верность и услуги, как изложено нами выше, были еще недавно так полезны Цезарю в Британии; в награду за них Цезарь освободил племя, к которому принадлежал Коммий, от всяких даней и повинностей, возвратил им пользование их законами и правами и отдал в их господство Моринов. Впрочем, Галлия так единодушно восстала в защиту своей вольности и старинной воинской славы, что забыла все благодеяния, все отношения дружбы; все внимание и силы обратила она на войну и собрала войско из 8000 человек конницы и двухсот сорока тысяч пеших. Собрали войско и сделали смотр ему в земле Эдуев, там же назначили главных начальников: верховную власть вверили Атребату Коммию, Эдуям Виридомару и Эпоредориксу, Арверну Вергазилавну, двоюродному брату Верцингеторикса. С ними вместе назначили отборных людей из каждого племени, с общего совета которых надлежало вести войну. Поспешно, полные надежды на успех, Галлы двинулись к Алезии. Они были убеждены, что самый вид их многочисленности может обратить неприятеля в бегство; особенно рассчитывали они на то, что, когда будет из города вылазка, в то же время с другой стороны покажутся огромные массы их кавалерии и пехоты.

77. Между тем Галлы, осажденные в Алезии, видели, что день, назначенный для их выручки, миновал; провиант подходил к



Марк Тулий Цицерон.
Римская скульптура середины I в. до н.э.

концу, о том же, что происходило в земле Эдуев, они не имели сведений. Собран был совет для рассуждения о том, как поступить в столь крайнем случае. Мнения, здесь поданные, были разнообразны; одни советовали сдаться, другие — прорваться через укрепления Римлян, пока еще есть избыток сил; но особенно заслуживает упоминания речь Критогната, дышащая каким-то диким и зверским ожесточением. Этот муж, по происхождению один из знатнейших Арвернов и пользовавшийся большим влиянием на своих соотечественников, сказал следующее: «Не стану и говорить о мнении тех, которые постыднейшее рабство предлагают вам, украшая его именем покорности; эти люди недостойны носить имя граждан и не должны бы иметь доступа здесь, в нашем совете. Хочу поговорить с вами о мнении тех, которые советуют вам вылазку; все вы сознаете, что мнение это, по-видимому, внушено чувством древней нашей воинской доблести. Признак изнеженности и слабости духа — не быть в состоянии долго терпеть нужду. Скорее найдешь людей, которые добровольно подвергнутся опасности смерти, чем таких, которые в состоянии терпеливо выносить страдания в течение долгого времени. Но я одобрил бы это мнение (сочувствуя сам по себе тому, сколько оно показывает величие духа), если бы дело только шло об утрате собственно нашей жизни; но, принимая наше решение, мы должны помнить об участи всей Галлии, которую мы призвали к себе на помощь. Если в одном месте погибнут восемьдесят тысяч человек, то с каким духом должны будут наши единокровные и близкие сражаться, можно сказать, на самых наших трупах? Итак, не лишайте же преждевременно вашего содействия тех, которые для спасения вашего решились сами подвергнуться опасности. Берегитесь, как бы ваши неблагоразумие и опрометчивость, с одной стороны, и слабость духа — с другой, не были причиной падения и порабощения вечного всей Галлии. Если ваши соотечественники не явились в срок, то достаточно ли этого, чтобы усомниться в их верности и постоянстве? Что же еще? Неужели вы думаете, что Римляне только для собственного ободрения ежедневно занимаются возведением укреплений от поля? Так как по случаю преграждения вам всех путей вы не

можете получить верного известия от их гонцов, то сами Римляне представляют доказательство их приближения; пораженные ужасом, оттого-то они день и ночь заняты работами. В чем же заключается мой совет? — спросите вы. Последовать примеру предков ваших, показанному им в войну с Кимврами и Тевтонами, далеко не столь важную, как нынешняя борьба. Они были вынуждены искать спасения в городах, терпели такую же нужду, как вы теперь, поддерживали в себе силы, питаясь телами тех, которые оказались к войне неспособными, и таким образом не отдались врагам. Если бы даже мы не имели уже этого примера перед глазами, то в защиту вольности показать его и завещать потомкам — дело великое и прекрасное. Та война не представляет ничего общего с нынешней. Опустошив Галлию, Кимвры причинили ей много бедствий, но в конце концов вышли из наших пределов и отправились в иные земли; законы же наши и права, земли наши и вольность они оставили неприкосновенными. Римляне же, движимые завистью к вашей воинской славе и могуществу, домогаются одного: водвориться в городах ваших и на землях ваших и поработить вас навсегда; с этой целью ведут они постоянно все войны. Конечно, вы не ведаете о том, что происходит у отдаленных народов. Посмотрите на соседнюю вам Галлию: она обращена в провинцию Римскую и получила иные права и законы; угрожаемая секирами Римлян, она угнетена постоянным рабством».

78. Выслушав все мнения, определено было на совете, неспособных по годам или по состоянию здоровья к войне выслать из города и прибегнуть к совету Критогната не иначе, как в самой крайности, когда все прочее окажется бесполезным. А решено, если потребуют обстоятельства и замедлит помощь, лучше воспользоваться им, чем согласиться на мир и покорность. Мандубии, давшие в своем городе убежище войску Галлов, были вынуждены оставить его вместе с женами и детьми. Они, подойдя к укреплениям Римлян, со слезами всячески умоляли их взять их в рабство, но не дать умереть голодной смертью. Цезарь, расположив по валу вооруженных воинов, не принял Мандубиев.

79. Между тем Коммий и прочие вожди, которым была поручена верховная власть, прибыли со всеми войсками к Алезии. Они заняли высоты и расположились по ним лагерем не более как в тысяче шагов от наших укреплений. На следующий день они всю конницу выслали из лагеря; она заняла собой всю равнину, которая, как мы выше сказали, имеет протяжение в длину на три мили; пешие войска несколько позади были расположены на высотах. Все поле видно было из Алезии. Когда оттуда усмотрели прибытие вспомогательных войск, то все устремились на стены; приветствовали, поздравляли друг друга и обнаруживали все признаки радости. Войска выведены из города и расположены перед ним; ближайший ров Галлы заваливают хворостом и землей, готовятся к вылазкам и принимают меры против всех случайностей.

80. Цезарь распределил свое войско на обе стороны укреплений так, чтобы в случае нападения каждый знал свой пост. Он приказал затем своей коннице выйти из лагеря и завязать дело с неприятельской. Так как наши лагери расположены были на вершине холма, то из них открывался вид во все стороны: воины наши со вниманием смотрели на сражение и с нетерпением ожидали, чем оно кончится. В рядах конницы Галльской были рассыпаны там и сям стрелки и легковооруженные пешие, чтобы оказывать помощь своим в случае отступления и замедлять натиск наших. Они-то в начале сражения переранили много наших и заставили их оставить ряды. Галлы надеялись на перевес своих соотечественников в сражении, и видя, что наши стеснены их многочисленностью со всех сторон, и те из них, которые находились позади укреплений, и те, которые пришли на помощь, радостными криками и завываниями ободряли своих. Так как сражение происходило на виду у всех и ни одно деяние, ни славное, ни позорное, не могло быть скрыто, то обе стороны возбуждаемы были к храбрости и жаждой славы, и страхом порицания. С полудня почти до захода солнца победа не склонялась ни на чью сторону; наконец Германцы, на один пункт сосредоточив свои силы, ударили на неприятеля и сбили его; когда наконец непри-

ягельская конница обратилась в бегство, оставленные ею стрелки были окружены и перебиты. Со всех сторон наши преследовали неприятеля до его лагеря, не давая ему опомниться. Галлы же, расположившиеся было перед Алезией, отчаявшись в победе, с прискорбием возвратились в город.

81. День спустя Галлы, заготовив между тем большое количество фашин, лестниц и крючьев, в полночь в тишине вышли из лагеря и устремились к нашим укреплениям со стороны поля. Подняв разом крики, давая знать ими осажденным о своем прибытии, они начали класть фашины, а стрелами, пращами и камнями сбивать наших с вала и вообще всеми силами делать приступ к нашим укреплениям. В то же время, услышав крики, Верцингеторикс трубой дал сигнал своим и вывел их из города. Наши же по предварительно сделанному распоряжению занимают каждый свой отведенный ему пост; пращами, дротиками, свинцовыми пулями и камнями, заготовленными в большом количестве, они вселяют ужас в рядах Галлов. Так как темнота не позволяла ничего видеть, то потери были значительны и с той и с другой стороны; наши машины бросали очень много стрел. Легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым вверена была защита этой части лагеря, в тех пунктах, где нашим было особенно трудно, посылали вспоможение войсками, приведенными из дальних укреплений.

82. Пока Галлы были еще в некотором отдалении от нашего лагеря, то, метая множество стрел, они действовали с успехом. Но когда они приблизились, то иные натыкались неожиданно на «жалы», другие попадали в волчьи ямы и там гибли, а прочие падали от дротиков, пущенных с башен и вала. С обеих сторон многие были переранены, но нигде неприятель не прорвался в укрепления; с рассветом неприятель, опасаясь, как бы Римляне не напали на его неприкрытый фланг из верхних укреплений, отступил к своим. Осажденные между тем выносили заготовленные прежде по приказанию Верцингеторикса материалы на случай вылазки и заваливали ров; поскольку они занимались этим,

то узнали об отступлении своих прежде, чем успели подойти к нашим укреплениям. Таким образом, не сделав ничего, они возвратились в город.

83. Два раза отбитые с большим уроном, Галлы рассуждают о том, как поступить; они прибегают к людям, хорошо знакомым с местностью, и разузнают о том, как расположены и укреплены наши верхние лагеря. На их северной стороне есть холм; по его обширности его нельзя было захватить внутрь укреплений, а потому мы вынуждены были провести здесь линию укреплений по неровной и немного покатой местности. Этот лагерь защищали легаты Г. Антистий Регин и Г. Каниний Ребил с двумя легионами. Узнав хорошенько через лазутчиков местность, неприятель отбирает из всего войска 60 тысяч человек, преимущественно из племен, пользующихся наибольшей славой относительно храбрости. Они тайно уговариваются между собой насчет образа действий; время для нападения они назначают около полудня. Начальство над этими войсками вверено Арверну Вергазиллавну, одному из четырех вождей, родственнику Верцингеторикса. Он, выступив из лагеря в первую стражу ночи, к рассвету достиг назначенного места и, скрыв войско за горой, приказал воинам отдохнуть от ночного труда. Когда полдень начал приближаться, он с войсками двинулся к нашему лагерю, о котором мы говорили выше. В то же время конница неприятельская начала подходить к нашим укреплениям со стороны поля, а прочие войска стали показываться перед лагерем.

84. Верцингеторикс, с вершины Алезии видя движение своих соотечественников, вышел из города и приказал вынести из лагеря длинные лестницы, косы и прочие нужные предметы, заготовленные на случай вылазки. Почти единовременно завязался упорный бой на всех пунктах; неприятель употреблял свои последние усилия: где место по видимому казалось слабее, туда он устремлялся. По обширности укреплений наши войска были развлечены в разные стороны, их едва доставало для прикрытия укреплений. Немало к смущению наших содействовали крики, под-



Так называемая гемма Августа.
Камень. Ок. 12–7 гг. до н.э.

нявшиеся в тылу сражающихся: мужество врагов служило для них как бы ручательством опасности. Вообще то, что действует издали, производит на умы людей сильнейшее впечатление.

85. Цезарь, заняв удобное место, видел все, что где происходило, и подал помощь нашим в минуту опасности. Между тем та и другая стороны сражались с ясным сознанием важности этой борьбы и необходимости употребить все усилия. Галлы знали, что если не прорвут линии наших укреплений, то нет надежды на спасение; а Римляне видели конец своих трудов, если устоят. Главное сражение происходило у верхних укреплений, куда, как мы сказали выше, был отряжен Вергазиллавн. И небольшая покато́сть местности дает большой перевес неприятелю: Галлы то бросают стрелы, то, образуя «черепашу», подходят к самым укреплениям; утомленные сменяются еще не бывшими в деле. Вал осыпался, уступая усилиям неприятеля, обрушился к стороне укрепления и открыл свободный доступ Галлам, засыпав приготовленные для них в земле западни; уже у наших нет сил действовать оружием.

86. Узнав об этом, Цезарь отправил на помощь угрожаемому пункту Лабиена с шестью когортами. Он ему приказал в случае, если не в состоянии будет удержать натиск неприятеля, сделать вылазку, но и то в крайнем случае. Сам между тем обходит войска, увещевает воинов, чтобы они с терпением переносили труды, внушает им, что эта минута борьбы должна обеспечить за ними плод всех их прежних усилий. Осажденные, отчаявшись взять наши укрепления в ровных местах потому, что они были слишком сильно защищены, пытаются взять приступом места крутые. Они сносят к ним все заготовленные снаряды; множеством стрел сбивают с башен защищавших их воинов; землей и фашинами наполняют ров и открывают себе дорогу, а косами растаскивают вал и защищавший его бруствер.

87. Цезарь сначала отрядил туда молодого Брута с шестью когортами, потом еще с семью когортами легата Г. Фабия; наконец,

видя упорную борьбу, подоспел и сам со свежими силами. Поддержав своих и отразив неприятеля, он двинулся туда, куда послал Лабиена, взял с собой четыре когорты из ближайшего укрепления; части конницы он приказал следовать за собой, а другой части, обойдя укрепления, ударить в тыл неприятелю. Лабиен, видя, что ни вал, ни рвы не могут удержать напора неприятелей, собирает вокруг себя тридцать девять когорт, попавшихся ему навстречу и приведенных из ближайших укреплений, и дает знать Цезарю через гонцов, как он прикажет поступить.

88. Цезарь спешит быть свидетелем сражения. О его прибытии вскоре узнал неприятель по цвету его одежды (в сражениях он обыкновенно надевал ее как знак отличия) и сверху, по склону холма, видел, как за ним следовали эскадроны конницы и когорты пехоты; неприятель начал сражение. С обеих сторон поднялись крики, которым отвечали с вала и со всех укреплений. Наши, не бросая дротиков, извлекли мечи и вступили прямо в рукопашный бой. Вдруг в тылу у неприятеля показалась конница наша и стали подходить свежие когорты; неприятель обратился в бегство, но конница наша перенимала бегущих; поражение было страшное. Седулий, вождь и старейшина Лемовиков, был убит; Арверн Вергазиллави живым схвачен в бегстве. 74 военных значка неприятельских принесли к Цезарю; весьма немногие неприятели из такого многочисленного войска нашли спасение в лагере. Видя из города избиение и бегство своих, Верцингеторикс, отчаявшись в спасении, отвел войска от укреплений. Услышав об этом, Галлы, находившиеся в лагере, немедленно обратились в бегство. Если бы наши воины не были утомлены дневными трудами и частыми переходами с места на место для оказания помощи, то все неприятельское войско могло бы быть уничтожено. Около полуночи наша конница была отправлена в погоню за неприятелем, настигла его задние ряды, многих взяла в плен и многих перебила; прочие беглецы рассеялись по своим домам.

89. На следующий день Верцингеторикс собрал совет, где он сказал, что «войну начал не по собственной надобности, но в за-

Гай Юлий Цезарь

щиту общей свободы; теперь, когда надлежит покориться судьбе, он готов на все: или умереть в угоду Римлян, или быть выдан живым». Об этом отправлены послы к Цезарю. Он приказывает выдать оружие и старейшин. Сам он разместился перед лагерем в укреплении; туда приводят вождей. Верцингеторикс выдан, оружие брошено к ногам Цезаря. Оставив Эдуев и Арвернов, намереваясь через пленных привлечь эти племена опять на свою сторону, Цезарь прочих пленных распределил своим воинам в виде воинской добычи.

90. Окончив эту кампанию, Цезарь отправился в землю Эдуев; они изъявили ему покорность. Туда же прибыли к Цезарю послы от Арвернов и обещали исполнить все его приказания. Цезарь предписал им выдать большое число заложников, а легионы отправил на зимние квартиры; около 20 000 пленных Цезарь возвратил Эдуям и Арвернам; Т. Лабиену с двумя легионами и конницей Цезарь приказал идти в землю Секванов: с ним Цезарь отправил М. Семпрония Рутилия. А Г. Фабия и Л. Минуция Базиля Цезарь поставил с двумя легионами в земле Ремов, дабы они не потерпели какого-либо вреда от своих соседей Белловаков. К. Антистия Регина послал Цезарь в землю Амбиваретов, Т. Секстия — в землю Битуригов, а Г. Каниния Ребила — в землю Рутенов, дав каждому из них по легиону. К. Туллия Цицерона и П. Сульпиция Цезарь поставил в земле Эдуев в Кабиллоне и Матисконе у Арара для обеспечения подвоза съестных припасов; а сам решил зимовать в Бибракте. Когда из донесения Цезаря в Риме узнали о событиях этой кампании, то определили двадцатидневное благодарственное молебствие.



Книга восьмая

Предисловие А. Гирция

Уступая твоим постоянным просьбам, Бальб, и зная, что отказ мой ты сочтешь не сознанием моего бессилия, но знаком лени, берусь за весьма трудное дело. Я принялся за продолжение записок Цезаря о Галльской войне, но не с тем чтобы произвести что-либо подобное его прежним и последующим трудам, и привел к концу последнюю его неоконченную книгу о событиях в Александрии; я ее заключил не окончанием наших междоусобий, которым конца не предвидится, а смертью самого Цезаря. Желал бы, чтобы тот, кто станет читать эти книги, знал, с какой неохотой я взялся писать их; тогда, может быть, меня помиловали бы от обвинения в безрассудстве и самонадеянности за то, что я дерзнул смешать мои сочинения с Цезаревыми. Истина неоспоримая, что ни одно сочинение, каких бы трудов и усилий оно ни стоило, не может сравниться с прелестью Цезаревых записок. Он писал их только для того, чтобы будущим историкам сохранить сведения о столь великих событиях; на самом же деле после него стало невозможным писать об этом предмете. Мне надлежит более прочих удивляться Цезарю; других прельщают простота и прелесть его сочинений, а я один знаю, как он легко и без усилий писал их. У Цезаря удивительная легкость и простота изложения соединены с ясностью и правдивостью, с какими излагает он свои действия. Мне не случилось самому участвовать ни в Александрийской, ни в Африканской войнах; хотя я отчасти знаю события этих войн из слов самого Цезаря, однако одно дело — излагать

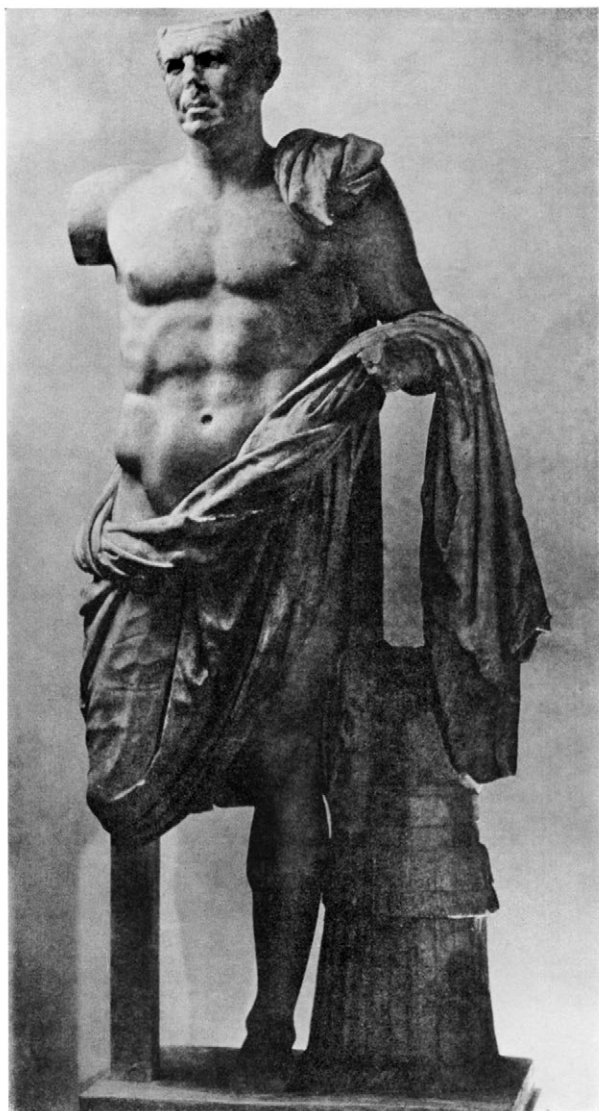
Гай Юлий Цезарь

понаслышке события, поразившие нас своей новизной или заслужившие наше удивление, иное — описывать их на основании собственных наблюдений. Хотя я всячески стараюсь оправдать себя в покушении сравниться с Цезарем, но, кажется, неминуемо навлеку на себя обвинение в безрассудной самонадеянности уже за то только, что я дерзнул взяться за то же дело, что и Цезарь. Прощай...

* * *

1. Усмирив всю Галлию, Цезарь хотел было дать своим воинам отдохнуть на зимних квартирах от тяжких трудов, так как все лето прошло в непрерывных войнах. Между тем доходили до него слухи, что многие племена одновременно хотят взяться за оружие и составляют об этом заговоры. Весьма правдоподобным казалось это известие, тем более что Галлы убедились в невозможности, сосредоточив в одном месте какие бы то ни было многочисленные силы, с успехом сопротивляться Римлянам. Между тем как — так они думали — если бы многие племена в одно и то же время взяли за оружие, то у народа Римского не хватило бы ни времени, ни средств, ни людей во всех пунктах оказать сопротивление. И если какое-либо племя и должно было перенести на себе временную невзгodu, то она послужила бы к обеспечению независимости прочих племен.

2. С целью разуверить Галлов в таком их убеждении Цезарь вверил начальство над своими зимними квартирами квестору М. Антонию; а сам накануне январских календ с отрядом конницы отправился от города Бибракта к 13-му легиону, расположенному на квартирах неподалеку от области Эдуев, на землях Битуригов; к нему присоединил он находившийся поблизости 11-й легион. Оставив две когорты для прикрытия обозов, Цезарь ввел остальное войско в обильные всем земли Битуригов. Имея область обширную и множество городов, это племя не могло быть удержано в повиновении одним легионом, стоявшим у него на зимних квартирах, составляло заговоры и готовилось к войне.



Статуя римлянина из храма Геркулеса в Тиволи.
Около 70 г. до н.э.

3. Прибытие Цезаря было так внезапно и неожиданно, что, как обычно в таких случаях бывает, рассеянные по полям и безоружные жители, занимавшиеся полевыми работами, сделались добычей нашей конницы и не успели даже убежать в города. Обыкновенного признака неприятельского набега — пожаров — на этот раз не было по приказанию Цезаря. Отчасти он не хотел истреблять запасов хлеба и фуража, которые могли пригодиться при дальнейшем движении, отчасти — дабы не испугать неприятеля пожарами. Тысячами доставались Битуриги в плен; те же из них, которые успели уйти с приближением Римлян, искали безопасности в бегстве к соседним племенам, полагаясь на частные дружественные связи и на единодушие в общем деле. Но они ошиблись в расчете. Длинными и поспешными переходами Цезарь поспевал везде и не давал племенам Галльским времени озаботиться судьбой своих единоземцев, а заставлял думать только о своей. Такой поспешностью движений Цезарь верные племена обнадеживал всегдашней помощью, а те племена, которые колебались в чувствах верности, угрозой наказания принуждал к миру. Видя такое положение дел, Битуриги решили прибегнуть к милосердию Цезаря и искать его дружбы, тем более что они видели, как соседние племена, дав заложников, не были наказаны, а мирно приняты под его покровительство; их примеру последовали и Битуриги.

4. Цезарь в награду воинам за их труды и терпение — они, несмотря на зимнюю непогоду, на затруднения дорог, на невыносимую стужу, с постоянным усердием переносили все труды и лишения — обещал выдать, как бы вместо военной добычи, простым воинам по 200 сестерциев, а сотникам — по две тысячи золотых монет. Отпустив легионы по зимним квартирам, Цезарь сам на сороковой день прибыл в Бибракт. Когда он там занимался решением судебных дел, к нему явились послы Битуригов, прося помощи против Карнутов, которые тревожили их военными действиями. Узнав об этом, Цезарь, проведя на зимних квартирах не более 18 дней, легионы 14-й и 18-й вывел с зимних квартир у Ара-ра, где, как сказано в предыдущей книге, они были поставлены

История Галльской войны

для прикрытия подвозов провианта. С этими двумя легионами Цезарь отправился против Карнутов.

5. Узнав о приближении Римского войска, Карнuty, опасаясь бедственной участи других племен, оставили свои города и деревни, где они наскоро выстроили себе небольшие жилища для защиты от зимней стужи (еще недавно большая часть их городов была уничтожена вследствие их поражения), бежали и рассеялись в разные стороны. Цезарь, не желая подвергать своих воинов только что наступившей во всей силе зимней непогоде, расположил их по квартирам в городе Карнутов Генабе, отчасти в жилищах Галлов, отчасти еще в неоконченных ими домах, прикрыв их соломой, приготовленной для покрытия палаток. Конницу же и пехоту союзных племен он разослал во все стороны, куда, по слухам, удалился неприятель. Поиски эти не были тщетны: наши возвратились, обремененные добычей. Карнuty терпели жестоко от зимнего времени: изгнанные из жилищ, они в ужасе не могли нигде остановиться на долгое время; леса же не представляли защиты от жестокой непогоды. Таким образом, многие из них погибли, а прочие рассеялись по соседним племенам.

6. Цезарь, принимая в расчет затруднения времени года, довольствовался тем, что предупреждал скопление неприятельских сил в одном месте и не давал войне возможности принять опасный характер. Сколько можно было предполагать, Цезарь был убежден, что ранее лета военные действия не будут важными. А потому он Требония с двумя легионами, при нем находившимися, оставил на зимних квартирах в Генабе. Между тем Ремы неоднократно посольствами давали знать Цезарю, что Беллоаки, племя храбрейшее из всех Галльских и Бельгийских, вместе с соседними им племенами собирают войска под предводительством Беллоака Коррея и Атребата Коммия и сосредоточивают их в одном месте, намереваясь всеми силами сделать вторжение в земли Суессонов, находящихся под властью Ремов. Цезарь понимал, что не только честь его, но и самая безопасность повелевают ему принять все меры к защите союзников, оказавших своей верно-

стью большие услуги народу Римскому. Вследствие этого Цезарь вызывает снова с зимних квартир девятый легион, отправляет письменное приказание Г. Фабию с двумя легионами, состоявшими под его начальством, идти в землю Суессонов и призывает к себе один из легионов Т. Лабиена. Таким образом, Цезарь, соображаясь с потребностями войны и расположением зимних квартир, вводил в дело поочередно то тот, то другой легион, отправляя их один за другим в походы.

7. Собрав эти войска, Цезарь отправился с ними в землю Белловаков и, расположившись там лагерем, разослал во все стороны отряды конницы с приказанием изловить кого-нибудь, кто мог бы дать показание о действиях неприятелей. Всадники, исполнив приказание, им данное, донесли, что в селах нашли они весьма немногих жителей — прочие все поспешно скрылись, — и те остались не для полевых работ, но были присланы для разведывания о движениях Римлян. У приведенных пленников Цезарь спрашивал, где главные силы Белловаков и что они намереваются делать, и узнал, что все Белловаки, способные носить оружие, собрались в одно место, а с ними Амбианы, Авлерки, Калеты, Веллокасы и Атребаты, что место для лагеря выбрано возвышенное, среди леса, окруженное болотами; что все свое имущество снесли они в более отдаленные леса; что зачинщиков войны очень много, но чернь с большей охотой повинуетя особенно Коррею, зная, как ему ненавистно самое имя Римлян; что несколько дней тому назад Атребат Коммий уехал из лагеря призывать к содействию Германцев, находящихся неподалеку в большом количестве; что Белловаки с согласия всех старейшин постановили к великому удовольствию народа в случае, если Цезарь действительно, как они получили известие, идет к ним с тремя легионами, предложить ему сражение, дабы впоследствии не иметь дела со всем войском Римлян, что было бы для них несравненно затруднительнее и тяжелее. В случае же если Цезарь придет с более значительными силами, то Белловаки вознамерились оставаться на выбранном ими месте и, поставив засады, препятствовать и вредить всячески Римлянам в поисках фуража, по времени года весьма скудно-

го и рассеянного по разным местам, в снабжении их продовольствием и подвозах всякого рода припасов.

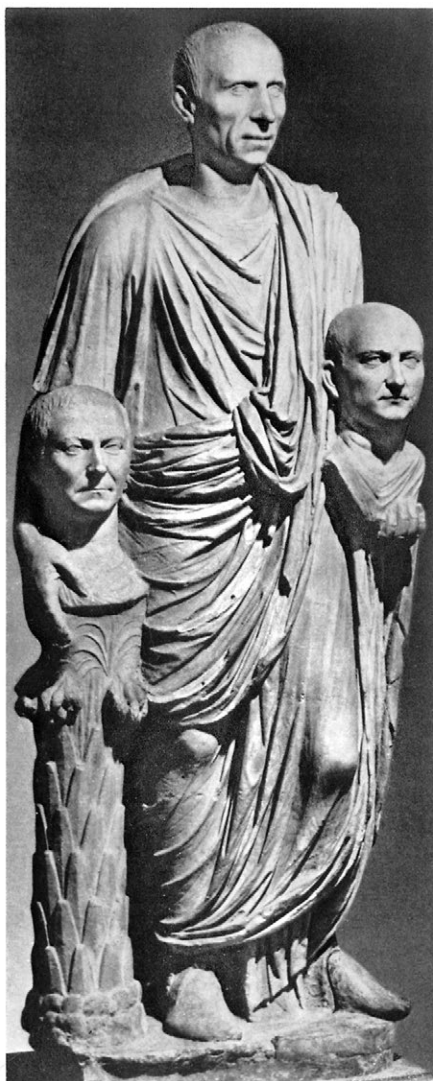
8. Показания всех пленных были в сущности одинаковы; Цезарь подивился рассудительности действий Галлов в этом случае, столь отличной от их всегдашней опрометчивости. Со своей стороны он решил всячески помогать тому, чтобы внушить неприятелю презрение к малочисленности его войска и заманить его на открытый бой. Войско Цезаря состояло из легионов седьмого, восьмого и девятого, испытанных мужеством; одиннадцатый состоял из отборных молодых людей, подававших о себе большие надежды и служивших уже восемь лет; впрочем, по сравнению со старыми легионами он уступал в славе заслуг и мужества. Итак, Цезарь собрал военный совет и, изложив все, что сам узнал, ободрил воинов. На тот случай, если неприятель, видя только три легиона, может быть, вступит в бой, Цезарь велел идти впереди обоза легионам 7-му, 8-му и 9-му; потом вокруг обоза — немногочисленного, как обычно бывает на походе, шел 11-й легион; это было сделано с той целью, дабы неприятель не заметил, что Римляне многочисленнее, чем он ожидал. Устроив таким образом войско почти в виде квадрата, Цезарь явился с ним к лагерю Галлов прежде, чем они его ожидали.

9. Галлы увидели, что наши легионы идут к ним в боевом порядке мерным шагом, и хотя Цезарю, наверное, сообщили о их намерениях, однако они устроили свои войска перед лагерем, а не оставили свои позиции, опасаясь решительного дела или пораженные внезапностью прибытия Римлян и желая узнать, как те намерены поступить. Цезарь хотел немедленно начать бой, но, увидев многочисленность неприятеля, фронт армии которого вследствие требований местности представлял чрезвычайную глубину при небольшой ширине, стал располагаться лагерем подле неприятельского. Он приказал обнести свой лагерь валом в 12 футов вышины, с малым на нем бруствером, соответствующим его высоте; потом велел вырыть два рва в 15 футов глубиной с отвесными стенками. На близком друг от друга расстоянии воз-

двигнуты были трехэтажные башни, соединенные одна с другой помостами, имевшими стенки из хвороста для защиты их спереди. Таким образом, неприятель при нападении встречал двойной ров и двойной ряд защитников: один ряд на помостах находил безопасность в самой возвышенности места и тем дальше и вернее метал оттуда стрелы; другой ряд, расположенный вблизи неприятеля на валу, самым помостом, под которым находился, был защищен от падавших сверху неприятельских стрел. Ворота лагеря были укреплены затворами и высокими башнями.

10. Укрепления эти возводились с двойной целью: во-первых, показать неприятелю их громадностью, будто мы его боимся, и тем придать ему более самонадеянности; во-вторых, так как за фуражом и провиантом необходимо было отправляться на дальнее расстояние, то лагерь нужно было устроить таким образом, чтобы его можно было защищать и небольшими силами. Тем временем, несмотря на то что между обоими лагерями было болото, беспрестанно происходили схватки между выходившими с обеих сторон воинами: то Галлы и Германцы из наших вспомогательных войск переходили на ту сторону болота и живо теснили неприятеля; то, напротив, неприятель появлялся здесь и преследовал наших. При ежедневных наших фуражировках случалось (как и надобно было ожидать вследствие того, что его надлежало отыскивать в отдаленных друг от друга и разбросанных строениях), что наши воины бывали окружены в неблагоприятных местах и гибли. Эти потери не были большими и ограничивались с нашей стороны несколькими лошадьми и прислужниками, но зато они поддерживали неблагоприятную самонадеянность Галлов. Она еще увеличилась, когда Коммий, который, как мы говорили выше, отправился просить содействия Германцев, возвратился и привел Германских всадников; хотя их численность не превышала 500 человек, но их прибытие весьма ободрило Галлов.

11. Цезарь, видя, что неприятель постоянно держится в лагере, защищенном от природы и прикрытом болотом, понимал, что напасть открытой силой на его лагерь было весьма опасно,



Статуя римлянина с портретами предков.
Так называемая «Статуя Барберини». Конец I в. до н.э.

а для окружения его укреплениями требовались более значительные силы. Вследствие этих соображений он послал письменное приказание Требонию, чтобы он как можно поспешнее присоединил к себе легион, с которым легат Т. Секстий стоял на зимних квартирах в землях Битуригов, и с тремя легионами шел к нему длинными переходами. Цезарь распорядился также, чтобы всадники, в большом количестве им вызванные на войну из союзных племен Ремов, Лингонов и прочих, служили прикрытием нашим фуражирам и защищали бы их от внезапных нападений неприятеля.

12. Так как это происходило каждый день, то, как обыкновенно водится, вошло в привычку и исполнялось не так строго, как вначале. Белловаки, зная места, где ежедневно располагались наши конные отряды, собрали отряд отборной пехоты и устроили засаду. На другой день они выслали свою конницу с целью навести наших на скрытую засаду и потом их окружить. Судьба назначила это несчастье Ремам: в этот день им досталась очередь занимать караулы. Они, заметив вдруг перед собой малочисленный отряд неприятельской конницы и понадеясь на превосходство своих сил, с жаром его преследовали и вдруг оказались посреди неприятельской пехоты. Придя в замешательство, они отступили поспешнее, чем того требовал порядок конного сражения, потеряв Вертискона, старейшину их племени и начальника конницы. Он был так стар, что с трудом держался на коне, но, соблюдая обычай Галлов, не захотел ни под предлогом старости отказаться от начальства над конницей, ни допустить своих сразиться без него. Удачный результат этого сражения ободрил и придал мужества неприятелям, тем более что вождь и старейшина Ремов был тут убит. Нашим же эта неудача показала необходимость ставить посты в местности, тщательно осмотренной, а отступающего неприятеля преследовать с соблюдением мер осторожности.

13. Между тем ежедневно происходили стычки перед обоими лагерями у переправ и переходов через болото. В одной из этих схваток Германцы, приведенные Цезарем из-за Рейна именно

для того, чтобы служить поддержкой коннице, сражаясь вместе с ней, все дружно перешли болото, перебили тех немногих неприятелей, попытавшихся оказать им сопротивление, и упорно стали преследовать остальную массу. Не только те пришли в ужас, которых непосредственно теснили, но и те, до которых достигали наши стрелы и которые должны были служить поддержкой первым рядам, — все обратились в самое беспорядочное бегство. Они, потеряв занятые ими возвышенности, остановились только у самого своего лагеря, а некоторые от стыда убежали еще дальше. Этим происшествием все войска неприятеля были приведены в такое смятение, что трудно было решить, чего у них больше: самонадеянности ли при маленьком успехе или робости при незначительном поражении.

14. Много времени прошло, а неприятель постоянно оставался в лагере; пришло известие о приближении легионов и легата Г. Требония. Вожди Белловаков, опасаясь быть осажденными, как то случилось в Алезии, решили отослать от себя ночью всех безоружных и бесполезных по старости и отсутствию сил людей и с ними все вообще обозы. Пока собиралась и готовилась в путь эта смятенная и беспорядочная толпа (притом Галлы, отправляясь и налегке в поход, обыкновенно имеют при себе множество повозок), настал день. Тогда Галлы вывели свои войска из лагеря и расположили их перед ним, для того чтобы задержать погоню Римлян и дать время удалиться своим беглецам. Цезарь видел невозможность напасть на их войско, а равно и преследовать отступавших при неблагоприятной для него крутизне холма, впрочем, заблагорассудил выдвинуть легионы вперед так, чтобы в их присутствии отступление Галлов не могло совершиться без опасности. Между тем как затруднительное для перехода болото отделяло оба лагеря и тем представляло большое препятствие для быстрого преследования отступавших, а по ту сторону находилась гора, почти касавшаяся неприятельского лагеря, который защищен был с ее стороны только небольшим валом, то Цезарь, заметив все это, приказал немедленно навести мосты по болоту и перевел по ним легионы; они

заняли вершину горы и расположились в боевом порядке так близко от неприятеля, что стрела, брошенная из наших метательных орудий, достигала неприятельских рядов.

15. Галлы, полагаясь на выгодную местность, не отказывались принять сражение, в случае если бы Римляне вздумали атаковать их позицию на холме; но они не решались мало-помалу отводить свои войска, опасаясь, как бы они врозь не были легко смяты, и потому стояли в боевом порядке. Видя их упрямство, Цезарь, оставив под оружием двадцать когорт, назначил место для лагеря и приказал его укрепить. Когда работы по укреплению лагеря были окончены, Цезарь поставил свои войска перед валом в боевом порядке; конница стояла на караулах на взнузданных лошадях. Белловаки, видя, что Римляне готовы броситься за ними в погоню, не могли оставаться на этом месте или провести на нем ночь, не имея при себе съестных припасов. В этой крайности они придумали следующее средство к безопасному бегству. Из предыдущих книг этого сочинения видно, что Галлы обыкновенно носят с собой пуки хвороста и садятся на них в ожидании сражения. Эти-то пуки соломы и хвороста, которых весьма много находилось у них в лагере, Галлы, передавая из рук в руки, сложили в кучи перед своим фронтом и с наступлением вечера по данному знаку в одно и то же время подожгли их. Море огня вдруг скрыло от глаз Римлян неприятельскую армию; Галлы, пользуясь этим, пустились в самое поспешное бегство.

16. Хотя Цезарь из-за пожара и не мог видеть бегства неприятелей, однако, подозревая истину, двинул вперед легионы, а конницу послал в погоню; сам же двигался медленно, опасаясь, не хитрость ли это неприятеля, оставшегося на том же месте и заманивающего нас на бой при неблагоприятных для нас условиях местности. Наши всадники опасались пуститься в середину дыма и пламени; дым был таким густым, что те, кто пытался в него проникнуть, не могли видеть голов собственных лошадей; опасаясь засады, они дали время Белловакам спокойно уйти. Совершив таким образом бегство, исполненное и робости, и хитрости,

неприятель без всякого вреда для себя отошел миль на десять от нас и опять стал лагерем в самой защищенной местности. Оттуда, устраивая постоянно засады из пеших и конных войск, неприятель сильно вредил нашим в их фуражировках.

17. Это случалось все чаще и чаще. Вдруг Цезарь узнал от одного пленного, что Коррей, вождь Белловаков, с отрядом из шести тысяч человек отборной пехоты и тысячи человек лучшей конницы расположился в засаде в том месте, куда Римляне должны были прийти вследствие обилия хлеба и фуража. Узнав об этом намерении неприятеля, Цезарь вывел за собой больше легионов, чем обыкновенно, и послал вперед конницу, которая обычно служила прикрытием фуражирам; вместе с конницей он отправил легковооруженных пеших, а сам двинулся туда же с легионами как можно поспешнее.

18. Неприятель избрал себе для засады весьма благоприятное место; во все стороны открытое пространство тянулось только на милью; со всех сторон оно было окружено чрезвычайно густым лесом и глубокой рекой; леса везде наполнили его воины, составившие как бы цепь вокруг этого места. Наши, зная о замысле неприятеля, готовы были встретить бой; для этого все у них было приготовлено, и дух и оружие; надеясь на содействие легионов, они вступили бы смело в бой, как бы он ни был неровен, и эскадронами прибыли к назначенному месту. Увидав их, Коррей счел случай благоприятным для нападения; сначала он с небольшими силами напал на ближайшие к нему наши эскадроны. Они мужественно встретили нападающих и не теснились друг к другу, что весьма вредно в сражениях конницы и как признак робости, и вследствие тесноты, препятствующей коннице действовать свободно.

19. В то время как наши выдерживали нападение отдельными эскадронами, не допуская обходить себя с боков, прочие неприятели, видя, что Коррей вступил в бой, устремились из леса. Он в разных местах завязался с равным упорством и долго продол-

жался с одинаковым с обеих сторон счастьем; наконец мало-помалу вышла неприятельская пехота в боевом порядке и оттеснила нашу конницу; на ее выручку поспешно двинулись легковооруженные пешие, посланные впереди легионов; став среди наших эскадронов, они восстановили бой, который и продолжался некоторое время с равным упорством. Перевес, впрочем, был на стороне наших уже тем самым, что если в сражении этого рода нападающие из засады при первом натиске не успели произвести никакого замешательства и вреда, то они не достигли цели нападения. Между тем легионы наши подошли ближе, и в одно и то же время частые гонцы дали знать обеим сторонам, что Цезарь приближается с войском, готовым к бою. Узнав об этом, наши, обнадеженные помощью когорт, стали сражаться с большим жаром, не желая разделить славу победы с легионами. Неприятель упал духом и искал спасения в бегстве, рассеявшись по разным дорогам, но без пользы: те же затруднения местности, коими он надеялся воспользоваться ко вреду Римлян, обратились против него. В ужасе они бежали наудачу, стремились и в леса, и в реку, ослепленные страхом; большая часть их погибла: наши жарко преследовали и убивали их. И в таком бедственном положении Коррей не хотел ни, оставив поле битвы, искать спасения в лесах, ни сдаться, несмотря на убеждения наших; храбро сражаясь и переранив много наших, он вывел из терпения победителей, и они в досаде осыпали его стрелами.

20. Дело было уже закончено, когда Цезарь прибыл на поле победы. Он догадывался, что неприятель после такого поражения, удостоверясь в нем, оставит свой лагерь, который находился от побоища на расстояния около 8 миль. Итак, несмотря на затруднение переправы, Цезарь перевел легионы через реку и двинулся вперед. Белловаки и прочие Галльские племена, видя, что из их воинов возвратилось весьма немного беглецов, ушедших в леса и притом израненных, что все против них: Коррей убит, отборная пехота и конница истреблены, и, ожидая с часу на час нападения Римлян, трубами вдруг созвали совет и заявили на нем, что надо немедленно послать к Цезарю послов и заложников.

21. Намерение это получило всеобщее одобрение, но Атребат Коммий ушел к тем Германцам, от которых на эту войну привел было вспомогательное войско. Прочие немедленно отправляют послов к Цезарю и просят «удовольствоваться таким их наказанием, какому бы он никогда при своем милосердии и человеколюбию не подверг их без войны. В сражении конницы сокрушилось их могущество; несколько тысяч лучшей их пехоты погибло; едва осталось столько народу, чтобы принести известие о поражении. Впрочем, и в таком бедствии утешает Белловаков, что жертвой его сделался Коррей, виновник войны, возмутитель народа. При его жизни сенат имел гораздо менее власти, чем неразумная чернь».

22. На эти мольбы послов Цезарь напомнил им, что «в одно и то же время в предыдущем году Белловаки и прочие Галльские племена взяли за оружие; что они упорно и дольше всех оставались при своем умысле, и пример покорности других не мог их образумить. Ему неизвестно, что вину всегда слагают на мертвых, а впрочем, никто не может иметь столько силы, чтобы без согласия старейшин, при противодействии сената и всех благонамеренных граждан, опираясь на одну бессильную чернь, быть в состоянии вести войну. Несмотря на это, он довольствуется мерой наказания, ими самими себе нанесенного».

23. В следующую ночь послы принесли своим согражданам ответ Цезаря; они начали готовить заложников. Прочих племен послы стеклись в ожидании, какова будет участь Белловаков. Они дали заложников и исполнили все приказания Цезаря. Один Коммий от страха не решался никому доверить свою безопасность. В предыдущем году Т. Лабиен, в то время как Цезарь в Ближней Галлии оказывал суд и расправу, услышав, что Коммий составляет против Цезаря заговор и приглашает к тому Галльские племена, счел себя вправе на его измену отвечать хитростью, что не будет клятвопреступлением. Приглашать его в лагерь и тем давать подозрение Лабиен не счел нужным и послал к нему Г. Волузена Квадрата, поручив ему постараться под предлогом совещания умертвить Коммия; для этой цели он велел лучшим и

способнейшим сотникам сопровождать Волузена. Во время свидания, когда — что долженствовало служить условным знаком — Волузен взял за руку Коммия, сотник нанес мечом Коммию тяжелый, но не смертельный удар в голову. Или еще не приучив руку к убийству, или, может быть, удержанный приближенными Коммия, но он не смог его прикончить. Обе стороны извлекли мечи, но думали более о бегстве, чем о сражении: Римляне полагали, что достигли своей цели и убили Коммия, а Галлы, испытав уже умысел Римлян, опасались худшего, чем они уже видели. Вследствие этого, говорят, Коммий дал клятву и на глаза не пускать к себе никого из Римлян.

24. Победив таким образом сильнейшие племена Галлии, Цезарь достиг того, что уже ни одно из них не замышляло войны и не думало о сопротивлении. Только иные, упорно избегая в настоящее время власти Римлян, оставляли города и бежали из своих земель. Тогда Цезарь заблагорассудил разослать свое войско в разные области. Квестору М. Антонию с одиннадцатым легионом он велел оставаться при себе, а легата Г. Фабия с двадцатью пятью когортами отправил на противоположный конец Галлии, где, как до него дошло известие, некоторые племена были под оружием; для их усмирения, как полагал Цицерон, недостаточно было двух легионов, расположенных там под начальством легата Г. Каниния Ребила. Т. Лабиена Цезарь призывает к себе, а 12-й легион, бывший с ним на зимних квартирах, посылает в Галлию Тогату для защиты находившихся там поселений Римских граждан в предупреждение того, дабы они не пострадали от внезапного набега Галлов, как случилось в прошлом году в Тергесте, который сделался жертвой их нападения и был разграблен. Сам Цезарь отправился разорять и опустошать владения Амбиорикса. Так как Цезарь потерял надежду захватить в свои руки Амбиорикса, пораженного страхом и находившего спасение в бегстве с одного места на другое, то и признал за лучшее истреблять в его владениях жителей, строения и скот для того, чтобы Амбиорикс сделался ненавистным тем из его соотечественников, которые будут пощажены судьбой, и таким обра-

зом, вследствие претерпенных ими несчастий возврат для него в отечество сделался невозможным.

25. Цезарь разослал во все стороны владений Амбиорикса часть легионов и часть союзных войск; убийства, пожары, грабежи не прекращались. Умертвив и взяв в плен множество неприятелей, Цезарь послал в землю Тревиров Лабиена с двумя легионами. Племя их, граничащее с Германцами и представляющее с ними много общего в дикости нравов, вследствие постоянного занятия войной приобрело в ней большую опытность и повиновалось нам только тогда, когда вынуждено было к тому открытой силой.

26. Тем временем легат Г. Каниний, которому Дураций (оставшийся верным союзу Римлян, несмотря на отпадение большей части его соотечественников) дал знать письмами и через гонцов, что большие силы неприятелей сосредоточились в области Пиктонов, двинулся к городу Лемону¹. Прибыв туда, он верным образом узнал от пленных, что вождь Андиев Думнак с огромным войском осадил Дурация в Лемоне; не решаясь свои слабые легионы пустить в сражение с неприятелем, Каниний расположился лагерем в укрепленном месте. Думнак, узнав о близости Каниния, обратил все свои войска против легионов и хотел взять приступом их лагерь. Упорствовав несколько дней в этом намерении и потеряв много своих, не успел он овладеть ни малейшей частью наших укреплений и обратился снова к осаде Лемона.

27. В то же время легат Г. Фабий привел к покорности несколько племен, взял у них заложников и из писем Каниния узнал о том, что происходит в земле Пиктонов; вследствие этого он пошел на помощь Канинию. Узнав о приближении Фабия, Думнак видел невозможность в одно и то же время держать в страхе осажденных и сопротивляться Римлянам, поэтому немедленно отступил

¹ Ныне Пуатье.

со своими войсками, но счел бы себя в безопасности только в том случае, если бы успел переправить свои войска через реку Лигер, через которую по ее значительности был мост. Фабий, хотя еще не видал неприятеля и не успел соединиться с Канинием, но, основываясь на показаниях людей, хорошо знавших местность, догадался, куда неприятель в страхе направит свое движение. Вследствие этого он двинулся с войском к тому же мосту, отдав приказание коннице идти впереди легионов настолько, чтобы она всегда могла в случае нужды без утомления коней иметь убежище в одном и том же лагере с пехотой. Наша конница, двигаясь вперед сообразно данному ей наставлению, нагнала войско Думнака и, напав на неприятеля бегущего, смятенного ужасом и обремененного поклажей, многих перебила и получила богатую добычу. Таким образом, сделав блистательное дело, наша конница отступила в лагерь.

28. В следующую ночь Фабий послал вперед конницу с приказанием завязать сражение и стараться замедлить движение неприятельской армии, пока он сам не подойдет с главным войском. Следуя наставлениям Фабия, префект конницы Кв. Аттий Вар, отличавшийся редким мужеством и благоразумием, одну часть конницы отрядами расположил на выгодных местах, а с другой частью завязал сражение. Неприятельская конница смело ударила на нашу, опираясь на следовавшую за ней пехоту, а пешие, развернув свой фронт, во всех пунктах поддерживали свою конницу. Сражение было весьма упорным: наши, презирая еще накануне побежденного ими неприятеля и зная, что с часу на час должны подойти легионы, упорно сражались с неприятельской пехотой, не желая подвергнуться позору отступления и стараясь быть обязанными победой только себе. Неприятель же, полагая иметь дело со всеми нашими силами, как он испытал накануне, думал получить случай истребить нашу конницу.

29. Некоторое время бой был самый упорный, и Думнак уже готов был ввести в дело на помощь своей коннице всю пехоту, как вдруг ряды легионов показались в виду неприятеля. Это зрелище



Супружеская чета.
Надгробная стела. Середина I в. до н.э.

поразило ужасом его пешие и конные полки и распространило смятение в его обозе, и вскоре все представило картину беспорядочного бегства. Наша конница, видя конец упорного сражения и сопротивления со стороны неприятеля, в торжестве победы испустила радостные клики и пустилась в погоню за бегущими, гнала их, сколько позволили силы коней, и убивала, пока не утомились руки всадников. Было убито более 12 000 неприятелей, отчасти вооруженных, отчасти бросивших от страха оружие, и весь обоз неприятеля достался в наши руки.

30. Вскоре узнали, что при этом поражении Сенон Драппет (он в самом же начале восстания Галлии собрал вокруг себя шайку негодяев разного рода, рабов, бежавших от своих господ, изгнанников разных племен, разбойников и отбивал с ними обозы Римлян), собрав тысяч пять беглецов, бросился с ними к стороне Провинции. Соучастником его умысла был Кадурк Луктерий (из предыдущей книги видно, что в начале восстания Галлии он замышлял сделать нападение на Провинцию). Легат Каниний с двумя легионами устремился за ними в погоню, дабы не допустить шайку негодяев внести страх или опустошение в Провинцию и тем бросить тень на славу Римского оружия.

31. Г. Фабий с остальным войском отправился в землю Карнутов и прочих племен, силы которых были сокрушены в сражении с Думнаком. Он основательно полагал, что в настоящее время вследствие недавнего поражения они будут уступчивее; а оправившись со временем, они могут снова внять советам Думнака. В этом случае счастье удивительно благоприятствовало Фабию в усмирении племен. Даже Карнuty, уже неоднократно побежденные, но ни разу еще не просившие мира, изъявили покорность и дали заложников. Прочие племена, находящиеся на дальнем конце Галлии, близ Океана, носящие название Арморических, следуя примеру Карнутов, при приближении Фабия и легионов немедленно изъявили готовность исполнить все его приказания. Думнак, изгнанный из отечества и вынужденный скрываться в одиночестве, бежал в самые отдаленные места Галлии.

32. Между тем Драппет и Луктерий, узнав, что Каниний с легионами идет вслед за ними, не решились идти в Провинцию на явную гибель, имея по пятам за собой Римское войско; они также видели невозможность далее безнаказанно производить свои набеги и грабежи; вследствие этого они остановились в земле Кадурков. Здесь Луктерий, пользуясь влиянием, какое он имел во времена благоденствия на своих соотечественников, и вообще благосклонностью, с какой Галлы смотрят всегда на зачинщика войны, занял своими и Луктериевыми войсками город Укселлодун, находившийся прежде под его покровительством. Город этот хорошо укреплен от природы; жители его пристали к стороне Луктерия.

33. Поспешно подошедший туда Г. Каниний увидел, что город защищен со всех сторон такими крутыми скалами, что даже если бы и никто его не защищал, то и в таком случае вооруженным воинам трудно подойти к нему. Находившиеся же в городе Галлы имели при себе такие большие обозы, что если бы они вздумали спастись тайным бегством вместе с ними, то не только конница смогла бы их настичь, но им невозможно было бы уйти и от легионов. Разделив свои когорты на три части, Каниний разбил три лагеря на самой возвышенной местности; от них он мало-помалу, сколько позволяли силы войска, стал проводить вал вокруг города.

34. Заметив это, горожане вспомнили о несчастной судьбе гарнизона Алезии и стали бояться бедствий такой же осады. Луктерий, который на себе испытал их, внушал жителям города необходимость запастись хлебом. Итак, с общего совета положено: Луктерию, оставив часть войска в городе, отправиться с прочими налегке для привоза хлеба. Когда этот совет был принят, то в следующую же ночь Драппет и Луктерий вывели войска из города, оставив в нем две тысячи вооруженных воинов. В короткое время Луктерий и Драппет собрали в земле Кадурков множество хлеба; одни добровольно им его доставляли, а другие и хотели бы отказать, да не смели; несколько раз ночью они даже совершали нападения на

наши укрепления. Каниний медлил окружать город осадными работами, опасаясь или не быть в состоянии везде прикрывать их, или боясь ослабить войско раздроблением его по разным местам.

35. Собрав большое количество хлеба, Драппет и Луктерий остановились от города не далее как в 10 милях и оттуда намеревались мало-помалу ввезти хлеб в город. Они разделили между собой занятия: Драппет с частью войск остался прикрывать лагерь, а Луктерий повел в город обоз с хлебом. Расставив вооруженные отряды, Луктерий около 10 часа ночи отправился с обозом к городу по узким дорогам, шедшим по лесу. Услыхав шум, стража нашего лагеря узнала через разъезды о том, что происходило. Каниний, получив об этом донесение, собрал вооруженные когорты из ближайших укреплений и на рассвете поспешно ударил на провожатых обоза. Не ожидая нападения, они искали спасения в отступлении к своим вооруженным отрядам. Наши с таким жаром напали на вооруженных неприятелей, что никого не брали в плен. Луктерий ушел с немногими воинами, но не в лагерь.

36. После этого счастливого события Каниний услышал от пеших, что часть неприятельских войск под начальством Драппета находится в лагере на расстоянии не более 12 миль. Удостоверясь от многих в истине этого известия, Каниний не без основания полагал, что неприятеля теперь нетрудно победить, уже обратив в бегство одного его вождя. Весьма благоприятным в этом случае обстоятельством было то, что из беглецов ни один не явился в лагерь дать знать Драппету о случившемся поражении. Не видя никакой опасности попытать счастья, Каниний послал вперед к неприятельскому лагерю всю конницу и пеших Германцев, отличающихся неимоверной быстротой движения, а сам, распределив один легион по трем лагерям, с другим пошел в поход налегке. Приблизившись к неприятелю, Каниний узнал от своих передовых разъездов, что лагерь неприятеля, как это обыкновенно бывает у Галлов, находится не на высоте, а на покатости к реке. Германцы и наши всадники внезапно ударили на неприятеля, не ожидавшего нападения, и начали сражение. Узнав об этом, Кани-

ний двинулся с легионом под оружием в боевом порядке. Вдруг по данному знаку Римляне со всех сторон заняли высоты. Германцы и всадники, видя значки легионов, сражались с большим жаром. Когорты наши дружно устремились на врага: Галлы были почти все или перебиты, или взяты в плен; добыча же была захвачена огромная. В числе пленных находился и сам Драппет.

37. Каниний после такой блистательной победы, не стоившей ему почти ни одного человека, возвратился к осаде города. Уничтожив таким образом грозившие извне войска неприятеля, из-за страха перед которыми он медлил с осадными работами, дабы не ослабить свои войска разделением, Каниний занялся тщательно работами и велел их вести сразу со всех сторон. На другой день туда же прибыл со своими войсками Г. Фабий и взял на себя осаду части города.

38. Между тем Цезарь оставил в земле Белловаков квестора М. Антония с 15 когортами из опасения, дабы Белги снова не задумали возмущения. Сам он посетил прочие племена, взял с них множество заложников, а своими ласковыми речами успокоил жителей, пребывавших в страхе. Прибыв в землю Карнутов, которые, как видно из записок Цезаря, были зачинщиками войны и потому в сознании своих проступков опасались за себя более других, Цезарь, чтобы поскорее успокоить умы прочих граждан, потребовал выдать ему для казни виновника восстания и возмутителя народа — Гутруата. Хотя он не доверялся даже своим соотечественникам, однако вследствие самых тщательных поисков был пойман и приведен в лагерь Цезаря. Вопреки побуждениям своего сердца Цезарь был вынужден казнить этого человека, смерти которого требовали воины громкими криками, припоминая все потери и бедствия, перенесенные ими из-за него. В конце концов Гутруата забили до смерти и затем обезглавили.

39. Тут узнал он от неоднократно присылаемых Канинием гонцов, что сделали Драппет и Луктерий и что предприняли жители города. Хотя малочисленность неприятелей внушала только

презрение к ним, но упорство их тем не менее заслуживало строгого наказания. Иначе вся Галлия считала бы, что у нее не сил недостало для сопротивления Римлянам, а постоянства и терпения; и прочие племена, увлекаемые примером и полагаясь на выгодную местность, станут домогаться свободы; а всем Галлам известно, что ему, Цезарю, осталось год управлять Галлией, и они были убеждены, что стоило им только этот год выдержать, а затем уже опасность для них минует. Итак, он оставил легата К. Калена с двумя легионами и приказал им следовать за собой прямым путем, а сам со всей конницей как можно поспешнее двинулся к Канинию.

40. Цезарь против всеобщего ожидания прибыл в Укселлодун; он видел, что город со всех сторон окружен осадными укреплениями и что ни при каких условиях нельзя оставить предпринятого Канинием обложения; а с другой стороны, из показаний перебежчиков видно было, что город снабжен большим количеством хлеба, поэтому Цезарь попытался отрезать неприятелей от воды. Река протекала через низменную долину, опоясывавшую почти со всех сторон гору, на крутой и обрывистой вершине которой расположен город Укселлодун. Местность не позволяла отвести воду из этой реки; у подошвы горы она неслась настолько быстро, что ни в одну сторону, как бы ни были глубоки рвы, не могла сбегать. Для жителей города спуск к реке был весьма затруднителен по его крутизне, так что, подвергаясь нападению наших, они не могли без опасности для жизни ни подходить к реке, ни возвращаться в город по крутому склону горы. Видя затруднение горожан в снабжении водой, Цезарь расположил стрелков и пращников, а напротив мест, представлявших удобнейший спуск, он разместил метательные орудия и тем воспрепятствовал осажденным брать воду из реки. Тогда они начали ходить за водой все в одно место, где почти под самой стеной города бил из горы сильный ключ, и с этой стороны до реки было расстояние около трехсот шагов.

41. Все видели необходимость отрезать горожан от этого источника; но только Цезарь изыскал к этому средство. Он прика-

зал с этой стороны вести насыпь при помощи крытых ходов; это предприятие стоило великих трудов и постоянных стычек с неприятелем, которому легко было с возвышения нападать на наших, и много наших было ранено; но они упорно заступали один на место другого и продолжали работы, побеждая терпением и настойчивостью затруднения местности. В то же время стали проводить потайные мины от места осадных работ к самому роднику; этот род неприязненных действий можно было вести безопасно и даже без ведома неприятеля. Насыпь сделали в 9 футов высотой и на ней устроили башню в 10 этажей; она не могла сравняться по высоте со стеной — достигнуть этого было решительно невозможно, — но она достигла уровня родника. С этой башни стрелы, бросаемые из машин, достигали источника, и осажденные только с большой опасностью могли брать из него воду. Таким образом, не только скот и лошади, но и множество людей гибло от недостатка воды.

42. В этой крайности уstraшенные жители города наполняют бочки соломой, смолой и мелким хворостом, зажигают их и бросают на наши осадные укрепления. В то же время они учинили самое упорное нападение с целью отвлечь Римлян от тушения пожара. Вскоре все наши укрепления были в огне. Пущенные по крутому склону горы зажженные бочки останавливались у крытых ходов и насыпи и поджигали все, что им попадалось навстречу. Напротив, наши, несмотря на опасный ход битвы и на неблагоприятные для них условия местности, сражались с величайшим рвением. Битва происходила на возвышении на глазах у всего нашего войска; с обеих сторон раздались военные клики. Итак, храбрые воины выбивались из сил, чтобы поддержать свою добрую славу, и смело бросались под огонь и неприятельские стрелы.

43. Цезарь, видя, что множество наших воинов ранено, приказал когортам со всех сторон всходить на гору и поднять большой крик, как бы они уже готовы были занять стены города. Испуганные этим жители, не зная, что происходит в прочих местах,

прекратили нападение и, дав знак к отступлению, заняли войсками стены города. Тогда наши, не занятые больше сражением, поспешно прекратили пожар, отчасти потушив его, отчасти отрезав ему возможность к дальнейшему распространению. Неприятель упорно сопротивлялся и не сдавался, хотя множество их гибло от жажды. Наконец, подземными работами была отведена вода из родника, так что он, прежде неистощимый, вдруг иссяк. Жители города пришли в отчаяние, видя в этом не действие усилий человеческих, но волю божества, и, вынужденные крайностью, сдались.

44. Цезарь, явив столько примеров милосердия, не опасался более, чтобы его строгость приписали жестокости. Но он не видел успешного конца своим намерениям, если в разных местах возникнут подобные упорные восстания, и потому счел за нужное примерным наказанием устроить прочих. Вследствие этого он приказал всем осажденным, кто носил оружие, отрубить руку, но оставить им жизнь, чтобы они служили живым уроком для других. Драппет, о котором мы сказали выше, что он был взят в плен Канинием, или от огорчения и неприятностей плена, или из опасения более тяжкого наказания несколько дней не принимал пищи и таким образом лишил себя жизни. В то же время Луктерий, о котором я уже писал, что он ушел из сражения, попался в руки Арверну Эпазнакту (Луктерий беспрестанно переезжал с места на место, вверяя свою жизнь разным лицам и не решаясь долго оставаться на одном месте, сознавая, какого жестокого врага он приобрел себе в Цезаре). Эпазнакт из приверженности к народу Римскому нисколько не усомнился задержать Луктерия и в оковах доставил его Цезарю.

45. Лабием между тем имел с Тревирами конное сражение, окончившееся для него счастливо. Много Тревиров погибло, а старейшины Германцев, никогда не отказывавшие в своем содействии против Римлян, достались ему живыми в руки. В числе взятых в плен находился Эдуй Сур, отличавшийся доблестями



Аид и Персефона на троне в подземном царстве.
Вотивный рельеф из терракоты из святилища богини
в Локри-Эпицефири. Ок. 470 г. до н.э.

и знатностью происхождения; он единственный из Эдуев до сих пор еще не сложил оружия.

46. Узнав об этом, Цезарь убедился, что наши дела во всех частях Галлии находятся в прекрасном положении и что в прошлогоднюю кампанию Галлия окончательно побеждена и усмирена, поэтому с двумя легионами двинулся в Аквитанию. Дотоле Цезарь сам в ней еще не был, но некоторую ее часть покорил через П. Красса; теперь же он хотел не без пользы употребить конец лета. Поход в Аквитанию, как и все действия Цезаря, был так же быстр, как и удачен: все племена Аквитании прислали к нему послов и дали ему заложников. Окончив все дела, Цезарь с конным отрядом отправился в Нарбонну, а войско поручил легатам развести по зимним квартирам: четыре легиона под начальством легатов М. Антония, Г. Требония и П. Ватиния и К. Туллия стали в Бельгии. Два легиона были отправлены в землю Эдуев, сильное влияние которых на прочую Галлию небезызвестно было Цезарю. Два легиона были расположены в земле Туронов подле границ Карнутов с целью держать в повиновении всю страну, прилежащую к Океану; а два остальных легиона были посланы в землю Лемовиков, по соседству с Арвернами; таким образом, ни одна часть Галлии не оставалась без войск. Несколько дней Цезарь провел в Провинции, поспешно посетил все сеймы, решил судебные общественные дела и раздал награды всем, кто заслуживал, а ему ближе и лучше всего было знать расположение к Римлянам всех и каждого из жителей Провинции во время восстания всей Галлии, усмирить которое дали ему возможность верность и средства этой области. Окончив все эти дела, Цезарь отправился в Бельгию к легионам и зимовал в городе Неметоценне¹.

47. Здесь Цезарь получил известие, что Атребат Коммий имел сражение с нашей конницей. Хотя с тех пор, как Антоний занял зимние квартиры, племя Атребатов оставалось в повиновении, однако Атребат Коммий после нанесенной ему раны постоянно

¹ Ныне Арас.

готов был поддерживать своих сограждан в их замыслах, и те из них, кто искал войны, имели в нем верного вождя и руководителя. С тех пор как Атребаты находились в повиновении у Римлян, Коммий кормился со своим отрядом всадников грабежами; он перехватывал в неблагоприятных местах большие обозы, шедшие к зимним квартирам Римлян.

48. При Антонии префектом конницы был Г. Волузен Квадрат; он находился с ним на одних и тех же зимних квартирах. Его-то Антоний и послал в погоню за неприятельской конницей. Волузен соединял в себе сильную ненависть к Коммию с отличной храбростью и тем охотнее взялся исполнить возложенное на него поручение. Итак, расположив свои войска в засаде, он часто нападал с успехом на всадников Коммия. Раз в пылу особенно упорного сражения Волузен, увлеченный желанием захватить самого Коммия, с немногими всадниками с жаром преследовал его. Тот быстрым бегством завлек Волузена далеко; вдруг он, обратясь к своим, сделал призыв к их дружбе и помощи, прося их отомстить за предательски нанесенные ему раны. Повернув коня, Коммий, отделясь от своих, неосторожно бросился на префекта. Точно так же поступили все его всадники; малочисленных наших воинов они обратили в бегство и погнались за ними. Коммий, пришпорив коня, подскочил к коню Квадрата рядом с ним и изо всех сил ударил его копьем в середину бедра. Увидев префекта раненым, наши стали упорно сопротивляться и, повернув коней, ударили на неприятеля. Тут он от сильного натиска наших обратился в бегство; много всадников было ранено, другие взяты в плен. Коммий быстроте коня был обязан своим спасением; префект, раненный, по-видимому, так сильно, что опасались за его жизнь, отнесен был в лагерь. А Коммий, или считая себя достаточно отомщенным, или вследствие гибели большей части своих воинов, отправил послов к Антонию и представил ему заложников в ручательство того, что он будет жить там, где он ему предпишет, и исполнит все его приказания. Об одном он просил, чтобы, извиняя его страх, не допускали к нему ни одного Римлянина. Антоний,

находя, что эта просьба оправдывается справедливым страхом, простил Коммия и принял от него заложников.

Я знаю, что Цезарь в каждой книге своих записок обнимал события одного года; я же в этом случае не хотел ему подражать, тем более что следующий год, когда были консулами Л. Павл и Г. Марцелл, прошел для Галлии без особенно важных событий. Но для того только, чтобы не оставить в забвении, где в течение этого времени находился Цезарь со своим войском, я заблаговременно написал об этом краткое известие и присоединить к этой книге.

49. Цезарь, проводя зиму в Бельгии, имел одну цель: удержать племена Галлии в дружественном расположении и не дать им ни случая, ни повода к войне. Менее всего желал он к концу своего правления иметь необходимость вести войну. Он опасался того, чтобы не оставить войны в Галлии в ту минуту, когда войска из нее должны быть выведены; тогда вся Галлия, не видя над собой постоянной опасности, готова была бы взяться за оружие. Итак, он с Галльскими племенами обращался весьма ласково, осыпал их старейшин наградами, не налагал на них вновь никаких тягостей и, облегчив положение Галлии, обессиленной столь продолжительной и неудачной борьбой, без труда удерживал ее в мире и повиновении.

50. Цезарь по окончании зимы против обыкновения отправился в Италию самым поспешным образом, для того чтобы посетить муниципии и колонии и склонить их поддержать его квестора М. Антония в его искательстве жреческой должности. В этом случае Цезарь весьма охотно хлопотал в пользу человека, соединенного с ним узами тесной дружбы и им самим представленного в эту должность, против усилий аристократической партии, которая, отвергнув Антония, хотела тем поколебать значение Цезаря, службе которого уже выходил срок. Хотя Цезарь, еще не доехав до Италии, получил известие, что М. Антоний избран авгуром, однако он счел не излишним посетить муниципии и колонии как для того, чтобы поблагодарить их за то, что они своим влиянием и голосами поддержали Антония, так и попро-



Венера и Марс.
А. Канова

силь их не отказать и ему в искательстве на следующих выборах чести консульской — тем более что враги Цезаря нагло хвалились тем, что вновь избранные консулы Л. Лентулл и Г. Марцелл лишат Цезаря всякой власти и значения; что консульство отнято у Сервия Гальбы, несмотря на то что он имел больше голосов и пользовался большим расположением избирателей вследствие того, что был в дружеских отношениях с Цезарем и находился легатом при его войске.

51. Во всех муниципиях и колониях прибытие Цезаря было для него настоящим торжеством; его встретили везде с невероятной честью и любовью. Ничего не оставалось, чего бы не было придумано и сделано для Цезаря относительно убранства, ворот, дорог и всех мест, по которым должен был идти Цезарь. Весь народ вместе с детьми выходил к нему навстречу; везде приносили благодарственные жертвы; на площадях и помостах храмов устанавливались столы. Одним словом, Цезарь заранее наслаждался всеми удовольствиями самого желанного триумфа: богатые обнаружили в этом случае свою щедрость, а бедные — готовность служить Цезарю.

52. Цезарь, объездив все земли Галлии Тогаты, возвратился с величайшей поспешностью к войску в Неметоценну. Назначив в земле Тревиоров место сбора для всех легионов, находившихся на зимних квартирах, он отправился туда и там произвел им смотр. Т. Лабиену Цезарь вверил в управление Галлию Тогату, для того чтобы он лучше ему содействовал в его искательстве консульства, а сам совершал только лишь такие переезды с места на место, какие нужны были для поддержания здоровья вследствие перемены мест. Нередко доходили до Цезаря слухи, что враги его стараются увлечь Лабиена; а с другой стороны, он достоверно знал, что немногочисленная партия хлопочет о том, как бы под предлогом сенатского определения отнять у Цезаря какую-нибудь часть войска. Впрочем, Цезарь и относительно Лабиена не давал веры никаким слухам, и ни в каком случае не хотел действовать против сената, будучи убежден, что пока мнения в сенате будут

свободны, он всегда будет оправдан. Г. Курион, трибун народный, взяв на себя защиту дела Цезаря и его чести, не раз говорил сенату, что если он имеет опасение насчет Цезаря и его войска, то так как власть и армия Помпея не менее внушают страха народу, необходимо тому и другому положить оружие и оставить войско и что таким образом независимость и вольность государства будут обеспечены. И он не ограничился этим мнением, но уже начал было собирать голоса. Консулы и друзья Помпея настояли, чтобы это мнение не было принято; на этот раз сенат ограничился неопределенным решением этого дела.

53. Это было явным знаком расположения сената и соответствовало давнишнему факту. Еще в прошлом году Марцелл, стараясь всячески повредить значению Цезаря, вопреки закону Помпея и Красса доложил сенату о провинциях Цезаря досрочно. При подаче голосов, несмотря на то что их собирал Марцелл, который свое достоинство ставил в унижении Цезаря, сенат значительным большинством принял решение, совершенно противоположное предложению Марцелла. Враги Цезаря от этого не теряли присутствия духа, а старались только распространением круга своих связей достигнуть того, чтобы сенат одобрил то, что они сами между собой задумали.

54. Затем состоялось определение сената: на Парфянскую войну отправить два легиона, взяв один у Помпея, а другой — у Цезаря; явным было намерение отнять оба легиона у него одного. Помпей как бы из своего войска дал первый легион, который был им послан к Цезарю, но составлен из рекрутов Цезарева участка. Цезарь, несмотря на то что ясно видел, к чему клонится умысел его противников, отослал Гн. Помпею его легион, а от себя в исполнение сенатского определения велел сдать пятнадцатый легион, находившийся в Ближней Галлии. На его место Цезарь отправил в Италию тринадцатый легион занять караулы, оставленные пятнадцатым, а сам войска расставил по зимним квартирам: Г. Требония с четырьмя легионами поместил в земле Белгов, а Г. Фабию с таким же количеством легионов велел стоять в земле

Гай Юлий Цезарь

Эдуев. Цезарь был убежден, что Галлия будет совершенно спокойна, если Белги, отличающиеся храбростью, и Эдуи, имеющие сильное влияние на Галлов, будут войсками держаться в повиновении. Сам он отправился в Италию.

55. По прибытии туда Цезарь узнает, что оба легиона, Цезарем представленные и долженствовавшие по сенатскому определению идти на войну с Парфами, консул Марцелл, сам по себе, отдал Гн. Помпею, который и удержал их в Италии. Несмотря на очевидность этого факта и ясность приготовлений против Цезаря, он решил скорее все перенести, пока останется какая-либо надежда решить дело справедливым разбирательством, а не войной. А потому он пошел...

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая	5
Книга вторая	42
Книга третья.	61
Книга четвертая	79
Книга пятая	100
Книга шестая	136
Книга седьмая.	163
Книга восьмая.	221

Литературно-художественное издание

Иллюстрированная военная история

12+

ИСТОРИЯ ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Зав. редакцией *Ю. Данник*
Руководитель направления *Т. Чурсина*
Ответственный редактор *З. Бичанина*
Дизайн обложки *В. Воронина*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *Т. Бородоченкова*
Компьютерная верстка *В. Брызгаловой*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги и брошюры
Подписано в печать 8.12.2016. Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 20,8
Тираж экз. Заказ

ООО «Издательство АСТ»
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, стр. 3, комната 5
Адрес нашего сайта: www.ast.ru • E-mail: ogiz@ast.ru